

## "Жестокие и любимые (ЛП)"

Читайте больше **БЕСПЛАТНОЙ** литературы  
в онлайн-библиотеке  
[mir-knigi.org](http://mir-knigi.org)

## **ВНИМАНИЕ!**

*Текст предназначен только для предварительного ознакомительного чтения.*

*Любая публикация данного материала без ссылки на группу и указания переводчика строго запрещена.*

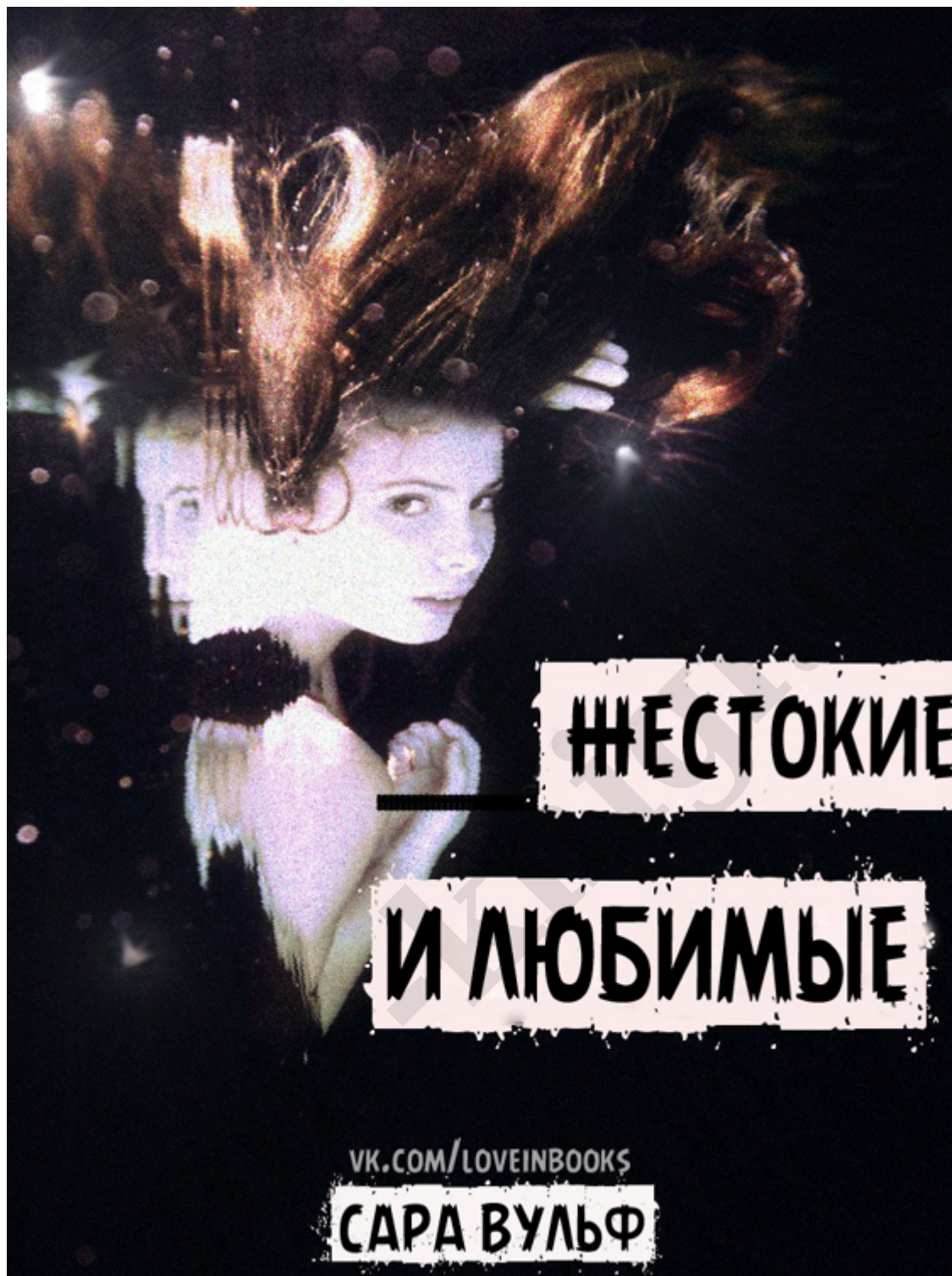
*Любое коммерческое и иное использование материала, кроме предварительного ознакомления, запрещено. Публикация данного материала не преследует за собой никакой коммерческой выгоды. Эта книга способствует профессиональному росту читателей.*

**Сара Вульф**

**Жестокие и любимые**

**Прекрасные и порочные - 3**

mir-knigi.org



**Оригинальное название:**

*Sara Wolf - Brutal Precious, 2014*

*Сара Вульф - Жестокие и любимые, 2016*

**Авторы перевода:** *Оля Медведь, Маша Медведева*

**Редактор:** *Виктория Коробко*

**Перевод группы :** *<http://vk.com/loveinbooks>*

## Аннотация

*Жизнь сталкивается со смертью. Конец сталкивается с началом.*

*Восемнадцатилетняя Айсис Блейк не влюблялась три года, сорок три недели и два дня. Или она так думает.*

*Парень, которого она возможно-своего-рода-определенно любила, исчез с лица земли после смерти своей девушки, оставив за собой лишь дыру в форме Джека. Решив быть счастливой, Айсис заполняет ее ложью и натягивает храбрую улыбку для новой жизни в Университете штата Огайо.*

*Но как долго можно сохранять эту улыбку, если все твои друзья ушли?*

*Как долго можно сохранять эту улыбку, если чувство вины в смерти Софии на тебя давит?*

*И как долго можно сохранять эту улыбку, если Уилл Кавано учится в том же университете и насмехается над тобой?*

*У Айсис хорошо получается притворяться, что все в порядке. Но не идеально. И вскоре начинают проявляться трещины.*

*У Айсис Блейк хорошо получается восстанавливаться.*

*Но у Джека Хантера лучше.*

*Книга содержит сексуальные сцены и нецензурные выражения, не предназначенные для детской аудитории.*

*Это третья и заключительная книга серии «Прекрасные и порочные».*

**Джек наклоняется и на сей раз целует меня. Поцелуй не распяляет душу, не вызывает головокружение, как пишут в книгах. Но я ощущаю его вкус и запах. Из всех девушек на свете он целует именно меня. Отстранившись, он открыто улыбается - так он улыбался только Софии, но сейчас эта редчайшая, милая и настоящая улыбка принадлежит мне, и эта улыбка лучше всех фейерверков. Джек прислоняется своим лбом к моему.**

- Дурочка. Не будет никакого притворства, - шепчет он, - потому что я тоже тебя люблю.

Меня бросает в дрожь, и я замираю, не смея в это поверить.

- Т-ты... ты серьезно? - шепчу в ответ. - Правда? Потому что... потому что, если ты вселяешь в меня ложную надежду, я... я просто этого не вынесу, понимаешь? Это больно.

Я истерически смеюсь на грани слез, и Джек, обхватив ладонями мое лицо, заглядывает мне в глаза.

- Я люблю тебя.

- 1 -

3 года

43 недели

2 дня

Когда мне было девять лет, папа собрал все свои вещи и ушел. На улице было ясно и солнечно, а в воздухе витал аромат черники. Помню, на мне был джинсовый комбинезон. Я смотрела, как папа садится в такси и оно уезжает прочь. Я пыталась за ним бежать, но мои ноги были слишком маленькими.

В тот день он преподавал мне важный урок.

Когда все усложняется, люди уходят. Не подумайте, я их не осуждаю. Нет. Со сложностями действительно трудно справиться, они отнимают много энергии, времени и внимания. Поэтому люди уходят. Уходят, поскольку так легче. Они смогут направить это время и энергию в другое русло, на что-то не столь сложное. Отец ушел, потому что мама все время ругалась (у нее сдавали нервы из-за моего воспитания) и у них постоянно не хватало денег, опять же, из-за меня, ведь им нужно было поставить меня на ноги. Это было тяжело для них обоих. И все из-за меня. По большей части это была моя вина. Они были бы счастливы, если бы у них не было меня. А я до сих пор так и не собрала с духом, чтобы попросить у них за это прощение.

Но теперь я уезжаю в университет. Я выросла и больше не нуждаюсь в них так, как раньше. Я больше не та маленькая девочка, которая пыталась бежать за такси.

Солнце, как обычно, желает уничтожить мои глазные яблоки. Я каждый день просыпаюсь в два часа, а это означает, что я рок-звезда. Или зомби. Возможно, и то и другое. Рок-звезды принимают кокаин, а кокаин – это пыль зомби<sup>1</sup>, верно? Верно. Я так много знаю о наркотиках. Я уезжаю в университет и так много знаю о наркотиках. Со мной все будет в порядке.

- Айсис? - Раздается стук в дверь, и в мою комнату проникает папин голос. - Почему ты говоришь о наркотиках? Ты что, куришь травку, юная леди?

Я вскакиваю с постели, надеваю джинсовые шорты, разглаживаю свою мятую после сна рубашку и только тогда бегу открывать дверь. Папа осуждающе смотрит на меня сверху вниз, цвет глаз у него, точно как у меня, тепло-коричневый, а его темные волосы уже тронула седина.

- Естественно, я выкурила целых три косяка марихуаны, - объявляю я. - Четыре-двадцать<sup>2</sup>. Зажигай. Что-то в духе Боба Марли.

Но на папу моя речь не производит никакого впечатления, тогда я обнимаю его и скачу вниз мимо дюжины семейных фотографий. Стены в коридоре чисто-белые, а пол застелен роскошными коврами. Лестница в доме огромная, словно из «Золушки», а перила из вишневого дерева начищены до блеска.

- Ну наконец-то! Доброе утро, Айсис.

- А вот и злая мачеха, - бормочу я. На самом деле она вовсе не злая. По шкале от ангела до демона, ей светит четверка, то есть она что-то вроде рассеянной эгоистки. Тот же уровень, что у заместителей учителей и у парней, которые врубают басы в своей машине на полную катушку, когда ты пытаешься заснуть. Я называю ее злой лишь потому, что от этого мне становится лучше. Прямо исцеление злом.

Посреди прихожей стоит голубоглазая блондинка и смотрит вверх, ее запястья такие тонкие, что смахивают на терновый куст, а на лице столько косметики, что обзавидуется любой трансвестит. Я ни разу не видела Келли неухоженной и несобранной, даже ночью и по воскресеньям. Она почти на седьмом месяце беременности, но даже в таком положении Келли выглядит так, будто сошла со страниц каталога «Сирс». У меня есть подозрение, что она - робот, однако я пока не нашла ее зарядное устройство.

- На завтрак у нас круассаны, а еще я приготовила твоё любимое блюдо: блинчики со взбитыми сливками! Ты ведь их любишь, верно? По крайней мере, так сказал твой отец.

- Ага. Я их очень любила. Когда мне было четыре года. - Я широко улыбаюсь, пока ей не становится неловко. Папа ничегошеньки не знает о той, кем я стала. - Слушай, благодарствую за попытку влезть в шкуру Марты Стюарт, но у меня другие планы на завтрак!

- Нет у тебя никаких планов, - пренебрежительно отвечает она.

- Э-э, да, есть. С друзьями.

- Какими друзьями? Здесь, в Джорджии, у тебя нет друзей.

- Ты должна знать, что у меня есть друзья во всем пространственно-временном континууме. И некоторые из них обладают телепатией. И могут метать огненные шары. Тебе нравятся огненные шары? Надеюсь, что да. Потому что моим друзьям не нравятся люди, называющие меня одинокой!

Идеальное фарфоровое личико Келли мрачнеет. Я уже к этому привыкла, так как все четырнадцать дней, что я нахожусь в Джорджии, она состраивает именно эту гримасу каждый долбаный раз, когда что-то вылетает из моего рта. Она ненавидит то, что я говорю, и то, кто я такая. Я не соответствую ее шаблону «идеальная девочка-тинейджер».

Она хочет сказать мне, что это смешно и что я переборщила, но не говорит, поскольку в первую очередь она желает мне понравиться. Я прохожу мимо нее и хватаю со столика свой кошелек и ключи.

- Может, устроим небольшой шоппинг? - предлагает Келли, когда я подхожу к двери. - Мы можем сходить, куда захочешь! В центре есть одно замечательное местечко...

- А может, нет? - отвечаю я. - Однако с уклоном в «нет, спасибо»?

- Жаль. - Келли выжимает улыбку. - Я действительно хотела бы тебя узнать.

- Ты действительно хочешь меня узнать? Хочешь узнать, что я наложила в штаны в третьем классе? Что мне нравится галимая попса, карусели и оранжевый цвет?

- Отличное начало! - восклицает она.

- Ты хочешь мне понравиться. Тебе плевать, кто я, ты просто хочешь мне понравиться. Но этого не будет. Это не может произойти в одночасье.

- Что здесь происходит? - спрашивает отец, появляясь на лестнице. - Айсис, почему ты разговариваешь с Келли таким тоном?

- Каким тоном? - дерзко уточняю я.

- Вот, снова этот тон. Не смей так со мной разговаривать, я твой отец!

В моем горле образуется обжигающий ком.

- Ну прости. Совсем забыла, тебя ведь не было рядом целых восемь лет!

Я выхожу и хлопаю за собой дверь. Гравий хрустит под моими разъяренными шагами. Келли неблагоразумно разрешила мне брать ее «старый» черный БМВ, который, между прочем, практически новый. У нее их пять штук, все разных цветов, с откидными верхами и навороченными дисками. Я залезаю в машину, от всей души хлопая дверью, завожу двигатель и покидаю озелененную лужайку и пальмы, выстроенные в величественные ряды по краям дороги. У них даже игровой домик для детей сделан из мрамора и имеет свой собственный крохотный работающий фонтан.

И вся эта роскошь мне доступна, а я веду себя как плаксивый, выпендренный ребенок на коленях у Санты в торговом центре.

Я направляюсь на пляж, чтобы успокоить свои бушующие нервы. Я согласилась приехать к ним на лето потому, что поверила, будто отец действительно скучал по мне и хотел повидаться до моего отъезда в университет. Где-то в огромном и поразительном лабиринте, которым является моя голова, срабатывает гудок телеигры. Бззззз. Неверно. Папа хотел, чтобы я приехала сюда только потому, что чувствует себя виноватым и пытается наверстать упущенное. Но это невозможно. Он уже ничего не сможет изменить. Нельзя вернуть прошлое. В отличие от мамы, он так и не вернулся за мной. Келли нисколько не изменилась, это я изменилась. Я больше не в силах ее выносить. Теперь я совершенно другой человек. Когда я навещала их несколько лет назад, я была тихой. Грустной. Я не дралась и не спорила. Наши отношения с Безымянным были в самом расцвете. В прошлый раз я сюда приезжала как раз перед...

Я трясую головой, избавляясь от этих мыслей.

В прошлый раз, когда я сюда приезжала, я была невинной. Простой. Чистой...

Отец до сих пор думает, что я все та же маленькая девочка, которой была несколько лет назад, и обращается со мной, как с ней. Будто я должна уважать его. Будто меня должно волновать, что он говорит.

Но это явно не мой случай.

Ведь он бросил меня. Дважды.

Однако я никогда не смогу сказать ему это в лицо, потому что это полностью разрушит то небольшое от семейной динамики, что у меня осталась. Новость о том, что я не поеду в Стэнфорд, также не поспособствовала улучшению его мнения обо мне. Он уже приобрел дурацкую футболку с надписью «МОЙ РЕБЕНОК ПОСТУПИЛ В СТЭНФОРД». Кто вообще покупает такие футболки? Туристы да люди с отсутствием чувства стиля? Папа не смог бы

разобраться в моде, даже если бы она укусила за его задницу профессора истории, и он определенно турист, поскольку изредка прибывает в мою жизнь всего на несколько недель, при этом не забывая жаловаться на все, что не так идеально, как на страницах журнала «Мэйси».

Я делаю глубокий вдох и паркуюсь. Голдфилд Бич – это крохотный, поросший травой, песчаный холмик, расположенный между нежно омываемым серым песком. Вода сегодня беспокойная и темная, будто злая ведьма готовит варево, чтобы убить кучу людей. Это Атлантика. Здесь я выросла. Запах соли и нагретых на солнце камнях заполняет мой нос. Чайки вежливо кричат друг на друга, борясь за кусочки краба. Океан такой огромный, и его уж точно не волнует, каким тоном я разговариваю, занимаюсь ли я шопингом или то, что предпочитаю штат Огайо Стэнфорду.

Я скидываю туфли и бегу. Мы с бегом сразу же развелись после того, как я похудела. Но прямо сейчас бег – самое лучшее лекарство. Даже БМВ провонял Келли. Бег – единственный способ действительно оставить все дерьмо позади.

Это веселый и уникальный опыт, ведь здесь много песка. Я продолжаю бежать и так сильно спотыкаюсь об камень, что, возможно, теперь у меня будет причудливая, деформированная нога хоббита. Чувствую, как рвота подступает к горлу. И именно в этот момент чайка едва не гадит мне на руку.

– Все в порядке, приятель! – Я затеняю глаза рукой и смотрю на небо. – К счастью для тебя, я не только потрясающе красива, но и доброжелательна. Так что я прощаю тебя!

Птичка же в знак благодарности сбрасывает бомбу мне на плечо.

Я вздыхаю. Могло быть и хуже. Меня могли бы окружать люди. На Луне. И один из них мог бы оказаться Джеком Хантером.

Мой желудок скручивается, будто мастер йоги. Ледяные глаза заполняют мои мысли, и я призываю остатки своего огня, чтобы их растопить. Не сейчас.

Никогда.

Я далеко от машины, так что ее причудливые немецкие фары не могут наблюдать, как я размышляю о жизни в невероятно мечтательной, но все же сексуальной манере, которой я так знаменита. Да, я определенно прославилась благодаря своей изысканной манере. Эм, точнее приобрела дурную репутацию. Ну да ладно. Интересно, смогу ли я это повторить? В Ист Саммит Хай я оставила свой след, но в Университете Огайо я буду ничем. Я буду жвачкой, прилипшей к подошве обуви занятой нью-йоркской леди. Даже меньше этого! Я буду кусочком хлеба, который никто не ест, потому что он находится с незапечатанной стороны упаковки, а соответственно, всегда черствый, независимо от того, когда ты его купил!

Я не позволяла себе беспокоиться из-за переезда в университет. Но сейчас, когда осталось меньше недели, я начинаю переживать. Я почти чертова первокурсница Университета штата Огайо! У меня будет собственный уголок в общежитии, соседка по комнате и реальные занятия, где оценки действительно имеют значение! Они определяют мою дальнейшую карьеру/жизнь/перспективы с Джонни Деппом. Сейчас самое время начать относиться ко всему серьезно! Фу-у! От одного этого слова у меня по позвоночнику пробегает дрожь. Серьезно. Сееееерьезно. Злаки очень полезны, *серьезно*. Однако злаковые хлопья «Трикс» предназначены для детей. А университет явно не для детей, он для взрослых.

Я же совершенно не ощущаю себя взрослой.

Больше всего на свете я переживаю за маму, но мы решили проводить вместе выходные, плюс, я буду приезжать к ней каждую среду. Даже ее психиатр говорит, что ей лучше, особенно после того, как посадили Лео. В аэропорту Колумбуса, когда она меня провожала, на ее щеках светился румянец, а целую неделю до этого она улыбалась больше, чем я видела за всю свою жизнь.

Или, возможно, она просто сильно старалась держаться ради меня.

Я поднимаю плоский, гладкий камень и пытаюсь бросить его так, чтобы он попрыгал по поверхности воды, но вместо этого он сразу же идет ко дну.

Ист Саммит Хай поник после смерти Софии.

Никто вам этого не расскажет, ну, конечно, кроме меня. Эйвери все реже и реже появлялась в школе, пока вскоре и вовсе перестала туда ходить. За день до выпускного мы узнали, что она проходит интенсивную терапию в психиатрической больнице. О выпускном бале не могло быть и речи. Общественный порядок Ист Саммит Хай был брошен в блендер и перемолот на полной мощности – девочки всеми силами пытались заполнить вакуум и прибрать к рукам корону королевы выпускного бала. Хотя Эйвери все же появилась на церемонии вручения дипломов, она подошла к трибуне, когда назвали ее имя, и получила диплом. Она выглядела бледной и изможденной, а ее родители наблюдали за ней, натянув улыбки сухого ободрения. У меня возникло ощущение, будто они поместили ее в психушку лишь для вида, якобы так она быстрее «поправится», но на самом деле нисколько не заботились о ее самочувствии. Прежде чем мы успели моргнуть, ее увезли в частный колледж в Коннектикуте, вместо Калифорнийского Университета в Лос-Анджелесе, куда она планировала поехать. Хотя Эйвери и была настоящей стервой, я все же надеюсь, что в конечном итоге она будет в порядке. Или хотя бы немного счастливее. Но София была ее искуплением, ее идолом, ее другом. Если бы я потеряла всех трех сразу, я бы тоже сломалась.

Рен первым пролил слезу на похоронах, он же последним и перестал плакать. Кайла помогла ему пережить самый тяжелый период. Она приходила к нему домой каждый день и оставалась с ним в медпункте во время занятий, когда он разваливался. Наши с ней сердца обливались кровью, когда мы видели Рена в таком ужасном, сломленном состоянии. Я постоянно напоминала ему, что нужно питаться, приносила буррито и пироги, а когда он был не в состоянии есть, то писала ему сообщения с напоминаниями о сне. Вероятно, я не сильно ему помогла. Наверное, я могла бы сделать больше. На выпускном в школе ни один из нас не присутствовал. Мы провели его на могиле Софии.

К церемонии вручения дипломов Рен снова научился улыбаться. Он поступил в Массачусетский технологический институт и уехал туда в начале лета, вероятно, чтобы заработать несколько дополнительных баллов, а может, чтобы сбежать от смерти Софии. Скорее всего, оба варианта верны. Это едва не разбило Кайле сердце, с болью помогло справиться только то, что в сентябре она собирается в Бостонский колледж. Они очень сблизилась после смерти Софии. Не знаю, было ли у них что-то серьезное. В основном Кайла лишь обнимала его. Я ни разу не видела, чтобы они целовались, а Кайла отказалась делиться тем, что между ними происходит. Скорее из уважения к Рену, нежели из-за смущения. Она очень повзрослела, пока помогала ему. Теперь она говорит о «Вог» всего раз в неделю!

Я бросаю еще один камешек. Он летит над волнами и дважды подпрыгивает, прежде чем

утонуть.

Я буду очень скучать по Кайле. Я уже скучаю.

Мы все лето провели вместе. Устраивали последние совместные ночевки и, любуясь звездами, распивали вино на коровьем пастбище. Мы не ходили на вечеринки. Я не хотела. Кайла не дружила с Софией, но эта смерть повлияла на ее самых близких друзей. Мы поклялись писать друг другу каждый день. В Инстаграме. Твиттере. Фейсбуке. В общем, мы поклялись общаться. Много. Пусть мы и не будем часто видеться, но мое сердце покрывает теплое одеяло комфорта, когда я думаю о ней. У нее всегда будет моя спина, за которую она сможет спрятаться, а у меня ее безупречные ягоды.

Джек Хантер не плакал на похоронах.

Он должен был, но не плакал. Он стоял в углу рядом со своей мамой, которая плакала за них обоих, она склонилась к нему в поисках поддержки, и границы ее черного платья и его черного костюма размылись, смешались. Его волосы были идеально уложены гелем, а лицо облачено в непроницаемую маску самого темного льда, который я когда-либо видела. Под глазами синяки от усталости, скулы острее. Я даже вздрогнула, когда взглянула на него. Он больше не разыгрывал скучную, бесстрастную комедию. В нем просто не осталось жизни. Он был совершенно пуст. Жизненная искра была высосана из его глаз, оставив после себя лишь бледную оболочку. Да все его тело, его физическое присутствие, казалось, представляло собой лишь оболочку – иллюзию из зеркал и хрупкого льда, которая рассыплется от легкого прикосновения. На него было страшно смотреть. Он словно был кем-то, кто не должен быть жив или двигаться. Манекеном. Кукольным зомби.

Однажды я попыталась его вернуть. На поминках. В пахнущем плесенью похоронном зале, заполненном корзиночками с печеньем-скорбью и пирожными-грустью. Я пролепетала что-то о Софии, о том, как священник рассказывал, что она была самоотверженной и красивой девушкой, хотя на самом деле совсем ее не знал. Джек стоял в углу – подальше от шума и рыдающей толпы, – уставившись на стакан с водой в своих руках. После моих слов он медленно поставил стакан на тумбочку, взглянул на меня и, обхватив мое заплаканное лицо ладонями, закрыл глаза.

- Все кончено, – слишком спокойно сказал он, и внутри меня что-то оборвалось.

- Что? – спросила я.

Он оттолкнулся от стены и, уходя, бросил напоследок:

- Все.

После этого он перестал ходить в школу. Я разговаривала с директором Эвансом насчет этого, и он сказал, что Джек бросил учебу. В Гарварде не аннулировали его зачисление, так что теоретически Джек все еще мог там учиться, даже со сплошными нулями за последний семестр. Но мы оба знали, что он не поедет в Гарвард. Его это больше не волновало.

Когда настал апрель – его не было уже почти два месяца, – я начала его искать. Я хотела его найти. Черт, я действительно этого хотела. Я боролась. Сначала я думала, ему необходимо пространство, считала, это поможет. Ведь мое присутствие – это последнее, что могло бы ему помочь. Представьте, что вас отслеживает сумасшедшая девчонка, которая была вашим заклятым врагом, да это вызвало бы напряжение даже у великого Вулкана, бога огня. Кроме того, я просто не знала, как ему помочь. Я сделала бы только хуже. Сказала бы что-то

неправильно. Сделала бы что-то неправильно.

Но, когда однажды, ближе к вечеру, ко мне пришла миссис Хантер и стала плакать и умолять его найти, я поняла, что должна это сделать.

Я дождалась весенних каникул и начала гоняться за призраком.

Миссис Хантер отдала мне записку, оставленную Джеком. Это была самая обычная записка на простой белой бумаге, в ней было написано, что он уходит и чтобы она не вызвала полицию, и, конечно, что он ее любит. В отчаянии миссис Хантер обратилась в банк, чтобы получить информацию по его счету. Деньги за операцию Софии были ему возвращены, большую часть из них он кому-то отдал, для себя же снял лишь четыре тысячи долларов. Конечно, четырех тысяч достаточно, чтобы прожить некоторое время. Но его не было практически три месяца!

Он оставил в своей комнате все вещи. Единственное, что он взял, – это отцовскую шкатулку с письмами Софии. Я искала хоть какой-нибудь признак его присутствия на могиле Талли. Но ничего не нашла. На могиле Софии лежала поникшая роза. Ей, наверное, было уже много недель. Если бы Джек приходил к Софии после этого, он бы оставил свежий цветок.

Я проверила больницу. Мира и Джемс сказали, что Джек навещал их второго марта – на следующий день после похорон Софии. Он сказал им, что надолго покидает Ист Саммит Хай, и подарил каждому по новому, огромному, плюшевому мишке в качестве прощального подарка. Они были друзьями Софии, но для нее это было гораздо больше, чем просто дружба. София их любила. Они напоминали ей Талли – ребенка, которого она потеряла. Джек это знал и относился к ним соответственно.

Оставалась последняя ниточка – клуб «Роза», и, естественно, я ее не упустила. Я набрала их номер, но оператор сказал, что Джейден уволился несколько месяцев назад.

Вот и все. Вся моя инициатива резко оборвалась. Джек ускользал из моих рук, словно песок.

А затем мне позвонила девушка по имени Лили. Она подслушала мой разговор с оператором клуба «Роза». Лили представилась другом «Джейдена», в чем я очень сильно сомневалась, ведь единственный друг, которого позволяет себе иметь Джек, – это его собственное отражение и/или его глупый мозг. Однако я все же позволила ей произнести длинный монолог и согласилась встретиться с ней в кафе в Колумбусе.

В кафе передо мной предстала шикарная длинноногая блондинка, ростом около шести футов. По ее дорогой сумочке и духам, я сразу поняла, что Лили работала в эскорте. Да она этого и не отрицала, благодаря чему понравилась мне еще больше. Она не тратила мое драгоценное время, когда я пыталась спасти Джека.

Спасти?

Быстро трясу головой и смотрю, как соленые брызги океана опускаются на камень. «Спасти» – неправильное слово. Я не могу так думать. Я не могу спасти себя, не говоря уже о другом человеке. Но некоторое время я хотела его спасти. Я действительно этого хотела. Ведь Джек больше всех заслуживает помощи. Я думала, что смогу ему помочь, хотя бы немного. Думала, смогу сделать для него хоть что-то.

Я смеюсь и со всей силы бросаю камень в воду.

Я была такой идиоткой.

Прежняя Айсис ни за что бы не сдалась, когда Лили сказала, что Джек встречался с ней перед тем, как покинул город. Он не осведомил ее, куда собирался, но отдал ей манильскую папку и сказал, что, если девушка по имени Айсис когда-нибудь начнет рыскать вокруг клуба, передать ее ей. Так Лили и сделала.

- Должно быть, ты действительно ему нравишься, - рассматривая свои ногти, сказала Лили, когда я убрала папку в сумку.

- Да, конечно. Кобрам тоже нравятся мангусты. На расстоянии. По другую сторону электрической изгороди.

- Нет, послушай. - Лили наклонилась вперед и накрыла холодной ладонью мою руку. - Я повидала много мужчин, ясно? Я встречала все типы мужчин. И Джек... Джек особенный. Он будет отрицать это, но он либо заботится о ком-то всем сердцем, либо совсем не обращает на человека внимания. Он ничего не делает наполовину. Люди, которым Джек потрудился оставить что-то на прощанье, - это люди, о которых он заботится, люди, занимающие очень важное место в его жизни. И ты одна из них.

По моему сердцу словно со всей силы ударил борец сумо. Я попыталась набрать в легкие воздух, чтобы что-то сказать, но каждый вдох причинял острую боль. Я не хотела ей верить. Как я могла ей поверить после того, как он бросил все и сбежал?

Вскоре Лили ушла, оставив меня наедине с папкой.

Прежняя Айсис ни за что бы не сдалась, увидев, что внутри.

Он не оставил мне записку или гигантского плюшевого медведя. Он оставил мне билет в Париж с единственным словом «Прости», начерканным на нем его аккуратным, размашистым почерком.

Мои глаза горели. Он пытался от меня избавиться.

Нет, Айсис, не драматизируй. Из этого ничего хорошего не выйдет. Яркий тому пример - Аманда Байнс или кролики, которые умирают, когда их сердца бьются слишком быстро, или каждый эпизод сериала «Остаться в живых». Возможно, Джек и был бессердечным, но он также?.. Также что? Также не заботился обо мне. Он даже не попрощался со мной лично, а теперь передает мне этот билет. Очевидно же, что сам он не был в Париже и не просил меня присоединиться к нему. Ведь это глупо романтично. У Джека много разных качеств, но «глупый» и «романтичный» находятся в самом конце этого списка наряду с «приятный» и «в целом терпимый».

Я много раз говорила Кайле, что хотела бы путешествовать по Европе, больше в шутку, конечно. И Джек это слышал, ведь он часто находился рядом, когда они встречались. Он, должно быть, воспринял мою шутку всерьез. Количественная информация.

Я достаю из кармана билет. Он потрепан и смят, а самолет улетел шесть дней назад, но я не смогла его выбросить, использовать тоже. В конце концов, Джек купил его мне на деньги для операции Софии. Никогда бы не смогла принять (или отвергнуть) нечто подобное. Так что я просто сохранила его. Смелая Айсис использовала бы его. Невинная Айсис использовала бы его.

Если я сейчас закрою глаза, то смогу представить, как вошла в комнату Джека в поисках

подсказки, куда он уехал. Пляж исчезает, и вот я уже лежу на его кровати, глядя в потолок и гадая, где он находится в этом адском заднем проходе, который мы именуем Землей. В безопасности ли он. Знаю, о его счастье и сметь просить не стоит – это слишком много. Но если он будет в безопасности, то в один прекрасный день он вновь сможет стать счастливым. Или мне только так кажется. Я не могу знать наверняка. С моей стороны будет высокомерно сказать, что я в этом уверена, ведь никто из моих любимых не умирал. А Джек потерял троих.

Возможно, он больше никогда не будет счастлив.

Возможно, он необратимо сломался.

Его комната исчезает и возвращается океан.

В горле вновь образуется ком, но уже невыносимый.

- Надеюсь, ты в безопасности, идиот, – шепчу я волнам.

Я могу лишь надеяться на это и двигаться дальше. Я не могу ждать вечно. У меня и своя жизнь есть. Но я хочу, чтобы все сложилось иначе. Нет, не чтобы мы встречались. Поскольку это было бы ужасно и тупо эгоистично/невозможно из-за смерти Софии. Я просто забочусь о нем. Как о враге. Как о сопернике. Как о единственном в мире человеке, который может бросить мне вызов. Я хочу, чтобы он был здоров и хорошо функционировал, ведь тогда мы смогли бы встретиться и снова сразиться. Потому что сражаться было весело, я многому научилась благодаря нашей войне, очень повзрослела. Только сражение. Это все, по чему я скучаю. Все.

Мое сердце щемит, и я начинаю плакать. Черт, надо это как-то остановить. Сняв рубашку, вытираю ею испражнения чаек с капота БМВ Келли и... заливаюсь смехом.

И это здорово... только все это перерастает в истерику.

- 2 -

Его выдала кривая ухмылка мальчишки.

Он улыбался так, как улыбаются подростки, когда собираются выкинуть какую-нибудь пакость. Вполне вероятно, жестокую и мучительную. А также, скорее всего, незаконную и, безусловно, доставившую им незабываемое веселье. Однако нисколько не сомневаюсь, что вовсе не забавную для людей, над которыми ее провернут.

Вот почему я следую за ним. Я прекрасно знаю эту ухмылку. Знаю ее ценность, как каждую частичку своей души. Ведь сам лично не единожды прибегал к подобной улыбке, когда был глупым, злым мальчишкой, который потерял отца и вынужден был отыгрываться за это на всем мире. За пару мгновений до того, как я поднял битку на Лео, на моем лице расплылась именно эта улыбка. Однажды эта же улыбка красовалась на моем лице во время сопровождения женщины, которая находила сценарии изнасилования безмерно сексуальными.

После того, как я покинул ее, меня рвало еще целый час. Я пытался вытравить ее из своих воспоминаний, пытался очистить себя от порока. Очистить все человечество.

Но не смог.

Я следую за мальчишкой, который приводит меня к двум своим – уже без сомнения –

соучастникам. Первогодки в старшей школе, наверное. Тощие, в узких джинсах и с наушниками, свисающими из карманов. Ни мускул. Ни опыта. Ни мужества. Вот почему они загнали бомжа в угол между мусорным контейнером и стеной, исписанной граффити карамельного цвета, которое уже потемнело по краям. Прогнило. Малолетки смеются и толкают одетого во фланелевую рубашку и грязные брюки бездомного, который дрожащими руками вцепился в незадолго выуженный из мусора полусъеденный банан. Его загорелое лицо украшает спускающаяся до груди седая запутавшаяся борода. Мужчина что-то бормочет себе под нос; настолько тихо и быстро, что походит на песнопение... или проклятие. Он не хочет умирать. Он каждый день борется за жизнь.

- Что? Я тебя не слышу, чокнутый ублюдок! - Мальчишка театрально наклоняется, приложив руку к уху. - Говори громче, думаешь, мы услышим твое дерьмо, если ты будешь так мямлить.

Второй парень достает из кармана телефон и направляет на них объектив.

- Готово. Записываю, можешь начинать.

Третий мальчишка хмурится.

- Не надо, чувак, кто-нибудь увидит.

- Нет, никто не увидит, - рявкает второй подросток. - В любом случае, мы снимем его со спины.

- Он поворачивается к первому мальчишке. - Мы снимем тебя со спины. Давай!

Первый парень колеблется, и тогда я понимаю, что он не представляет собой реальную угрозу, впрочем, как и третий, который выглядит очень нервным, словно только и ждет подходящего момента, чтобы сбежать. Второй парень, тот, что с камерой. Вот кто представляет настоящую угрозу. Трус, прячущийся за объективом камеры, точно так же, как и Рен той ночью. Однако, в отличие от Рена, мальчишка весело улыбается. У Рена не было и намека на улыбку. Он будто пребывал в коматозном состоянии, совершенно ничего не соображал. Словно спрятал свою душу глубоко-глубоко, дабы уберечь ее от насилия. Этот же, «великий видеооператор», подстрекает, подзадоривает, понукает, используя всю маленькую, больную власть, которой располагает в своем долговязом подростковом теле.

Прежде чем выбить камеру из его рук, кратко благодарю любого слышащего меня Бога. Я прожил достаточно, чтобы изучить разницу между просто плохими людьми и по-настоящему ужасными. К сожалению, некоторым этого не суждено узнать, и им причинят боль.

Как Айсис.

Как Софии.

Сердце болезненно щемит, и я снова наношу удар, но на сей раз по его лицу. Мальчишка отшатывается, а сквозь его пальцы, которыми он прикрывает нос, течет кровь. Его друзья отскакивают в недоумении. Бездомный вскрикивает и, прикрыв голову тощими руками, забивается в угол.

- Твою мать, ты кто такой?! - кричит второй мальчишка.

- Никто не имеет права бить Реджи! - Первый мальчуган принимает боевую позицию.

- Убирайтесь отсюда, - спокойно произношу я, - или вы будете следующими.

- Да пошел ты! - Первый бросается на меня, и я, увернувшись, одним плавным движением заламываю его руки за спину. Он борется, пытаюсь пнуть, ударить головой, но у меня стальная хватка.

- Эй ты, помоги своему другу подняться, - обращаюсь я третьему, - и уходите. Когда будете за углом, я отпущу вашего приятеля.

Третий от напряжения покрывается испариной, его глаза мечутся между истекающим кровью и обездвиженным мной. Приняв наконец верное решение, парень помогает подняться своему приятелю с камерой, тот, яро матерясь, хватая свой телефон и, прихрамывая, скрывается за углом вместе с третьим. Я выжидаю около ста секунд и отпихиваю первого мальчишку. Он отступает и со свирепым, перекошенным выражением на лице указывает на меня пальцем.

- Я убью тебя, кусок дерьма!

- Нет, - хладнокровно отвечаю я, - не убьешь.

Сказанное мною становится для него последней каплей. Наверное, я задел его гордость. И мальчишка вновь бросается на меня, однако в этот раз я вынужден быть беспощадным. Увернувшись, оказываюсь позади него, хватаю его за шею и сдавливаю до тех пор, пока он не теряет сознание. А затем аккуратно опускаю его на землю и протягиваю бездомному руку.

- Нам нужно уходить. Его друзья скоро вернутся.

Бомж распрямляется, его водянисто-голубые глаза находят мои, и он медленно кивает, выражая свое доверие. Осторожно берет меня за руку, и я помогаю ему подняться. Всю дорогу, пока мы выбираемся из этого грязного переулочка, возвращаясь обратно на парковку перед аллеей с магазинами, где немало машин и слишком много свидетелей, чтобы хулиганы попытались выкинуть что-нибудь еще в том же духе, я заставляю его идти передо мной - так безопаснее. Походка бездомного твердая, выправленная, однако хромота затрудняет его движения. Вероятно, он ветеран, который оказался в затруднительном положении.

- Спасибо, - хрипит мужчина.

Я качаю головой, открывая бумажник и доставая две двадцатки.

- Пойди купи себе нормальной еды.

- Спасибо. Да благословит тебя Бог, - говорит он и, взяв деньги, уходит вниз по улице.

«Он благословил. Бог благословил меня», - думаю я, глядя вслед бездомному. - «А затем все забрал».

Отгоняю эту мысль прочь. У меня положение гораздо лучше, чем большинства людей. Но именно эта самая привилегия мне и претит. Мне восемнадцать. Я чистокровный европеец. По маминой линии у меня итальянские корни, по папиной - русские. Я довольно симпатичный белый парень, мозг которого не запятнан общепринятыми стереотипами. Мы с мамой никогда не нуждались в деньгах. Мне повезло. Я нахожусь в привилегированном положении.

Бездомный, ковыляющий вниз по улице, - вот кто нуждается в Божьей помощи больше меня.

София нуждалась в помощи больше, чем кто-либо.

И я подвел ее.

Не смог помочь.

Циркуляция жизни сливается в белый шум в моих ушах, омывая меня и все вокруг. Люди проходят мимо, представляя собой вереницу размытых лиц. Все кажется нереальным – это мир, заключенный в снежный шар. Краски аллеи с магазинами тускнеют в моих глазах. В воздухе ощущаются запахи стиророма и древесины, а не солнца, грязи и жирного фаст-фуда. Все неправильно. Я неправильный.

Но я и так это знаю. Я вне нормы. Слишком выделяюсь. Слишком холодный. Не такой, как все остальные лица в толпе. Я не проникаюсь чувствами столь же глубоко, как они. Не трепещу от неимоверного количества переполняющих меня эмоций, как они.

Если бы я был больше похож на них, теплее, смог бы я предугадать, что собиралась сделать София? Смог бы понять ее лучше? Смог бы увидеть ее отчаяние и остановить его?

Если бы я был больше похож на Айсис, смог бы ее спасти?

«Вот что ты делаешь, Джек. – Эхом раздаётся голос Айсис. – Ты защищаешь людей».

Мои руки дрожат, костяшки пальцев обогреты кровью. Я разворачиваюсь и направляюсь к машине.

Я ехал на встречу со своим новым работодателем, Грегори Калланом, из «Вортекс Интерпрайзес». А эта маленькая экскурсия на аллею с магазинами посвящалась банкомату, где я смог бы снять деньги. Но меня отвлек бездомный.

Сентябрьский воздух вокруг меня изнемогает от жары, сверчки исполняют одинокие песни в высокой золотистой траве на обочине шоссе. Волна испепеляющей жары – последнее издыхание зверского лета, которое поражает Огайо раз в столетие. Колумбус никогда не выглядел суше и больше. Небо бледное – бело-голубое – и простирается в нескончаемую даль. Белая рубашка прилипает к каждому вспотевшему изгибу моего тела, а темный пиджак поверх нее неприятно жаркий.

Я не должен быть здесь.

Я должен быть в Кембридже, в Массачусетсе.

Или в Гарварде. Разместившись в тусклой комнатке общежития, учиться терпеть идиота, который будет моим соседом по комнате целый год. Должен посещать занятия, делать записи в ноутбуке, купленным мамой. Но я вернул ноутбук и вернул комнату в общежитии. Я вернул все. Я пересмотрел свое обучение, закрыл банковские счета, собрал единственный черный рюкзак и на кухонном столе оставил записку, повествующую о том, чтобы мама не волновалась.

А затем ушел.

Тот мир – невинный маленький аквариум с молодыми беспокойными людьми, именуемый колледжем – не для меня. Я взрослее их. И так было всегда. Я умнее их. И так было всегда.

«Удивительно, что по утрам тебе удастся оторвать голову от подушки». – Ее голос четко звенит в ушах. Но теперь мне лучше его игнорировать. Сейчас он стал немного тише. Я не видел эту

девушку полгода, однако ее голос глубоко проник в мой мозг. Это невероятно. Невероятно раздражает. Это может быть либо доказательством ее невыносимо стойкой личности, либо доказательством моего нежелания отпускать несколько последних моментов своей жизни, которые были по-настоящему счастливыми. Счастливыми? Не уверен, что вообще когда-либо был счастлив, даже с нею. Это путаница нечетких воспоминаний и украденных моментов нежности, пронизанная обжигающим чувством вины в виде Софии.

Возможно, я был счастлив. Но это бессмысленно. Нет никакой ценности в том, чтобы быть счастливым.

Нет никакой ценности в том, что не длится вечно.

Я сворачиваю направо к судоходному каналу Колумбуса, где фуры укомплектовывают партией из пяти пыльных, огромных контейнеров «Мэтсон». Два массивных крана шумно переставляют контейнерные блоки, загружая и выгружая со скрипящей, покорной неторопливостью. Мужчины в оранжевых жилетах и защитных шлемах лавируют между контейнерами, проверяя содержимое, делая пометки в бумагах и выкрикивая ругательства друг другу сквозь упорядоченный хаос. Грегори, высокий, широкоплечий мужчина с внушительными седыми усами и в твидовом костюме, стоит на ближайшем пустыре, а рядом с ним молодой человек пониже, но тучнее, и на нем, как и на мне, темный костюм. Его поза напряженная, но в то же время расслабленная. Волосы торчком. Глаза темные. А на шее видна татуировка дракона. Это Чарли Морияма – правая рука Грегори и самый надежный телохранитель, помимо меня.

Напротив них стоит женщина с черными собранными в аккуратный пучок волосами, в женском брючном деловом костюме, и выглядит она очень профессионально. Да, она, безусловно, профессионал. Однако в какой области я не могу сказать точно. У нее нет очевидного бугорка от оружия, нет хоть какого-нибудь украшения, которое выдало бы ее как наркоторговца, нет татуировок, которые охарактеризовали бы ее как члена банды, возможно, конечно, они хорошо спрятаны, но я сомневаюсь. На ней даже нет косметики. Что странно, ведь большинство женщин, прибегающих к услугам Грегори, как правило, состоятельные домохозяйки с жадной мести.

Грегори замечает меня и машет. Он очень хорошо разыгрывает из себя этакого веселого старичка – маска, за которой скрывается порочный бизнесмен, бывалый солдат и мастер черного пояса.

- Джек! Мы с Ванессой как раз говорили о тебе.

Я останавливаюсь рядом с Чарли.

- Тебя слишком долго не было, – скрестив руки, ворчит он.

- Пришлось сделать крюк, – отвечаю я. – Ремонтные работы на дороге.

Чарли фыркает.

- Да? Наверное, те же «ремонтные работы», благодаря которым ты оказался в новостях на прошлой неделе?

- Хватит, Чарли, – с улыбкой останавливает его Грегори. – Давай хотя бы попытаемся изобразить из себя друзей перед... – Он поворачивается к женщине и вопросительно выгибает бровь.

- Давайте пока называть меня потенциальным клиентом, - отвечает Ванесса. Ее пронизательные голубые глаза приковываются к костяшкам моих пальцев, и я пытаюсь вытереть кровь о штанину.

- ...потенциальным клиентом, - заканчивает свое предложение Грегори. - Кроме того, ничего страшного, что Джек задержался на пять минут. Если бы я тебя не знал, Чарли, то решил бы, что ты завидуешь.

- Завидую? - стебется Чарли. - Ага, босс, я очень завидую этому подражателю Бэтмена.

В «Вортексе» я поднялся по служебной лестнице быстрее всех. Меня тренировал сам Грегори. Конечно, Чарли завидует. В этом бизнесе он уже многие годы, хотя ему не более двадцати двух лет. Ему до заусенцев пришлось руками прорывать свой путь наверх. Поэтому не удивительно, что он считает меня испорченным и избалованным.

- Не знал, что то, чем я занимаюсь в свободное время, подлежит твоей критики, - произношу я.

Чарли метает в меня свирепый взгляд.

- Да, знаешь, подлежит, когда ты, блин, используешь полученный здесь опыт, чтобы выбивать дерьмо из ребят, которые воруют фруктовое мороженое.

- Они ограбили женщину, - спокойно возражаю я.

- Они были заурядными идиотами, совершающими мелкое преступление! - огрызается Чарли. - Но твой крохотный комплекс спасителя заставил тебя понапрасну потратить время на их тупые задницы.

- Я потратил на них свое время. Не твое. Тебя это не должно касаться.

- Из-за тебя мы попали в новости, идиот! Мы «Вортекс», а не чертов «Уол-Март»!

- У них не было ни его имени, ни фотографии, - вмешивается Грегори. - Seriously, Чарли, расслабься. Мы здесь не для охоты на ведьм, у нас вообще-то деловая встреча. Уладим это позже.

Чарли краснеет до корней своих торчащих волос. Я перевожу взгляд на Грегори и замечаю, что за его ослепительной улыбкой прячется недовольство. Ему следовало давным-давно угомонить Чарли. Однако Грегори намеренно позволил ему болтать в присутствии клиента, таким образом он предоставил возможность Чарли поставить себя в неловкое положение. Это своеобразная тонкая игра - ловушка для ума, - в которую Грегори обожает играть. Большинство молодых людей, которых он нанимает, слишком глупы, чтобы обойти ее. Но не я.

- Ванесса, - начинает Грегори, - не будите ли вы любезны представиться?

Она кивает и достает из пиджака удостоверение личности. Мое дыхание замедляется. ЦРУ.

- Боже, босс, - процеживает сквозь зубы Чарли. - Почему, черт возьми, мы разговариваем с оперативниками?

- Я Ванесса Редгейт, - произносит женщина. - Отдел кибербезопасности. Мы предлагаем мистеру Каллану контракт.

- За спиной у ЦРУ, полагаю? - спрашиваю я, жестом обводя окружающую местность. -

Учитывая оригинальное место встречи.

Ванесса кивает.

- Мы охотимся за небольшой элитной группой хакеров, которые перетасовывают денежные средства на крупнейшем черном интернет-рынке.

- Спайс Роуд, - уточняю я.

Ванесса вновь кивает.

- Я впечатлена. Думала, агенты «Вортекса» преуспели только в накачивании мышц.

Грегори смеется и похлопывает меня по плечу.

- Джек - особый случай. Пожалуйста, продолжайте.

- В общем, эти хакеры работают на Спайс Роуд. Они называют себя привратниками. Руководство ЦРУ единогласно решило отказаться от помощи сторонних наемников...

- Подрядчиков, - поправляет Грегори, сверкая улыбкой. - Мы предпочитаем термин «подрядчики».

Ванесса устало на него смотрит, но все же исправляет:

- ...решило отказаться от помощи сторонних подрядчиков. Но мой непосредственный начальник, как и огромное количество агентов в рамках проекта, годами работал над тем, чтобы выследить привратников. И мы наконец напали на след, однако руководство не хочет рисковать и перебрасывать кого-либо из команды в тыл врага. Мы не подготовлены и можем спугнуть привратников. А обучать специальных агентов непосредственно для этой миссии просто нерентабельно, да и к тому времени, когда мы их обучим, след может уже простыть.

- И вот тут в игру вступаем мы, - говорю я.

Она кивает.

- У нас есть веское доказательство, что двое парней, тесно связанных с привратниками, недавно перевелись в Университет Огайо на второй курс. Ваша задача: вести наблюдение за этими двумя, не вызывая при этом подозрений. Конечная цель: собрать доказательства, желательно копии жестких дисков и регистрационных записей их хакерской деятельности или их переписки с самими привратниками.

- Как долго? - недовольствует Чарли.

- Простите? - Ванесса вскидывает бровь.

- Как долго будет длиться контракт?

- Он будет в силе столько, сколько вы сможете сохранять свое прикрытие в университете.

- Итак, контракт на неопределенный срок, - констатирую я.

- Или до тех пор, пока не соберете доказательства, которые мы сочтем достаточно вескими, чтобы повесить на них обвинение.

Я смотрю на Грегори, и тот пожимает плечами.

- Вы с Чарли наилучшие кандидаты для этой работы. Ты достаточно молод, чтобы учиться в университете. А Чарли мы можем сделать документы, согласно которым он будет на год младше. Также сможем поселить вас в одной комнате в общежитии.

- Вы просите нас целый год ходить в универ с кучкой привилегированных придурков? - спрашивает Чарли. - Вы шутите, босс? Вы знаете, как скучно...

- Обучение оплатят, - прерывает его Ванесса. - Вы должны будете посещать занятия и получать достаточно хорошие оценки, чтобы вас не отчислили. Но вашей основной задачей будет наблюдение. Естественно, никто не должен знать истинной причины вашего нахождения в этом университете.

- Двое из привратников студенты университета, - задумчиво произношу я. - У вас есть их имена?

- Да, но это секретная информация, я не стану ее разглашать. Мы вышлем их досье лишь после заключения контракта.

- И мы должны заниматься этой фигней хрен знает сколько времени?! - возмущается Чарли. - Босс, я присоединился к «Вортекс» не для того, чтобы вернуться в универ, а, наоборот, чтобы держаться от него подальше.

- Сейчас начало учебного года. Вы отлично впишитесь, - отвечает Грегори, в его голосе отчетливо слышатся стальные нотки. - Уверен, вы двое справитесь. Особенно ты, Чарли. У тебя есть харизма. Воспользуйся ей.

- Но я бы предпочел остаться с вами, босс. Арамон...

Грегори тянет Чарли за руку, а мне жестом показывает наклониться.

- Арамон никуда не денется, а привратники - запросто. Послушайте, это может показаться мелким делом или недостаточно привлекательным, или не интересным, но это хорошая, серьезная работа, за которую, между прочим, недурно заплатят. ЦРУ заплатит, твою мать. И будет неплохо иметь их в должниках у «Вортекса». Ясно? Мы хотим, чтобы они были у нас в долгу, особенно когда мы будем иметь дело с Арамоном.

Глаза Чарли озаряются пониманием, я же борюсь с желанием закатить свои.

- Когда нам нужно уезжать, сэр? - спрашиваю я.

Грегори пожимает плечами.

- Как можно скорее, полагаю. Как только я получу детали, сразу перешлю вам. Вам нужно только согласиться на контракт.

- Я согласен, сэр, - говорю я.

Грудь Чарли вздымается под тяжестью вдоха.

- Я... я тоже, босс! - выпаливает он, прожигая меня взглядом. - Не позволю Бэтмену все на хер испортить.

- У меня есть имя, - растягивая слова, произношу я.

- Джек, точно! Джекмен. Джекоффмен, - оригинальничает он. Оскорбления звучат так знакомо, жалея горькой сладостью, но я не позволяю им себя задеть.

- Ладно, хватит паясничать. - Грегори выпрямляется и, улыбнувшись, протягивает руку Ванессе. - Мои ребята согласны.

- Отлично, - одобряет она, отвечая на рукопожатие. - Буду держать вас в курсе. А теперь прошу меня извинить.

Спустя секунду она уже скрылась за контейнером «Мэтсон». Ванесса двигалась так быстро, что я едва мог проследить ее путь. Должно быть, она спланировала свой уход заранее.

Чарли словно передергивает.

- Чертовы правительственные агенты.

- Она не кажется такой уж плохой, - говорю я.

- Конечно, она не кажется тебе плохой. Ты уже практически один из них, весь такой роботизированный головорез. Спорю, ты и глазом не моргнув убил бы собственную девушку, если бы тебя попросил босс.

Я с силой хватаюсь за лацканы его костюма. Мир вновь становится ужасным белым шумом, размывая лицо Чарли, приглушая настойчивый голос Грегори, который пытается убедить меня отпустить его. Я впечатываю Чарли в контейнер. Запахи пыли, пота и стали превращаются в пепел у меня в носу. Он всего лишь человек из снежного шара. Марионетка. Я так легко мог бы его уничтожить, прервать его жизнь, как прервал жизнь мужчины в ту ночь на берегу озера, как чуть не прервал жизнь Лео, как прервал жизнь Софии...

Ведь, в конце концов, я позволил ей умереть.

Убил ее.

В карих глазах Чарли читается страх, и это единственное, что сдерживает рев от того, чтобы поглотить мой разум. Отпихиваю его и шагаю обратно к машине. Грегори следует за мной по пятам и, как только я захопываю дверцу машины, жестом показывает мне опустить окно. Поневоле выполняю его приказ.

- Посмотри на меня, - произносит Грегори мрачным, непреклонным голосом. Я неохотно встречаюсь с ним взглядом. - Ты сможешь это сделать? Или нам стоит возобновить тренировки?

Все мое тело инстинктивно передергивает от невероятно реальных воспоминаний тренировок с Грегори. Воспоминаний крови, сочащейся из моих ушей, вида дощечек перед собой глубоко под землей, запахов грязи и тьмы в моем носу. Нет. Я не хочу еще раз подвергаться такой тренировке.

- Я держу зверя под контролем, сэр, - медленно отвечаю я.

Грегори изучающе смотрит на меня, затем кивает и похлопывает по капоту машины.

- Тогда собирайся. Тебя ждет университет.

Мы возвращаемся в мотель, который оплачивает для нас Грегори. Ужасное местечко. Две односпальные кровати, тараканы в микроволновке, возможно, многолетние кровавые пятна на стене, и все же это лучше, чем спать в машине. Лучше, чем гравий, на котором он заставлял меня спать во время тренировок. Чарли бормочет ругательства и сразу же запрыгивает в душ. Я заказываю китайскую еду и включаю ноутбук. Всегда пунктуальный трудоголик Грегори уже переслал нам досье. Лица двух привратников смотрят на меня со своих файлов ФБР. Один - загорелый качок со смазливой мордашкой и темными кошачьими глазами. Кайл Моррис. Другой - красавец с каштановыми волосами, симметричными чертами лица и глазами, как холодная сталь.

Уилл Кавано.

- 3 -

3 года

44 недели

2 дня

Мне кажется, старики обожают говорить, что нужно наслаждаться жизнью, пока молод. Так обычно говорят люди, которым четыреста девяносто лет и которые водят «Вольво». Нет, я ничего не имею против «Вольво». Но вот возраст, уж извините. Такой возраст предполагает наличие большого опыта, а наличие большого опыта делает вас скучными и пресными, как содовая недельной давности.

Приложение А: Джек Адам Хантер.

Приложение Б: возможно, бессмертные вампиры.

Приложение В: бабушки и дедушки.

За исключением моей бабушки. Моя бабуля потрясающая! Когда мне было два месяца, она катала меня в коляске своего «Харли-Дэвидсона». Вполне вероятно, что именно этот опыт, полный ветра, выхлопных газов и моторного рева, превратил меня в ту лихую героиню, коей я являюсь сейчас. Думаю, родители отправили бабулю в дом престарелых, мотивировавшись тем, что брать маленькую внучку на прогулку с бандой байкеров - это первый признак слабоумия или что-то типа того. Но теперь, когда я в Джорджии, мы наконец-то воссоединились. Были слезы. И сопливые платки. Рыданья длились примерно пять минут, после чего мы перешли на стадию безумства.

- Я, конечно, не из тех, кто подвергает сомнению обоснованность совершения тщательно продуманных поступков, - говорю я, протягивая бабушке еще одну горсть фейерверков. - Но если бы была такой, ну, знаешь, очень скучной, несчастной и, безусловно, непохожей на себя, то обязательно бы спросила: какого черта мы делаем на этой крыше в четыре часа ночи, вопросительный знак. Нет, как минимум четыре вопросительных знака. И очень обеспокоенные смайлы.

Бабушка фыркает, засовывая оставшиеся фейерверки в дымоход. Их так много, что мне уже не разглядеть внутри темных кирпичей. Час назад мы подняли через дымоход фитиль, который бабушка сейчас привязывает к огромной куче собранных вместе фитилей всех фейерверков. Сидя на корточках, она смахивает тонкие окрашенные в зеленый цвет волосы с глаз и сверкает мне озорной улыбкой.

- Моя обязанность как председателя приветственно-прощального комитета дома престарелых «Сильверлейк» устраивать ребятам должные проводы. Никакой похоронной процессии и скучной чепухи священника. Виола была хорошей женщиной и безгранично любила жизнь. Она не хотела скучных проводов, но ее дети твердо на этом настаивали. И даже после смерти бедняжки они не посчитались с ее, можно сказать, последним желанием!

- Ужас! - синхронно восклицаем мы с бабулей.

- Точно. - Она тычет в меня пальцем, сверкая глазами цвета корицы. Как у меня, как у папы. - Ужас. Ужасно, что в наши дни люди не уважают мертвых. Поэтому мы просто обязаны почтить память моей мертвой подруги должным образом.

- Набив дымоход фейерверками.

- Набив дымоход фейерверками! - соглашается она. - Когда утром придет медсестра и разведет в камине огонь, она заодно подожжет и все это! Виола над этим хорошо посмеется.

Я улыбаюсь и помогаю бабушке спуститься по пожарной лестнице. Бабуля у меня высокая и в прекрасной форме для своих семидесяти лет, но все-таки она худая, а ее запястья и пальцы крохотные. Когда мы возвращаемся на твердую почву и шагаем по лужайке к ее зданию, бабушка обнимает меня за шею.

- Что скажешь насчет своих похорон, детка? - спрашивает она.

- Ты говоришь о тех, которых никогда не будет, потому что я соберу семь жемчужин дракона и пожелаю вечную жизнь?

Она смеется.

- Да, именно. Что на них пренебреженно должно быть?

Я задумываюсь на целых шесть с половиной секунд.

- Поцелуй. Танцы нагишом. И может быть, торт.

Бабушка ухмыляется, пока мы поднимаемся по белоснежной лестнице.

- Что? Что за выражение лица? Почему ты так на меня смотришь?

- Не обращай внимания, детка. Просто ты так повзрослела, вот и все. Ты сказала «поцелуй», не покраснев на пять оттенков.

- Да, теперь я очень зрелый, ответственный подросток, так что спокойно могу обсуждать свои трудности и невзгоды.

- Угу-у, - протягивает бабуля.

- Например, поцелуй. Вообще-то, я кое с кем целовалась. - Бабушка внимательно слушает. -

Ну, сначала я его ударила, и только потом мы поцеловались. Но это был хорошо продуманный, пропитанный зрелостью удар.

Бабушка громко хохочет, открывая дверь в свою комнату. Мы заходим, и, когда она садится на кровать, я указываю на нее пальцем.

- Даже не смей озвучивать то, что хочешь на свои похороны. Потому что, когда старики говорят нечто подобное, это обычно сбывается, а если ты умрешь, то я стану бесконечно несчастной.

- Это сбывается потому, что мы мудры, дорогая.

- Это сбывается потому, что у вас, ребята, чумовые мозговые силы, которые, кажется, способны на все, кроме дарования бессмертия. И зубов.

Бабуля смеется и, сняв тапочки, ложится на кровать.

- Иди сюда.

Я, спотыкаясь, подхожу к кровати и присаживаюсь. Бабуля берет меня за руку и, медленно глядя ее, смотрит мне в глаза.

- Множество людей в твоей жизни будут говорить тебе, как, исключительно по их мнению, ты должна жить. Кто-то завуалировано. Кто-то убедит, и вовсе слова не сказав, что тебе нужно жить определенным образом. - Она смотрит в окно, за которым лишь темнота, усеянная звездами, и улыбается, а затем вновь переводит взгляд на меня. - Послушай меня внимательно, детка. Не живи жизнью, которая не приносит тебе счастья. Если ты не счастлива, оставь своего возлюбленного. Если ты не счастлива, уйди с работы. Если ты не счастлива, сделай все, чтобы стать счастливой. Потому что только ты сама можешь сделать себя счастливой.

Я открываю рот, чтобы возразить, но она шикает на меня.

- Я знаю. Знаю, что многие вещи и люди дарят тебе счастье. Но они не смогут сделать тебя счастливой, если ты сама не позволишь. Это исходит от тебя. От твоего сердца. Только ты можешь позволить счастью расти внутри себя. Некоторые люди этого никогда не узнают. Некоторые никогда не позволят зародиться счастью или же сделают это слишком поздно. Некоторые никогда этого не сделают, потому что боятся. Но это самое худшее, что можно сделать с собой. Это наказание. Многие даже не знают, что сами себя наказывают. Итак. Я хочу, чтобы ты знала. Хочу, чтобы ты попыталась стать счастливой.

Я чувствую, как мои глаза наполняются слезами, и силюсь их сдерживать. Если я сейчас заплачу, то, возможно, больше никогда не смогу остановиться.

- Была одна девочка, - говорю я. - П-подруга. Наверное. Она никогда... никогда не позволяла себе быть счастливой.

- И где она сейчас? - терпеливо спрашивает бабушка.

- Она... - Я сжимаю бабушкину руку. - Она покончила с собой. Я была последней... я б-была последней, кто с нею разговаривал, ба, и я...

Бабушка обнимает меня своими сильными, тонкими руками, и мне в нос ударяют запахи

корицы и затхлого лена, которые исходят от нее.

- Я могла бы... я должна была это понять, должна была...
- Ты ничего не смогла бы сделать, - уверенно произносит бабушка.
- Но я... я была с нею, я знала ее, знала, как ей тяжело...
- Должно быть, она была очень несчастна.
- Мы все это знали! Н-но... но мы думали...
- А сейчас? Думаешь, она все еще несчастна?
- Она... мертва.
- Там, где она сейчас, она счастливее, чем была здесь.

Я отстраняюсь.

- Нет! Она просто мертва. Она ничего не чувствует. Если бы... если бы она продолжала жить, она могла бы получить шанс снова стать счастливой, здесь, со всеми...

Глаза бабушки омрачаются, но не утрачивают своего блеска.

- Звучит так, будто кто-то указывает девочке, как она должна прожить свою жизнь.

Я широко открываю рот, но, не найдя ответа, быстро его закрываю. Бабушка снова меня обнимает, прижимая мою голову к своей груди, и я не сопротивляюсь. Это как вернуться домой.

- Поплачь по ней, детка, а не по тому, что ты сделала или не сделала. А потом двигайся дальше. Найди то, что сделает тебя счастливой, - шепчет она. - И будь счастлива. Жизнь слишком длинная, чтобы грустить. Уверена, она хотела бы, чтобы ты была счастлива.

Все перекошенные от ярости выражения лица Софии всплывают у меня в голове.

- Я так не думаю, - отвечаю я.
- Но ты сказала, что она была твоей подругой.
- Да, но... я обидела ее. Я сделала кое-что, что причинило ей острую боль.
- Специально?

Мое дыхание перехватывает, прежде чем я успеваю ответить «да». Мозг бурно начинает все анализировать. Я размышляю о нашем с Джеком поцелуе. О нашей войне. О смехе, праведном гневе и нежных, ласковых моментах. Воспоминания жалят, как лимонный сок в открытой ране.

- Н-нет. Я пыталась... помочь? - Бабуля заламывает тонкую бровь, и я качаю головой. - Все началось с того, что я пыталась помочь Кайле, но потом... потом он действительно мне понравился. Я ранила Софию своим чувством к нему. Каждая секунда, когда мои чувства к нему становились глубже, усугубляла ее боль. Что ж. Беру свои слова обратно. Я не пыталась ей помочь. Я была эгоисткой.

- Полагаю, ты просто пыталась быть счастливой с этим мальчиком.

- Но это ранило ее, - возмущаюсь я. - Мы причинили ей много боли. Я встала между ними. Я... она, наверное, почувствовала, что между ними все кончено. Поэтому она... она...

В моей голове неожиданно всплывает образ белого платья на зеленой лужайке. Синие глаза Софии, в которых больше не теплится жизнь, залитые лунным светом золотистые волосы с запекшейся кровью в том месте, где ее голова встретилась с землей. И крохотный серебряный браслет с гравировкой «Талли». Каждая мелочь отражается в моей голове.

Она потеряла все. И я забрала последнего человека из ее жизни. Я сделала это, не подумав, не приняв во внимание, насколько сильно это ее ранит. Я просто двигалась вперед и делала то, что хотела, потому что была эгоисткой. Потому что хотела быть счастливой.

Потому что хотела любви, хотя прекрасно знала, что не заслуживала.

Не заслуживаю.

Я вообще никогда не буду достойна этого прекрасного чувства.

Я зло.

Я темный дракон, который съел печальную принцессу.

Бабушка постукивает меня пальцем по лбу, грубо прерывая мои мысли.

- Я слышу, как в твоих мозгах вращаются шестеренки. Остановись. Это высокомерно. Ты слишком много думаешь о себе и о том, как ты влияешь на людей. Если она покончила с собой, то сделала это только потому, что ее жизнь была несчастной и она годами об этом думала, а не потому, что ты что-то сделала.

- Но я поспособствовала. Я...

Фыркнув, бабушка откидывается на изголовье кровати и натягивает на себя одеяло.

- Я не собираюсь спорить с тобой, когда ты настолько поглощена жалостью к себе, слышишь? Возвращайся, когда будешь мыслить ясно. Я хочу разговаривать со своей внучкой, а не с глупой мученицей, которая пытается взять всю вину на себя. - Я молчу, а бабушка знает, насколько это редкий случай, поэтому, вздохнув, добавляет: - Прости, детка. Знаю, это трудно. Но ты сама все усложняешь. - Она наклоняется и целует меня в щеку. - Возвращайся в девять. В этот час медсестра разожжет огонь.

Мои губы расползаются в небольшой, мрачной улыбке.

Весь путь домой по темной дороге меня сопровождает маячащая на горизонте бледная, золотисто-белая практически полная луна. Такого же цвета, как волосы Софии. В моей голове отчетливо раздается ее голос: «Ты пыталась помочь. Ты пыталась мне помочь, и за это я никогда не смогу отблагодарить тебя».

Я возвращаюсь обратно в дом престарелых к девяти. Вооружившись солнечными очками и лимонадом, мы с бабулей припарковываем свои задницы на шезлонгах на лужайке и ждем девяти часов.

Ровно в девять дымоход извергает фейерверки - оранжевые, синие и зеленые, - которые

испепеляют облака. Бабушка смеется и, отдавая дань уважения своей умершей подруге, приподнимает к небу стакан. Я откидываюсь на спинку шезлонга и улыбаюсь.

Хорошо быть живой.

- 4 -

3 года

44 недели

6 дней

Иногда, когда жизнь пинает тебя под зад, ты должен пнуть ее в ответ.

По яичкам.

Стальным носком ботинка.

По сути, если кто-то, кто угодно, пинает вас, будет очень зрело не прибегать к неэтичным мерам и не пинать их в ответ. Но это же скучно! А я люблю веселье. Стопроцентное удовольствие. Одно сотенное процентовольствие.

Я усмехаюсь собственному каламбуру. Одно сотенное процентовольство. И единственным признаком того, что последние пять минут я размышляла вслух, является мой прекрасный отец, постанывающий с другой стороны стола.

- Айсис, ешь, - умоляет он.

- Нет, пап, мне нужно идти. - Я быстро вскакиваю со стула, в то время как близняшки швыряются друг в друга овсянкой.

- Ты сейчас же сядешь и доешь свой завтрак вместе со всеми, Айсис, или да поможет мне...

- Куда ты собираешься? - перебивает его Келли и мило мне улыбается.

- Домой.

От такой перспективы у Келли загораются глаза, у отца же глаза темнеют.

- Айсис, по своему билету ты не сможешь вернуться домой раньше тридцатого...

- Пап, - хнычу я. - У меня умерла подруга, и я должна пнуть жизнь по яйцам.

- Мы все умрем, - говорит одна из близняшек, перестав метать овсянку. Моргнув, она широко распахивает свои обворожительно голубые глаза, которые невероятно контрастируют с ее ярко-белокурыми косами.

- Точно! - Я указываю на нее рукой. - Видишь, пап? Она это понимает!

Когда лицо папы жутко краснеет, словно он вот-вот взорвется, Келли хватается за руку и лепечет:

- Ох, дорогой, ей, наверное, просто не терпится начать учебу. Помнишь, какими мы были в ее возрасте? Мне так хотелось поскорее уехать из дома и начать собственную жизнь! Она всего лишь ощущает ту же старую добрую жажду независимости. «Дельта» меня обожает, не зря же у меня золотая карта, они без проблем позволят поменять мне дату.

Папа расстроено вздыхает, и его лицо вновь принимает естественный цвет.

- Разве... разве ты не счастлива здесь? Мы ведь хотели провести твои летние каникулы вместе. Я не видел тебя два года, Айсис. Два года.

- Что ты, мне здесь умопомрачительно весело, - решительно вру я. - И я буду по тебе скучать. - Еще одна ложь. Я даже тебя не знаю. - Понимаешь, я просто... как сказала Келли, я готова уехать!

Отец, кажется, целую вечность смотрит на меня поверх своих очков, а затем вздыхает, и Келли улыбается. Я победила! Собирая чемоданы, я понимаю, что на самом деле здесь для меня ничего нет, разве что позаимствованное БМВ и семья, которая в действительности никогда не была моей. Мне потребовалось семнадцать лет, чтобы это понять.

«А до тебя действительно медленно доходит, не так ли?». - Его голос звучит так четко, что я могла бы поклясться, что Джек стоит рядом. Но здесь никого нет, лишь изображения Келли и папы на перекосившейся фотографии смотрят на меня через открытую дверь. В доме нет ни единой моей фотографии, ни единой, даже детской.

Здесь я окружена людьми, но совершенно одинока.

Застегиваю чемодан на замок и сажусь на него. Все. Я готова.

Спустя два дня в аэропорту я проливаю пару слезинок. Папа вообще не плачет, и это красноречивее всяких слов подтверждает то, что я никогда не желала знать. Самолет взлетает, и я любезно бросаю арахис в лысого парня впереди меня, который выпускает газы. Стюардесса посылает мне благодарный взгляд, но затем этот парень идет в туалет и не закрывает за собой дверь, и нам всем приходит конец. Мы погибаем. В течение двух часов.

Мама ждет меня в зоне выдачи багажа, и, несмотря на то, что благодаря лысому мужчине от меня исходит довольно неприятный запах, она меня обнимает, и я тотчас понимаю, что больше не одинока.

\* \* \*

Собираться в университет - это как собираться на войну. Скорее всего, ты уже не вернешься. Ты не знаешь, что тебя там ожидает. Плюс, есть вероятность, что ты можешь умереть (экзамены) и/или пострадать от жизнеповоротных ранений (похмелье, заболевания передающиеся половым путем). И если тебе все же удастся вернуться, то ты смело можешь считать себя счастливым. Однако вражеская территория так и умоляет изучить ее, а я получила все необходимые базовые навыки (старшая школа), так что со мной все будет хорошо.

У меня не получается впихнуть мисс Маффин в чемодан.

Нет, не будет.

Мама слышит мои вопли отчаяния и приходит ко мне, словно загнанная гончая на заклатие.

- Что случилось? - спрашивает она.

- Моя жизнь кончена! - Я бросаюсь на подушки. Мама терпеливо ждет перевода, и я указываю пальцем на мисс Маффин, которая наполовину свисает из набитого чемодана.

- Айсис, это же игрушка, - со вздохом говорит мама. - А ты собираешься в университет. Может быть, пришло время от нее избавиться.

Я резко сажусь в постели, демонстрируя незабываемое выражение лица: глаза огромные, как блюда, а рот настолько широко распахнут, что можно сравнить только с летающей тарелкой, не меньше.

- Хорошо, хорошо. Мисс Маффин остается, - быстренько соглашается она. - Но знай, все зависит от первого впечатления, а мисс Маффин может впечатлить только шестилеток.

- Совершенно верно, мамре. Я хочу дружить только с теми, кому шесть. В глубине души. Исключительно в глубине души. Потому что законно водить машину также неимоверно весело.

Мама, посмеиваясь, качает головой и возвращается вниз к своим блинчикам.

Я со всем изяществом анимационного ниндзя украдкой пробираюсь в ее ванную и проверяю аптечку. В основном она заполнена антидепрессантами. С одной стороны, меня это беспокоит, с другой - нет. С одной стороны, они способствуют суициду, с другой - они же ему и препятствуют. Это самая поганая пятьдесят на пятьдесят азартная игра в мире, но это все, что у нас есть. Это все, что будет уберегать маму, пока меня не будет рядом.

- Айсис, что ты делаешь?

Я захлопываю зеркало.

- Проверяю на наличие крыс! И плесени! И то и другое убивает людей. А ты знала, что крысы могут прыгать на десять футов в длину? И они всегда целятся в самое уязвимое место.

Мама напрягается и плотно сжимает губы, словно собирается отругать меня, но затем заходит и крепко обнимает меня руками. Руками, которые теперь немного толще, чем были раньше.

- Со мной все будет в порядке, дорогая, - шепчет она в мои каштановые волосы с выцветающими фиолетовыми прядками. - Все хорошо. Все хорошо, так что теперь ты можешь перестать беспокоиться.

- Я не могу, - отвечаю я. - Если я перестану беспокоиться, то случится что-то плохое. Если я перестану беспокоиться, то не замечу приближения бури, не обращу внимания, и с тобой что-то случится...

Мама крепче прижимает меня к себе.

- Ты так долго была сильной ради меня. Спасибо. - Я чувствую знакомое покалывание в глазах и быстренько отрицаю его существование. Мама отстраняется на расстояние вытянутой руки и, поглаживая мою щеку, разглядывает меня сверху донизу. - А теперь пришло время тебе быть сильной ради себя. Не меня. Не какого-либо другого. Только ради себя.

Я смеюсь, но в этом смехе нет и толики веселья.

- Я не... я не очень-то хороша в этом.

Мамины глаза подобны серым зеркалам, и они полны любви.

- Тогда пора учиться, - с улыбкой заключает она.

Глубоко-глубоко в шкафу я нахожу розовую блузку, отправленную мне Келли. Но теперь эта блузка больше, чем просто вещь. На мне была эта розовая блузка, когда Джек назвал меня... назвал меня... я даже не могу заставить себя это произнести. Как же, должно быть, жалко, что я даже не могу произнести это слово! Рты предназначены для произнесения слов, и у меня есть рот, и я знаю уйму слов, но вот это слово озвучить невероятно трудно, поскольку оно кое-что значит.

На мне была эта розовая блузка, когда кое-кто впервые назвал меня красивой. Кое-кто, кого я уважала. Уважаю. Кое-кто, кого я любила.

Люблю.

Люблю?

Качаю головой и запихиваю блузку в самый дальний уголок чемодана. Никогда не знаешь, когда тебе понадобится новая занавеска. Или туалетный коврик.

Мама помогает мне загрузить вещи в машину. Я беру с собой свой старый верный синий чемодан и потрепанный школьный рюкзак. Школа. Привет, школа. Прощай, школа. Я слегка вздрагиваю, понимая, что больше в ней не учусь. Я официально выпустилась. Часть меня хочет выпить девятнадцать «Ред Булов» и нон-стоп танцевать долбаный хоки-поки, другая же часть хочет заползти обратно в школу, завернуться в нее, словно в любимое одеяльце, и никогда не вылезать. Я решаюсь повалиться на лужайке, стоная от ужаса, как грязная гусеница, которая отказывается покидать свой кокон.

Когда мама закрывает багажник, на нашу подъездную дорожку заезжает Кайла. Я вскакиваю с газона и бросаюсь к ней. Она приехала как раз вовремя для нашего ужина-свидания. Нашего последнего, заключительного, прощального ужина-свидания. Она выходит из машины в ослепительно красивом белом платье и сандалиях, ее темные, шоколадные волосы идеально выпрямлены. Подруга приветствует мою маму с изяществом семи французских королей и затаскивает меня в свою машину с силой семи викингов.

- В багажнике все твои вещи? Это все, что ты берешь с собой? - негодует она, когда мы выезжаем со двора. - Кочевые цыгане и то путешествуют с большим багажом, чем ты!

- Зато, - я поднимаю палец, словно мудрец, - у кочевых цыган нет в чемодане целого кармашка, отведенного под мармеладных мишек «Харибо».

Кайла закатывает глаза.

- Ты сумасшедшая.

- Я предпочитаю сумасшедшепомешанная на мармеладе.

- О, правда? - Кайла заламывает бровь в ужасно отвратительной манере двусмысленности, и мне приходится подавлять возникшее желание вырвать эту бровь с ее лица, ведь ее лицо -

произведение искусства, отвратительная бровь или нет. А я не порчу искусство. Ну, за исключением случаев, когда порчу, а затем меня ругают.

- Как бы то ни было, - говорю я, - это наша последняя встреча до рождественских каникул, так что нам лучше пойти в гей-бар или еще в какое-нибудь столь же крутое и незабываемое место.

Кайла улыбается, выезжая на шоссе.

- Я знаю одно подходящее место.

Я узнаю улицу раньше, чем ресторан. «Красный папоротник». Место, где я устроила первое свидание Джека и Кайлы. Свидание, на котором я за ними шпионила. Но Кайла, конечно же, этого не знает. Она выбирает кабинку у окна и, как только мы садимся, заказывает чай со льдом, а я прошу рутбир.

- Если бы мы были в Европе, то могли бы заказать вино. - Кайла мечтательно вздыхает. - Боже, оно у них там такое хорошее.

Я хмурюсь, вспоминая билет, который оставил мне Джек, и от этого воспоминания остается неприятный привкус во рту.

- О да. Все обожают черную чуму.

- Айсис, это было несколько веков назад. Больше ни у кого нет черной чумы.

- Эмо всего мира позволят себе не согласиться.

Кайла закатывает глаза и заказывает спринг роллы на двоих. Я нервно осматриваю декор. Те же красочные райские птицы украшают вазы, а хрустальные светильники походят на морские водоросли, заключенные в лед.

- Никогда здесь не бывала, - говорю я. - Здесь мило.

- Ох, не ври.

Холодная волна оmyвает мой позвоночник и ударяется о пятую точку. Это, мягко говоря, неприятно.

- Что?

Кайла потягивает чай.

- Джек рассказал мне, что ты шпионила за нами на нашем свидании.

- Только потому, что он был, объективно говоря, гнойножопым едоком букашек с противным лицом, и мне пришлось...

- Я знаю, что ты ему заплатила, чтобы он меня пригласил, - перебивает она. Я широко открываю рот, как исключительно немая рыба. - Все хорошо. Меня это больше не беспокоит. Кажется, это было так давно.

- Ты... - Я сглатываю. - Ты не суперзла?

- А с чего мне злиться? Это был один из лучших вечеров в моей жизни.

- Когда он...

- В ту ночь, когда мы расстались. Точнее, на следующее утро после вечеринки у Эйвери, когда она...

Когда она заперла Рена и накаченную наркотиками Кайлу в комнате. Но я этого не говорю, об этом действительно не стоит говорить. Кайла откидывает волосы назад.

- Когда вы с Реном отправились разбираться с Эйвери, мы с Джеком о многом поговорили. В том числе и об этом. Он мне все рассказал.

- Я не хотела ничего плохого. Черт, я не хотела ничего плохого, - мгновенно говорю я. - И мне действительно очень жаль...

- Не будь идиоткой. - Она пинает меня под столом. - Все уже закончилось, это было давным-давно, к тому же я бы простила тебе все на свете. Ну, за исключением убийства своего брата. Хотя, может быть, простила бы тебе даже это, в зависимости от того, сколько бы он плевал в меня на предшествующей убийству неделе.

Нам приносят наши спринг роллы, и я топлю свою благодарность в рисовой бумаге и простой начинке из тофу. Кайла говорит о Массачусетсе и всех местах, которые она собирается посетить вместе с Ренам. Ей идеально подойдет восточное побережье. Она великолепная, смуглая и высокая, так что большой город - это именно то, что надо, ведь таким образом максимальное количество чернорабочих сможет греться в ее великолепии, пока она расцветает в самую красивую женщину в мире, а в конце концов превращается в королеву Вестероса.

- Мне даже не нравится «Игра престолов», - возмущается она. - Там все слишком... белые.

В книгах меньше белых людей, и она бы это знала, если бы больше читала.

- Я читала «Войну и мир».

Поправка: она бы это знала, если бы больше читала хороших, не глупых книг.

- О мой бог, да ты сноб! Я лучшая подруга книжного сноба.

Я поправляю волосы и заказываю жареный рис, а Кайла кокосовое карри. Где-то снаружи мужчина кричит «БЛЯДЬ», а другой «ОСТАНОВИСЬ», но нам их не видно. Все это так драматично. Кайла ковыряет ногти, и ее слабо раздраженную радость заменяет мрачный взгляд.

- Я буду скучать по тебе, сноб.

Я тянусь через стол и накрываю ладонью ее руку.

- Я всегда буду с тобой, - говорю я, и она улыбается. - Как парочка бестелесных глаз. Наблюдать за твоими ягодицами с великим восхищением убийственной зависти вкупе с защитным материнским инстинктом.

- Фу-у.

- Рен не поймет, что ударит его, когда я материализуюсь прямо из воздуха в ночь вашего первого полового сношения и заеду ему в рот.

Кайла сверкает сердитым взглядом.

- Слегка. Я слегка его ударю, - исправляюсь я. - Мизинцем.

Подают наш заказ, и мы едим, словно оголодавшие гиены, что само по себе прогресс, потому что на лестнице прожорливых едоков девушки-подростки находятся чуть ниже огромных белых акул и выше оголодавших гиен, а это означает, что на самом деле мы ведем себя хорошо. Однако официантка, кажется, так не считает, поскольку она морщит нос, когда забирает наши блюда, демонстрирующие кольца оставленной еды, словно ореолы славы. И несварения желудка. Я на секунду удаляюсь в уборную, чтобы смыть с лица арахисовый соус. И вот тут на меня обрушиваются воспоминания с особо гнусной мстостью. Джек опирался об эту стойку. Джек прикасался к этой раковине. Между этой стойкой и стеной Джек впервые прикоснулся к моему лицу. Джек присутствует в каждой плиточке этой уборной, и я не могу этого изменить.

Да и не хочу.

Он может уйти, исчезнуть из моей жизни, словно призрак, но здесь? Он все еще здесь. Здесь я могу представить себе его высокую фигуру. Могу закрыть глаза и снова оказаться в прошлом.

Это просто глупая уборная в тайском ресторане. Но для меня это гораздо больше, чем просто уборная.

Я умываюсь и смотрю на себя в зеркало.

Это наш с Кайлой последний ужин, повторить его мы еще долго не сможем. Минимум четыре месяца. Я уезжаю завтра. Она уезжает через неделю. Здесь заканчивается старая и начинается новая жизнь. Никто не знает, что произойдет дальше, но я намерена сохранить Кайлу в своей жизни. Я не потеряю ее.

Не так, как потеряла Джека.

- Все в порядке? - спрашивает Кайла, когда я возвращаюсь к столику. - Диарея?

- Ох, постоянная. Это моя суперсила. Полуавтоматическое извержение.

Кайла молчит, а это означает, что она либо не поняла моей шутки, либо не слушала.

- Ты по нему скучаешь, да? - тихо спрашивает она.

Я знаю, о ком она говорит. Трудно не догадаться, ведь он словно маячащий перед нашими лицами гигантский розовый слон. Образно выражаясь. Образно маячащий перед нашими лицами. Но я разыгрываю из себя дурочку, потому что так легче.

- По Рену? Конечно, черт возьми, я по нему скучаю. Вчера вечером я отправила этому заучке сообщение в Фейсбуке, но он не...

- Я имела в виду Джека, тупица. - Я молчу. Кайла вздыхает и скрещивает на груди руки. - Это несправедливо. Он просто взял и бросил тебя.

Я смеюсь горьким смехом.

- Да ничего. В любом случае, между нами ничего не было.

Кайла одаряет меня острым убийственным взглядом. Она хорошо переняла его у Эйвери.

- Не морочь мне голову, ладно? Вся школа может засвидетельствовать наше взаимное влечение. А я твоя лучшая подруга. К тому же я некоторое время встречалась с Джеком. Так что я точно знаю, как много вы значите друг для друга.

- Очевидно, не так уж и много. - Я снова горько смеюсь. - Ведь он так быстро уехал. И даже не попрощался.

Кайла позволяет мне высказаться.

- Жизнь действительно странная штука, - с улыбкой бормочу я. - Ты никогда к ней не привыкнешь. Но продолжаешь жить. И порой можно найти что-то, что сделает ее чуть комфортнее, и ты пытаешься это удержать, но чем крепче ты держишь, тем быстрее оно ускользает.

Я смотрю в окно на окрашенную сумерками Главную улицу, где только начинают расцветать золотые фонари. Я буду скучать по этому маленькому городку, но он не будет скучать по мне.

- Думаю, София знала это лучше всех нас, - продолжаю я. - Может быть, она была единственной в мире, кто это знал. Возможно, именно поэтому она просто... отпустила. Ведь чем крепче она держала то, что любила, тем быстрее оно ускользало.

- Айсис...

Я поворачиваюсь к Кайле.

- Со мной все в порядке, правда. Просто я много думала о ней. О том, что могла бы сделать. Ба сказала, что я ничего не смогла бы сделать. Но это не так. Я могла бы просто отпустить. Могла бы отпустить Джека, и, возможно, София до сих пор была бы жива.

- Это неправда! - возражает Кайла.

- Может быть, ты права, а может быть, и нет. И все же, в альтернативном мире, где я отпускаю Джека, София, скорее всего, еще жива.

Кайла вздрагивает. Официантка оставляет счет, но подруга его даже не замечает, и я жестом указываю на него.

- Ты заплатишь? Или я?

Кайла неохотно выуживает две двадцатки, а я даю пять на чаевые. По дороге домой под темным и беззвездным небом, как холодные океанские воды, Кайла наконец-то говорит:

- Айсис, ты не сделала ничего плохого.

- Не сделала, - соглашаюсь я. - Ты права. Я не сделала ничего плохого. Но я не сделала ничего, точка.

Кайла пытается сломать темный лед, покрывший нашу беседу, и я ей в этом помогаю. Это наша последняя встреча на довольно долгое время, но все омрачает преследующая нас тень смерти Софии. Нет, преследующая меня. Она преследует меня, портя наше прощание, и я не могу это остановить.

- Послушай, Кайла, прости. Мне просто... просто очень жаль. Не знаю, когда я стала такой...

ведь я обещала себе, что не буду такой...

- Но легче сказать, чем сделать, - обрывает она мои слова. - Знаю. Рен тоже был таким. Не переживай. Все хорошо. Мне не впервой иметь дело с депрессией. - Она устало мне улыбается.

Когда мы заезжаем на мою подъездную дорожку, то еще какое-то время сидим в темной машине, наблюдая, как мотыльки атакуют освещение крыльца. Они бросаются на него снова и снова, словно хотят загореться и истлеть.

- Мне повезло, что я тебя встретила. - Я улыбаюсь Кайле. - И мне втройне повезло, что ты равнодушна к сумасшедшим чудачкам. Да я просто выиграла лотерею дружбы.

- Так же как и я, - отвечает Кайла, надувая губки. - Без тебя я бы никогда не поняла, что Эйвери меня использовала.

- Джек помог.

Хихикнув, она кивает.

- Полагаю. Немного.

- Помнишь, как мы впервые встретились на вечеринке у Эйвери? И он довел тебя до слез?

- О боже, я была такой плаксой. Даже не верится, какой я была дурочкой. И это было всего десять месяцев назад. За это время я могла бы родить ребенка.

- Плаксивого ребенка, - уточняю я.

- Все дети плаксы, - возражает она.

Прищурившись, я принимаю вид старого мудреца и произношу, словно постулат:

- Но все ли плаксы... дети?

Кайла слегка толкает меня, а затем вздыхает и откидывается на спинку сиденья.

- Джек первым указал мне на это. Он заставил меня все подвергнуть сомнению: почему я тусовалась с Эйвери, по-настоящему ли я наслаждалась ее обществом, сколько моих чувств было скрыто за шопингом и сплетнями. Без него у меня бы на это ушло гораздо больше времени.

- Его бы не убило, если бы он немного это подсластил, - ворчу я. - Вилли Вонка делает это постоянно, и с ним все в порядке! Конечно, он сумасшедший и, возможно, одержимый мыслью об убийстве, но здоровье у него отменное.

Кайла смеется и качает головой.

- Ты же знаешь Джека. Это не в его духе.

Я улыбаюсь, немного криво, но все же улыбаюсь. Кайла кладет руку мне на плечо.

- Вы двое... одинаковые. Раньше я этого не замечала, но Рен указал мне на это, и... он прав. Вы действительно одинаковые. И я думаю... думаю, несмотря на то, что сейчас он выбрал бегство, он вернется. Таких людей, как ты, не часто встретишь. Он вернется.

- И когда он вернется, я его обезглавлю, - гордо объявляю я.
- Ты поприветствуешь его, - строго говорит Кайла, - объятиями.
- Я поприветствую объятиями его безголовое тело!

Кайла хлопает себя по лбу, и я, смеясь, ее обнимаю. Смеюсь, теплым смехом. Настоящим смехом. Смеюсь впервые за очень долгое время.

На самом деле я не теряю свою лучшую подругу.

Просто каждая из нас идет своим путем. Мы разлетаемся на разных потоках ветра, но мы воссоединимся вновь. Мы изучаем земной шар в разных направлениях. Как Колумб и Магеллан, смело направляемся туда, куда не ступала нога вонючего европейского исследователя шестнадцатого века и его жалкой команды больных цингой! Вот только один умер от лихорадки и вроде бы мятеха, а второй был расистским ублюдком, который поспособствовал столетнему геноциду, в общем, хорошо подумав, я решаю отклонить эту метафору целиком.

- 5 -

*3 года*

*45 недель*

*0 дней*

Я пришла к свехоригинальному и уникальному выводу: уезжать из дома - хреново. Во всей истории человечества еще никто не приходил к подобному выводу. Никто, кроме меня. Я особенная.

- Айсис, мы опаздываем!

А также я опаздываю. Постоянно.

Хотя то, что я опоздаю, никоим образом не удерживает меня от надлежащего прощания, поэтому, пока мама заводит машину, я стою в дверях и вдыхаю затхлый воздух восемнадцатилетней тоски. Конечно, я не провела здесь все восемнадцать лет жизни, но вся хрень, которая произошла со мной за последние полтора года, подарила мне такое ощущение.

Прощай, маленькая комната.

Прощай, девочка, которой я была.

Я обнимаю мисс Маффин и ухожу...

Мама едет медленно и осторожно. Я, потягивая имбирный эль, наблюдаю за мелькающей дорогой, и внезапно ужасающая мысль бьет меня по макушке своей потной ладонью.

На что, черт побери, я потратила свои подростковые годы?!

Я не работала волонтером, не занималась спортом. Не стала королевой воинов в свой шестнадцатый день рождения, который *должен был* завершиться говорящим котом и появляющейся волшебным образом одеждой. Мне даже из Хогвартса не присылали письмо, и я реально не простила их за это! Ну погодите, пока я не приеду в Лондон, не найду платформу девять и три четверти, не пройду сквозь стену на другую сторону и не высвобожу свой гнев. Я превращу Волян-де-Морта в свою марионетку. Поцелуюсь враскоряку с Драко. И вышкролю кучу домашних эльфов развлекать меня и приносить мне виноград...

Я останавливаюсь, когда понимаю, что мысленно пишу фанфик по «Гарри Поттеру» по дороге в университет. Сосредоточься! Мне нужно как следует сосредоточиться, чтобы произвести сногсшибательное впечатление. Или вообще хоть какое-то впечатление. Лучше произвести плохое впечатление, чем никакого.

Когда мама выезжает из города, я вздыхаю.

Я даже не целовалась с парнем. По-настоящему. Трезвой.

Да, я держалась с мальчиком за руку, обнималась. Разыгрывая эти карты, Безмянному очень хорошо удавалось притворяться милым. Раз или два он даже намекал на мою привлекательность. Но это было сделано только для того, чтобы поднять мою самооценку, создать меня, а потом сломать. И все это было перед макроэтим. Микроэтим? Это даже не достойно префикса. Просто перед *этим*.

Это тоже стоит оставить позади. Теперь, если я хочу двигаться дальше, для этого нет места. Я сделала все возможное, чтобы похоронить это, игнорировать это, пока не исчезнет, и, похоже, преуспела. Я зашла достаточно далеко, чтобы не испытывая паники спать в одной постели с Джеком. Думаю, я потихоньку исцеляюсь, и это здорово.

Это сеет надежду там, где ее раньше не было.

Джек помог мне осознать, что я весьма привлекательна.

Не безнадежна.

И совсем не уродлива.

Или, возможно, я поняла это самостоятельно. Как бы то ни было, борьба с ним помогла мне осознать многое. Я повзрослела во всех смыслах.

В моей груди разрастается острая боль, но я скидываю эту грязь со своих плеч и смотрю, как улыбается мама.

- Вот указатель, милая. Достанешь карту?

Зеленый указатель с белой надписью «УНИВЕРСИТЕТ ШТАТА ОГАЙО» вырисовывается на обочине дороги. Я достаю брошюру с картой и указываю маме направление к кампусу. Повсюду пышные деревья и кусты роз, а изумрудно-зеленый газон пестрит в лучах легкого послеполуденного солнца. Все здания, включая большие общежития, старой кладки, а по окнам и колоннам в римском стиле тянется плющ. Вокруг сотни детей с родителями, которые напоследок прогуливаются со своими чадами или рядом с машинами обнимают их на прощание, или помогают донести багаж до общежития.

Мама паркуется и выходит, а у меня желудок сводит от волнения, когда я нащупываю дверную ручку. Вот оно. Именно здесь заканчивается мое детство.

Провожу пальцем по ожогам от сигарет на запястье, проверяя, что рукав их прикрывает. Беру свои слова обратно. Мое детство закончилось уже очень давно.

Мама не в силах взять мой тяжелый чемодан или рюкзак, поэтому я сама тащу их на второй этаж, она же просто следует за мной. Моя крохотная белая комната находится прямо рядом с пожарной лестницей. Ковра нет, только холодная плитка. Напротив друг друга стоят две кровати, разделяемые залитым солнцем окном, они такие высокие, что кажется, будто сделаны как минимум для Хагрида. Рядом с кроватями два стола с первоклассными орудиями пытки для задницы – деревянными стульями. Два шкафа ждут, когда их заполнят обувью, презервативами, уведомлениями о проваленных экзаменах или чем-то еще, чем заполняют студенты пустые пространства. Может, разбитыми мечтами.

Моя соседка уже заявила права на левую часть комнаты, поэтому я бросаю свои вещи справа. Мама суетится возле кровати, застилая ее постельным бельем, которое она подготовила заранее, а я наблюдаю за ее работой. Я буду скучать по тому, как она делает такие незначительные вещи. Осматриваю шкаф соседки: гитара, множество армейских курток и походные ботинки. Ее стол усыпан серебряными украшениями: сережками-гвоздиками, кольцами с черепами, ожерельями со сферой смерти и шипами. Класс! Мы поладим.

Когда мама заканчивает заправлять кровать, мы спускаемся вниз и, расположившись на лужайке, впитываем солнце. Она берет мою руку и поглаживает ее большим пальцем.

- Прости, Айсис, – вдруг выдает мама.

- За что? За то, что не родила меня на неделю или две позже? Я ТАК хотела быть львом. А не каким-то долбаным раком.

Мама криво улыбается.

- Нет, не за это. За... я не знаю. Мне кажется, я не очень хорошо справилась со своими обязанностями. Но полагаю, так думает каждый родитель.

Я сжимаю ее руку.

- Ты сделала все, что могла. Тетя это поняла. Мы обе поняли.

Она кивает и сжимает мою руку в ответ.

- Я просто рада, что этот год провела с тобой. Даже... даже несмотря на то, что было трудно.

Теперь я знаю, как выглядит сожаление. Я видела его в каждой черточке лица Джека на похоронах. И уже никогда не забуду, даже если забадубийцы похитят меня и прочистят мне мозги. Мама носит сожаление, как шаль – легко, но крепко обмотавшись. Я обнимаю ее и кладу голову ей на плечо.

- Все хорошо. Было весело. Трудно, но весело, и я многому научилась, большему, чем за всю свою жизнь, поэтому я очень рада, что переехала к тебе. Спасибо за то, что ты самая лучшая мама.

Она обнимает меня одной рукой и, запустив пальцы мне в волосы, начинает плакать.

- Я люблю тебя, Айсис.

- Я тоже тебя люблю! - смеясь, восклицаю я сквозь подступившие к глазам слезы. - Я буду по тебе скучать.

С ней я буду видеться чаще, чем с Кайлой, однако расставание все равно причиняет острую боль. Я настолько же хороша в прощаниях, как и Тарзан в одежде.

По крайней мере, Лео за решеткой, так что несколько лет она будет в безопасности.

Я с замиранием сердца смотрю ей вслед. Вдруг что-то внутри меня резко падает вниз, а затем воспаряет назад, и я снова вижу школу.

Я одна.

Никто в университете меня не знает. Мне придется все начать сначала. Мимо меня пронесется поток сотен первокурсников, вытаптывая лужайку и мое чистое девичье сердце. Они смотрят сквозь меня. Я более безлика, чем император Палпатин до того, как снял свой капюшон. Над входом в громадную библиотеку большими буквами написано: «ДОБРО ПОЖАЛОВАТЬ, ЖИТЕЛИ ШТАТА ОГАЙО!».

- Я бы сказала «Добро пожаловать в Ад». - Раздается голос слева от меня. Рядом со мной стоит высокая крупная, но не толстая, девушка с семью серьгами в ухе. Ее круглое, пухлое лицо подчеркивают выкрашенные в ярко-розовый цвет и сбритые с боков волосы. А ее армейские ботинки и фланелевая рубашка выдают все, что мне нужно знать. Передо мной величайшая агрессивная личность. Мне одновременно хочется и быть ею, и завязать с ней драку, чтобы потом я могла похвастаться, что она меня ударила. Девушка моргает своими густо накрашенными подводкой карими глазами.

- Что?

- Я думала вслух? Я иногда так делаю. Доктора говорят, что это, возможно, синдром Туретта<sup>3</sup>, но я считаю, что это высочайший эволюционный процесс человечества. Однажды все в мире будут похожи на меня, и это будет круто!

Розовые брови девушки взлетают вверх, и она смеется. Искренним, богатым смехом, похожим на густое рагу, а не на жиденький суп, как у большинства девочек.

- Иветта. Иветта Монро. - Она протягивает мне руку, и я отвечаю на рукопожатие.

- Айсис Блейк. Но друзья зовут меня Сумасшедшая. Или Идиотка. А иногда сочетают оба варианта.

Иветта ухмыляется.

- Теперь нас таких двое.

И тут я узнаю на ней одну из восхитительных сережек в виде черепа. В моей комнате есть точно такая же!

- Это прозвучит немного по-сталкерски, но я не могу не заметить, что ты обезглавила Джека Скеллингтона и прицепила его череп себе на ухо.

- Что я могу сказать? - Иветта пожимает плечами. - Мне нравятся кости.

- Как ни странно, мне тоже, ведь наши скелеты поддерживают сложную мышечную систему и без них мы были бы просто комками плоти. А еще у нас не было бы средних пальцев, которые так здорово демонстрировать людям. Ты в комнате 14В?

У Иветты расширяются глаза.

- Да, так ты...

- ТВОЯ СОСЕДКА ПО КОМНАТЕ!!! - визжу я. Проходящий мимо парень вздрагивает и показывает мне средний палец, в ответ я громко сообщаю ему, что за это он должен быть благодарен своему скелету. Иветта выглядит довольной. Она закидывает руку мне на плечи, и мои ноги чуть ли не на два дюйма погружаются в мягкую землю.

- Ты первая, - говорит она, ведя меня к общежитию.

- Первая для чего? Для гонки на трех ногах? Что ж, должна предупредить: сейчас у меня в наличии только одна хорошая нога, другая же небритая и несексуальная...

- Первая делишься своей историей. Откуда ты?

- Из Огайо. Ой, нет. Из Флориды! Да, из Флориды. Я там выросла, а в начале выпускного года переехала сюда. А ты? О-о, дай угадаю... преисподняя. Ты из Ада!

- Я точно из Ада. И имя ему Канзас.

- Мне нравится незаваренная лапша рамэн и водить как маньяк, - продолжаю я.

- Я ненавижу все, кроме бекона и соленых огурцов, и я не умею водить.

- Однажды, в третьем классе, я засунула себе в нос конфету, чтобы произвести впечатление на мальчика. Спойлер: он не впечатлился.

Зато, похоже, я впечатлила Иветту! Она смотрит в окно.

- Я начала курить, потому что уже сейчас знаю, что брошу учебу.

Ее честность убивает. Чистая, недраматичная, скромная честность. Именно этого у меня никогда не было. А должно было! Будь во мне хоть крупица подобной откровенности, может, я спасла бы чью-то жизнь.

- Моя подруга покончила с собой, - говорю я. Иветта смотрит на меня секунду, минуту, которая ощущается часом, и я не хочу, чтобы это заканчивалось, потому что она видит меня, а не смотрит сквозь меня, как остальные в этом месте. Иветта открывает дверь, и мы заходим в комнату.

Она указывает на свою кровать.

- Это моя половина. Это твоя. - Луч солнца падает на ее розовые волосы.

Я киваю, и она улыбается.

- Пойдем поедим.

\* \* \*

Вот вам еще один факт: в университете очень круто.

Даю стопроцентную гарантию, ведь здесь крем-суп из морепродуктов красуется рядом с пищей, а гёдза рядом с буррито и есть все разновидности десерта. Все. И найти их можно даже ночью. Если хочешь. А я чертовски этого хочу. Моя хагридовская кровать довольно удобная, но ужасающая мысль, что ночью я упаду с пятифутровой высоты, не позволяет насладиться ее комфортом. Приходится спать на середине, сковав свои движения одеялом. Иветта храпит и делает домашку под «Металлику», но в остальном мы хорошо ладим. Лучше, чем хорошо. Иногда она даже сварливее меня, что достойно, по крайней мере, четырех Нобелевских премий, и она умная. Конечно, не такая умная, как Джек, зато не такая же скрытная. Она всегда резкая и немного сердитая. И смеется громче всех, кого я знаю, а также выходит из себя быстрее всех, кого я знаю, хотя, наверное, кроме Кайлы, когда я говорю той, что она красивая. Однако открытость Иветты является освежающим переходом от прошлогодних секретов и пассивной агрессивности. Она не заводит разговор о самоубийстве Софии, несмотря на то, что я рассказала ей об этом в первый же день, чтобы растопить лед. Иветта не сует нос в чужие дела, и за это я ее обожаю. Иногда она курит на пожарной лестнице, порой я выхожу туда вместе с ней и пробую курить, но это обычно заканчивается рвотой, так что мы быстро с этим завязываем.

В свое время я расскажу ей о Софии. Или нет. Может быть, я просто буду держать это в себе, как Безымянного. Только на сей раз я не позволю этому отравлять меня. Не позволю мне навредить. Я никогда снова не сдамся боли, как стекло разбивающему его мячу. Этот урок я очень хорошо усвоила.

Занятия у меня интенсивные, но вроде легкие, начало семестра все-таки. В смысле, четыре преподавателя задали написать по десятистраничному эссе к следующей неделе, но начиркать сорок страниц для меня плевое дело. Раньше я ежедневно исписывала страниц по двадцать в своем совершенном-однако-плаксивом дневнике. Правда, на лекциях сложно сосредоточиться, потому что аудитории просто огромные, и их запросто можно преобразовать в гладиаторские арены, если передвинуть учительский стол и избавиться от стульев, да и безликие стены выглядели бы гораздо лучше с разводами крови. К тому же в аудиториях убийственно яркое освящение. Может, они начищают лампы? Как начистить лампы, которые так высоко? Их уборщики умеют летать?

Сидящая рядом со мной в самом конце Иветта сообщает мне, что уборщики не умеют летать, зато умеют вампиры.

- Вампиры отвратительны, - выношу я вердикт.
- Ты что, не читала «Сумерки»?
- Нет, но читала много подобных книг.
- Эта сага лучшая. Вампиры лучшие. Поцелуй с вампирами лучшие.

Я вздрагиваю, а Иветта, одетая, прошу заметить, в яркую футболку с черепом и рваные джинсы, вздыхает, словно капризная принцесса, мечтающая о парнях.

- Представь секс с вампиром.

- Представь поход в церковь и молитву своему Господу и Спасителю, - парирую я.

Она смеется и возвращается к Фейсбуку на своем ноутбуке. Я говорила, что в университете круто? Вот вам еще одно доказательство: профессорам плевать, слушаете вы их или нет. За исключением редких выкриков из ниоткуда супергромких ругательств, они игнорируют всякий интернет-серфинг и смс-рассылку. Мы платим, чтобы быть здесь, а не наоборот. Конечно, это изменится, когда мы переместимся в лаборатории, но прямо сейчас это Шангри-Ла. Ой, давайте не будем говорить о лабораториях, потому что мысль о том, что вокруг меня будут легковоспламеняющиеся химикаты, столь волнующая, что в ожидании мне ежесекундно приходится бороться против неконтролируемого осушения мочевого пузыря. Да здравствует наука! Да здравствуют легковоспламеняющиеся химикаты!

Мама звонит каждый вечер. Ну, так ведь делают все мамы, причем сопровождая это печальными вздохами. Но моя мама и так всегда много вздыхала, потому что большую часть времени она грустит, ладно, еще потому, что такая ненормальная дочь, как я, способна измотать любую смертную человеческую душу. Кроме Бейонсе, но все мы знаем, что она бессмертна, а также что у нее есть Блю Айви, которую я НЕНАВИЖУ, потому что это так несправедливо, ведь Бейонсе должна была быть моей матерью.

- У Бейонсе ужасная музыка, - делится своим мнением Иветта, когда мы идем на обед.

- Ну конечно, - отвечаю я. - Позволь мне занести это в свой мини-списочек под названием «Двадцать пять причин, почему ты разделишь со мной вечность мучений в кальдере королевства Вельзевула».

- Ты очень много разговариваешь сама с собой. Это врожденный дефект?

- Типа того, побочный эффект от радиоактивных отходов, в которых искупалась мама, будучи беременной мною.

Иветта открывает рот, желая что-то сказать, но затем закрывает его и становится цвета сэндвича с кетчупом: белой по краям, красной в середине. Я следую за ее взглядом к стайке девушек, однако не успеваю определить, которая из флайледи привлекла ее внимание, поскольку Иветта приходит в себя и, прочистив горло, быстро хватается тарелку с супом.

- Ладно, - еле выдавливает она. - В Эмель Холле проходят музыкальные выступления. В основном там участвуют потные чуваки с барабанами и кавер-версиями рок-группы «Алиса в цепях». Короче, ты должна прийти и погрузиться в настоящую музыку.

- Подожди, остановись, мы просто проигнорируем то, что ты...

Иветта внезапно перепрофилирует свой суп в средство для мытья полов.

- Я что? - резко произносит она.

- Ох, ничего. Проехали. Хорошо, я приду. Вход свободный?

Она заметно расслабляется.

- Да. Что ж, увидимся в семь?

Я отвечаю ей посредственным разбиванием воображаемой гитары, она ухмыляется, а затем уходит. Я беру кусочек пиццы и выхожу на террасу, где угасающее солнце окрашивает все в

золото и серебро. Тени от деревьев постепенно становятся длиннее, запутываясь и распутываясь вновь в тени прохожих.

И тут я вижу его.

Я пытаюсь отвести взгляд. Действительно пытаюсь. Но не могу. Голова наполняется диким звоном, и я забываю, как глотать. Кожа вспыхивает, а затем резко леденеет, словно я нахожусь на Аляске. Я начинаю потеть, яростно ища глазами выход отсюда. Лестница, запасная лестница через кафетерий. Я даже не думаю, просто действую. На автопилоте беру свою тарелку и выбрасываю ее. Это занимает всего две секунды, но за эти две секунды мной овладевает чистый ужас, поэтому я не могу сбежать, а лишь кое-как добираюсь до кафетерия и через окно наблюдаю за его приближением.

Волнистые темно-коричневые волосы спадают на глаза цвета стали. Настолько темные, что в них не увидишь отражение света. Глаза цвета меча и океана – такие же ужасающие, коварные и смертельные. Он доказал это, убив небольшую часть меня. Под определенным углом он похож на участника британского бой-бэнда. Густые брови, пухлые губы, а на носу все те же веснушки, веснушки, о которых я написала дурацкое стихотворение. Каким же он стал высоким, он выше большинства здешних парней, а его бицепсы просто огромные, он так хорош собой, что каждая девчонка при виде него будет пускать слюни, каждая, кроме меня, у меня сей вид вызывает лишь тошноту. Мне дико хочется наблеть прямо здесь, на все растения в горшках, за которыми прячусь. Однако я не могу пошевелиться, поскольку паника сковала все мое тело и превратила мозг в кашу.

**Что! Черт! Побери! Здесь! Делает! Безымянный!**

Из всевозможных мест на нашей огромной планете он выбрал именно это, из всевозможных чертовых университетов он выбрал именно этот. Это, должно быть, шутка. Он, должно быть, приехал к другу или что-то типа того. Он не может быть зачислен сюда, учиться здесь, спать в пределах десяти миль от меня. Не может. Так не бывает. Я переехала сюда, чтобы сбежать от него. Я пересекла целый штат, чтобы оставить его позади, но он вновь меня нашел. Нет, он не может быть здесь только из-за меня. Это совпадение. Его ужасные угрожающие электронные письма были просто последней жалкой попыткой меня поддеть, его способом... чего? Где-то глубоко в подсознании маячат сеансы с доктором Мерних, однако сложно уловить что-то конкретное. Есть! Его способом управлять мной. Он хотел, чтобы я помнила, а теперь желает лично убедиться в своем достижении.

- Эй, ты в порядке?

Я поднимаю взгляд и замечаю, что на меня смотрит девушка с медовыми волосами и огромными серыми глазами за очками. От нее веет тонким ароматом мускусных роз. Мои выдающиеся наблюдательные способности извещают меня, что у нее грудь даже больше, чем у Кайлы, а еще пухлый, мягкий живот, но я едва замечаю это сквозь легкий туман паники.

- Я определенно не в порядке, - пишу я.

- Да уж, выглядишь ужасно. - Она быстро прикрывает рот рукой. - Эм, не вообще. Ты хорошенькая. Просто сейчас выглядишь ужасно. Суперужасно. Нет, мкх. Ультраужасно.

Ультраужасно. В моих глазах мгновенно вспыхивают настоящие звездочки, когда благодаря услышанному каламбуру я вспоминаю, что единственным человеком на Земле, который может меня обидеть, является Айсис Блейк. Девчонка в очках классная, и у нее изумительные формы,

и от нее пахнет розами... но затем мысли вновь возвращаются к пленившей меня легкой панической атаке.

- Ты действительно милая и все такое, - выпаливаю я, - Но в настоящий момент я перевариваю тот факт, что мой бывший парень учится в этом же университете, а это зрелище не из приятных. Ты навряд ли захочешь остаться поблизости со столь же приятной сценой, что и бочка с никлодиунской слизью, поэтому, если бы ты просто ушла и я бы вновь смогла подвергнуться безнаказанному терроризированию, я была бы признательна.

Девочка в очках хмурится и осматривает толпу.

- Он тебя терроризирует? Я это так не оставлю, сухарик. Покажи мне его?

- Тот, что со зловещей угрожающей аурой, едва скрываемой за маской отсутствующих антисоциальных наклонностей и накаченным прессом... тот, что сейчас сюда заходит... о боже, мне пора бежать. В космос.

Я ускользаю через заднюю дверь как раз в тот момент, когда Безымянный заходит в кафетерий. Жадно глотая сумеречный воздух, я шагаю так быстро и яростно, что чуть не падаю, но девочка в очках успевает придержать меня за локоть.

- Эй, гм, серьезно, хочешь я провожу тебя к медсестре?

Я смеряю ее долгим взглядом.

- Знаешь, это было бы замечательно. Вот только прямо сейчас меня вырвет на твои туфли, поэтому, вероятно, ты больше не захочешь этого сделать... как и быть со мной любезной.

- Ясно.

Меня бесцеремонно тошнит на ее туфли, а, когда я все-таки заканчиваю производить привлекательные извергающие звуки, девушка начинает смеяться.

- Я Диана. Это туфли моей соседки по комнате. Она сучка.

- Класс. - Я вытираю рот. - Обожаю портить обувь сучек. Это уже становится хобби. Сначала объектом моего нового увлечения стал один глупый красавчик. А теперь ты. Ох, конечно, ты не глупый красавчик, ведь у тебя грудь, а не пенис. Причем ее трудно не заметить... эм... - Я задумчиво замолкаю. Кажется, Диана выглядит полностью проинформированной о своей половой принадлежности. - Я Айсис.

- Приятно познакомиться, египетская богиня изобилия, - с улыбкой произносит Диана.

- Она владела многими магическими заклинаниями и практически всегда разгуливала обнаженной, и это круто, ну, если исключить возможность попадания песка во влагалище. Но я определенно не собираюсь выходить замуж за собственного брата. Заметка на полях: это отвратительно. Ох, если бы я обладала мощными магическими силами Айсис - умышленный каламбур, - то без секса очаровывала бы парней и уж точно не стала бы отсиживаться здесь четыре года, пытаюсь выяснить, чем бы мне хотелось зарабатывать на жизнь до конца дней... О боже, мне нужно прилечь. - Что я и делаю, то есть ложусь. На тротуар. Диана наблюдает за мной с очевидным нездоровым любопытством.

- Лужа твоей рвоты прямо рядом с твоей головой, - любезно сообщает она.

Я морщу нос и слегка подвигаюсь на пять футов в сторону на лужайку... которая оказывается холмом. Отгадайте, что происходит дальше. Естественно, я по нему скатываюсь. Пахнет землей и свежими побегам трав. Когда мир все-таки перестает вращаться, а я прекращаю движение, Диана аккуратно спускается по склону и спрашивает, в порядке ли я. До меня доносится ее легкий аромат роз, и я начинаю смеяться.

Весь ужас в моей груди выветривается вместе с падением, которое разбивает мощные ледяные тески контроля Безмянного. Запах нагретой солнцем земли и ощущение щекочущей мой зад травы напоминают мне, что это пройдет. Он исчезнет. Рано или поздно он умрет, и тогда я действительно буду свободна. Это не конец света. Он здесь. Я здесь. Но теперь мы стали другими. Я стала другой. Стала сильнее благодаря всему, что произошло. Благодаря ему и благодаря боли. Но в основном благодаря Софии, Джеку, Кайле и Рену.

Я хочу быть счастливой. Счастливой, как София сейчас. Счастливой, как я хочу, чтобы был сейчас счастлив Джек.

Даже если они оба меня покинули. Даже если все меня покинут.

Даже если я останусь совершенно одна.

Диана садится рядом со мной и, улыбаясь, наблюдает, как я смеюсь. Черт, это подтверждает мои подозрения. Только сумасшедший продолжит зависать с кем-то, кто украсил его туфли содержимым своего желудка, затем скатился с холма, словно хомячок с сахарным допингом, а теперь смеется над этим во весь голос. Диана может оказаться серийным убийцей. Или по-настоящему хорошим человеком. Так или иначе, мне следует держаться от нее подальше.

- Ты плачешь, - небрежно бросает она, срывает одуванчик и раздувает пушинки. Я вытираю лицо.

- Последнее время я делаю это часто. Потому что, знаешь, плакать весело. Если думать об этом, как об аттракционе Сплеш Маунтин<sup>4</sup> для глаз. - Диана хихикает. Я встаю и стряхиваю траву со своего скульптурного пресса. - Ладно, было весело, но мне нужно пойти обдумать то, что я, похоже, теряю свои чертовы мозги.

Диана пожимает плечами.

- Думаю, ты просто боишься. Это страшно. Учиться в университете. Теперь мы можем делать все, что угодно. Можем заваливать экзамены, получать плохие отметки, пить, курить, заниматься сексом, и никто нас не остановит. Мы больше не дети. Здесь нет родителей. Каким будет наше будущее, зависит от выбора, который мы сделаем сейчас. Это действительно страшно.

Пока я рассматриваю ее лицо, она обнимает свои колени.

- Спустя долгое время вновь увидеть бывшего тоже страшно.

Я теряю всякое желание уходить и плюхаюсь рядом с ней. Меньше всего на свете я хочу сейчас остаться одна. Мы наблюдаем за огненным бархатным закатом на небе.

- Парни странные, - мудро заключает Диана.

- Я ничего не знаю о парнях, кроме того, что иногда они издают странные звуки, - признаюсь я.

- Это называют разговором.

- Ох.

Диана искоса смотрит на меня.

- Если он сделал что-то плохое, я могу хорошенько ему наподдать ради тебя.

- Ты всегда расчетливо разгуливаешь по округе и предлагаешь наподдать людям?

- У меня четыре младших брата, так что грех позволить своим талантам зачахнуть.

Я начинаю смеяться, но внезапно раздающиеся голоса заставляют меня подскочить. Бросаю настороженный взгляд на холм, но это просто толпа громко болтающих девчонок проходит мимо.

- Не хочу постоянно жить в страхе. - Вздыхаю. - Во Флориде было хреново и здесь будет так же.

- Я бы посоветовала тебе его игнорировать, но, думаю, легче сказать, чем сделать, верно?

Я киваю.

Диана срывает травинку, и я собираюсь сказать что-нибудь серьезное, мудрое и, возможно, судьбоносное, но ясный сильный голос Иветты рушит момент. За ее спиной болтается чехол с гитарой, а ее розовые волосы идеально сочетаются с закатом.

- Эй! Неумеха, ты идешь на концерт или как?

Я кое-как встаю и бросаю последний взгляд на кафетерий. Теперь колючая петля вокруг моей шеи исчезла. Он ушел. Я в безопасности. Пока. Диана встает следом за мною.

- 6 -

3 года

47 недель

1 день

Эмель Холл - это массивная совокупность дерева и стекла, построенная богатенькими, морщинистыми выпускниками, которые хотели увековечить свои имена на чем-то огромном и впечатляющем до того, как сыграть в ящик. Благодаря музыкантам и фанатам рок-группы «Ясные глаза», которые торчат здесь круглосуточно, это место процветает. Эти состязания групп нечто вроде сделки: кучки дрянных студентов, грезящих стать выдающимися инди-группами по очереди выступают друг перед другом. Алкоголь запрещен. Однако ребята все равно протаскивают его тайком в бутылках из-под воды и флягах, а затем, смеясь, разливают жидкость вокруг, словно пьяные в стельку пираты. С трастовыми фондами. И с обязательной сдачей эссе на следующий день. Не то чтобы пираты писали эссе. Но если бы писали, то они были бы о поющих попугаях, драках на ножах и баснословных трофеях - в виде сундуков с сокровищами, не женщин, хотя, возможно, и их тоже, это же пираты.

- На, держи, сфотографируй меня на сцене. Хочу запечатлеть свою потрясающую жизнь в ярких красках. - Иветта впихивает телефон мне в руку.

Диана выглядит слегка потерянной.

- Ты в группе? - кокетливо хихикая, спрашивает она. Иветта смотрит на нее, как будто видит впервые.

- Эм, да. Гм. Великая тусовка.

- Я бы не назвала это *великой* тусовкой, - возражаю я. - Здесь не хватает обнаженных людей.

- Это название группы, бестолочь, - говорит Иветта, пихая меня локтем. - Я опаздываю, мы следующие. Если бы КОЕ-КТО взял трубку, мне бы не пришлось бегать по всему кампусу в поисках...

- Я же тебе говорила! Правительство прослушивает все мои разговоры, поэтому я перешла на дымовые сигналы. - Я помолчала секунду. - Их тариф до неприличия дешев. И огнеопасен.

Иветта закатывает глаза и, развернувшись, пробивается сквозь толпу к кулисам. Мы с Дианой наблюдаем, как выступающая группа разрывает сердца людей, пока их ведущий гитарист исполняет режущее слух соло.

- Она милая, - кричит мне Диана.

- Не столь милая, как я! - ору я в ответ. - Подожди, ты о ком?

- О твоей подруге. Иветте, кажется?

- А, да. Она моя соседка по комнате. Я вроде инфекции - заражаю все, к чему прикасаюсь. Она станет еще милее, когда мои микробы захватят ее тело и превратят в послушную фаворитку. - Диана хихикает. - На самом деле я не такая злая.

- Знаю, - отвечает она. - Злые люди так много не плачут.

Я хочу сказать ей, что не всегда так много плакать, хочу рассказать ей все, но понимаю, что история выйдет слишком длинной. Достойной как минимум трех книг. Поэтому я переключаю свои мысли на размышления о том, что подразумевала Диана под «милой». Она сочла Иветту в общем очаровательной девушкой или же настолько милой, чтобы разделить с ней постель? Внезапное осознание того, где я нахожусь, поражает меня, словно огромное истощение эмоционально выматывающего дня решает меня добить. Полное поражение. Не могу здесь оставаться, поэтому, бормоча извинения, пробиваюсь через толпу на улицу, где народ курит, а музыка не так оглушает. Сползая по стене, опускаюсь на землю, притягиваю колени к подбородку и наблюдаю восхождение луны над стихающим кампусом. Теперь мой дом здесь, но я этого не ощущаю. Не чувствую себя здесь как дома. Когда же это изменится?!

- Когда же ты почувствуешь себя в безопасности. - Раздается голос рядом со мной. Мои уши узнают его раньше глаз, и я мгновенно сожалею, что вышла сюда, что приехала в этот университет, что вообще родилась на свет.

Окутанный тенью, лукаво улыбаясь, надо мною возвышается Безымянный. Его руки небрежно цепляются за карманы джинсов. Кончики моих пальцев немеют. Он присаживается напротив меня, статическими волнами поражая беспомощностью, которая поглощает меня целиком.

- Но ты никогда не будешь чувствовать себя здесь в безопасности, верно? Не тогда, когда я рядом. - Безымянный смотрит на меня - прямо в глаза, и какая-то глубинная часть меня сжимается в ожидании неизбежной боли.

- Почему? - выдавливаю я сквозь плотно сжатые зубы.

Безымянный пожимает плечами и откидывает волосы с глаз.

- Мои тетя с дядей, родители Рена, живут здесь, в Огайо. Маме спокойнее оттого, что я учусь здесь, где есть семья. Я хотел поступать в Калифорнийский университет в Сан-Диего, но, ты же знаешь, в жизни не всегда получаешь все, что хочешь. А даже если и получаешь, то можешь очень сильно об этом пожалеть. Но тебе и об этом уже хорошо известно, верно?

Он улыбается мне во весь рот, и меня начинает колотить. Ноги, руки, шея... все безудержно трясется.

- Сожалею о твоём друге. - Безымянный вздыхает. - Он столько времени пытался пробиться сквозь мои брандмауэры. Назойливая букашка. Как его звали? Джон? Джейк? Неважно. Теперь его нет. Он уже много месяцев меня не беспокоил, к тому же, согласно школьным отчетам, к выпуску он вообще перестал приходить на учебу. Должно быть, хреново наконец-то найти парня - достаточно тупого, чтобы возжелать тебя трахнуть, - а затем наблюдать, как он ускользает из рук.

Безымянный смеется и быстро - слишком быстро - протягивает руку, чтобы погладить мое плечо. Паника самовольно напрягает каждый мускул моего тела, и, словно дернутая марионеточной ниточкой, моя нога подается вперед и ярко наносит ему удар прямо в живот, выбивая тем самым весь воздух из его легких. Его добродушная маска разлетается на множество осколков, улыбка становится жестокой, а веселый блеск в глазах сменяется злобой.

- Ах ты маленькая сучка...

Он протягивает ко мне руки, и я уворачиваюсь, но ни один из нас не совершает дальнейших действий, потому что между нами кто-то встречается.

- Довольно.

И этот голос я тоже узнаю.

Темные джинсы, фланелевая рубашка с закатанными рукавами. Плечи, которые я узнаю из сотен... плечи, рядом с которыми я спала очень давно. Золотисто-каштановые взъерошенные волосы... Это иллюзия. Должно быть ею.

- А ты кто такой? - презрительно спрашивает Безымянный.

- Обидно, что ты меня не узнаешь, Уилл. Столько капался в школьных документах и не удосужился взглянуть на мои фотографии? С твоей стороны это большое упущение. Небрежность. Я бы даже назвал это ошибкой.

Глаза Безымянного округляются, но он быстренько берет свои эмоции под контроль, и его губы трогает легкая улыбка. Выпрямившись в полный рост, он оказывается практически ровень с новоприбывшим.

- Значит, мы все здесь. Сказочно. Можно начинать вечеринку. Что ж, давно пора, - острит

Безымянный

Он смотрит на новоприбывшего, затем на меня и, развернувшись, уходит прочь по хорошо освещенному тротуару. словно чары, ощущение беспомощности спадает, когда он исчезает из виду, и я жадно глотаю воздух.

- Черт, черт, черт, мерзкое дерьмо мартышки! - Я встряхиваюсь, пытаюсь унять дрожь. Безрезультатно. Чтобы успокоиться, мне потребуется не один час. И не только благодаря Безымянному.

Джек Хантер поворачивается ко мне лицом.

Месяцы - всего несколько месяцев - его отсутствия ощущаются долгими минувшими годами. Он выглядит гораздо старше, вокруг глаз морщинки, которых раньше не было. Острые углы лица округлились в красивой, воинственной манере. А его глаза... глаза холодные, прозрачно-голубые, как и прежде. Брови нахмурены.

- Айсис, я...

Я заносу кулак и от всей души ему врезаю. Его голова слегка откидывается в сторону, и люди вокруг нас притихают. Кто-то шепчет «Драка», но никто не двигается. Кроме Джека. Он медленно поворачивает голову ко мне, в то время как красный след расцветает на его высоких эльфийских скулах. Я ожидаю увидеть ярость в его ледяных глазах, но ее там нет и в помине.

- Айсис, - повторяет он мягче.

- Какого черта ты решил, что можешь просто взять и сбежать, Джек Хантер?!

Джек вздрагивает (вздрагивает? Джек? Да никогда), но не сводит с меня глаз.

- Ты дрожишь, - говорит он.

- А то я не знаю! Со мной сейчас вообще много чего происходит, и дрожь - моя наименьшая проблема! Ты всех нас бросил! Просто... исчез! Свою маму, Рена... всех. Ты всех бросил!

Джек еще сильнее хмурится. Я мельком бросаю взгляд на его руки - сильные и тонкие, как всегда. Я хочу завладеть ими, хочу завладеть им, сделать шаг и обнять его так крепко, чтобы он не смог дышать... или снова уйти, сказать ему, что все хорошо, сказать, что я его прощаю, но ярость и слова Безымянного перемешиваются в голове и слетают ядом с моих губ:

- Ты бросил *меня*.

- Айсис, пожалуйста, позволь мне...

- Нет! - перебиваю я его мягкий, умоляющий голос. Это так на него непохоже, что пугает меня. Почти так же, как и пытающийся схватить меня Безымянный. Почти. - Ты думал, что гребаный билет в Европу подарит тебе мое прощение? На какой гребаной планете билет заменяет настоящее прощение? И как, черт возьми, мне не угодить на вышеупомянутую планету до скончания времен?

\* \* \*

Она – воплощение огня и ярости. Ее волосы развиваются на теплом вечернем ветру, а глаза цвета корицы отражают свет из зала. Она сияет в бархатной темноте, хоть она и похудела, стала гораздо печальнее, но она все так же пылает. Как и всегда. Я согреваюсь в ее ярости, впитывая обжигающее, сладострастное чувство ее гнева и всю энергию жизни позади него.

Она здесь, совсем рядом. Только руку протяни. Настоящая, из плоти и крови. Дико злится на меня. Быть может, она никогда не прекращала на меня злиться, и потому это ощущается столь правильным. Мы всегда были не в ладах. Всегда конфликтовали. После долгих, беспокойных месяцев это – смотреть на свою проказницу (свою? Нет, я упустил шанс называть ее своей) – единственное, что ощущается правильным. Планеты на своих орбитах, последний часовой механизм запущен... и мир вновь начинает вращаться, как, собственно, и должно быть.

- Я думал, ты собиралась в Стэнфорд, – осторожно говорю я.

- Не меняй тему, кусок задницы, – свирепо отвечает она.

- Тебе следовало отправиться в Стэнфорд. Ты бы там раскрылась.

Там ты была бы счастливее. Ты бы покорила весь мир. Там ты бы встретила умных и добрых парней. Парней, которые не являются мною.

- Вау, не думала, что это возможно, но ты каким-то образом умудрился выбесить меня еще больше, – иронизирует она. – Срочно звоните Папе, у нас здесь подлинное, блин, чудо.

Я вижу, как сквозь гнев дрожат ее плечи. Сначала я ее не узнал. Она была такой тихой, а все ее фиолетовые пряди выцвели. Зато я узнал Уилла Кавано. Разве могло быть иначе? Я изучал его лицо в досье ночами напролет, запоминал каждую черточку и изгиб, желая найти его самое уязвимое место. Стоит ли оглашать зачем? Покорная девушка, разговаривающая с Уиллом, не могла быть Айсис. Но, когда последовал удар по его селезенке – дикий, яростный, незапланированный, инстинктивный, – я сразу понял, что это была она. Здесь, из всевозможных мест на нашей огромной планете она оказалась именно здесь. Мое сердце лихорадочно забилось, цвета и тепло проникли в самую глубь, где месяцы тренировок и вины осушили все до серого и черного.

- А что насчет тебя? – выплевывает она, когда я ничего не отвечаю. – Гарвард стал слишком претенциозен для тебя? Кого я обманываю, королева Англии менее претенциозна, чем ты.

- Я перевелся сюда. Я никогда не учился в Гарварде.

- Тогда где, черт возьми, ты БЫЛ?!

Ее слова – медленный яд. Я не могу ей рассказать. Она не поймет. Неправда. Она поймет меня как никто другой. Именно поэтому я и не могу ей рассказать. Это нас очень сблизит. Я с превеликим удовольствием согласился на эту работу, ведь так я спокойно мог воплотить в жизнь свое запланированное возмездие Уиллу, но теперь, увидев ее здесь, я об этом жалею. Этот университет нас сближает. Настолько, что я вновь смогу причинить ей боль, нанести рану, которую уже не исцелить, как было с Софией.

Я наслаждаюсь порезами, оставленными ее яростью. Боль дает мне понять, что я все еще жив. Даже после попытки убить прежнего себя – пагубного ублюдка, – оставить его позади, похороненного в вине рядом с Софией и Талли, лишь единственное пламя с губ Айсис, и я вспоминаю нашу войну, наши слова, нашу связь. Я хочу поцеловать ее. Хочу целовать ее, пока

она превращает меня в пепел. Хочу, чтобы она убила меня, поскольку у меня самого не хватило на это смелости.

Но она дрожит, так что я довольствуюсь ее словами.

- Я думал, что больше никогда тебя не увижу, - говорю я. Она усмехается. Ее броня крепче, чем когда-либо. Благодаря мне. Благодаря Уиллу. Благодаря ублюдкам вроде нас двоих.

- Ты позаимствовал строчку из одного из дрянных любовных романов Софии... - Она мгновенно замолкает, но уже слишком поздно. Имя Софии прозвучало во всеуслышание, разрывая швы на наших ранах. Но там, где боль останавливает большинство ртов, она питает Айсис. - Я ненавижу тебя, Джек Хантер.

Я хочу обнять ее и держать до тех пор, пока она больше не сможет меня вынести, пока не сбежит куда-нибудь, где безопаснее. Куда-нибудь, где нет меня.

Но я просто киваю.

- Знаю.

- Нет. Ты не знаешь. Думаешь, та незрелая война олицетворяла ненависть? Но это... это... - Она закрывает глаза. - Ты бросил меня. Бросил, как и все остальные, и я не могу тебе этого простить.

- Ты и не должна, - утверждаю я. - Ты ничего мне не должна.

Она смеется, и ее крепкая броня на мгновение дает трещину, являя на свет прежнюю Айсис.

- Очевидно, ты мне тоже ничего не должен. Даже звонка. Даже одного гребаного сообщения типа: «Не переживай, я не сбросился с моста и не разлагаюсь где-нибудь в реке, а все еще дышу, не жди меня».

И вот тогда я понимаю, что сей гнев вовсе не пропитан болью, которую я ей причинил. С таким гневом я слишком хорошо знаком. Гнев Софии всегда основывался лишь на этом. Этот же чище, ярче. Айсис злится потому, что я заставил ее переживать. Потому, что она считала меня мертвым, нет, скорее, потому, что она не знала, жив я или нет. Хотя она сама этого и не осознает, но эта ярость не что иное, как защитный инстинкт, ведь для иного вида гнева она слишком добра и заботлива. Однажды я тоже был охвачен подобным гневом. Я выместил его на Айсис, когда поймал ее в своей комнате за просмотром писем, сочтя, что таким образом она пытается добраться до Софии.

Я знаком с Айсис достаточно долго (словно не год, а целые столетия), чтобы знать: дрожь - верный признак того, что она на грани срыва. Когда она дрожит, ее прошлое приподнимает голову, отбрасывая тени на ее сознание. Я всегда тактично воздерживался от прикосновения к ней, чтобы не сделать еще хуже, но сейчас... хоть я и кричу себе придерживаться того же плана, я не могу.

*Не могу.*

Я подхожу к ней, нежно обнимаю и прячу лицо в изгибе ее шеи.

- Я больше не могу, - выдыхаю я. - Я так старался, боже, как же я старался быть сильным. Сделать все правильно.

Айсис застывает, и я тотчас осознаю, что делаю, и отчаянно пытаюсь отстраниться. Что-то ужасное и темное разъедает мою сущность, сдерживаемую жестокими тренировками Грегори и самовыстроенной дамбой отрицания. Одной встречи с Айсис достаточно, чтобы это нечто, словно бомба, образовало трещины в этой дамбе. Трещины, сквозь которые Айсис сможет увидеть меня, настоящего меня, увидеть таким, каким меня не видел никто другой, каким я притворяюсь не быть – сломленным и мертвым внутри. Мне следует уйти, следует успокоиться, но она не позволяет мне отстраниться, она крепко обвивает руками меня за талию и прижимает к себе, к своему теплу, запаху и понимающему молчанию.

- Я п-пытался, – шепчу я. – Пытался защитить ее, тебя, всех. А в итоге убил ее. Я не смог ее спасти. Не смог... я убил ее... и причинил тебе боль. – Горячая влага накапливается в глазах, и я плотно сжимаю веки. – Я не заслуживаю жизни...

Она еще крепче обнимает меня, выдавливая из моих легких весь воздух.

- Перестань, – говорит она.

- Это правда...

- Экстренное сообщение: не все, что вылетает из твоих великолепных уст, является правдой. – Она замолкает на секунду. – Вот черт. Я только что назвала тебя великолепным. Теперь мне придется совершить харакири.

- Не смей, – бормочу я ей в шею.

- Теперь понимаешь, что я чувствую? Что я чувствую, когда ты говоришь, что не заслуживаешь жизни. Новое правило: больше никто никогда не говорит о самоубийстве.

По моей щеке сбегает слеза, и я хороню ее в воротнике рубашки Айсис. Рука Айсис скользит вверх и ласково поглаживает меня по голове.

- Если ты действительно считаешь себя таким плохим, – продолжает она. – Тогда живи. Живи и страдай. Живи с воспоминаниями обо всех плохих вещах, которые совершил. Не выбирай легкий путь. – Она замолкает. – Идиот.

Обзывательство – крошечная инъекция реальности, света. Трещины во мне уменьшают давление прошлого года, да и позапрошлого... слезы медленно утекают сквозь них, пока воздух выходит из моих легких. Я поднимаю голову и обхватываю ее лицо ладонями.

- Я скажу это всего один раз, так что слушай внимательно.

Ее глаза широко распахнуты, губы разомкнуты, а щеки пылают. Оказывается, она тоже плакала – на ее ресницах сверкает влага.

- Ты права. На сей раз ты права, Айсис Блейк.

Она улыбается, и в течение кратчайшей миллисекунды, прежде чем ее друзья вываливаются из зала и окликают ее, все в мире правильно, все красочнее и светлее. Мы расходимся, и моим рукам сразу же недостает ее тепла.

- Секунду! – оглянувшись, кричит она им в ответ, а затем резко вновь поворачивается ко мне. – Значит, ты теперь здесь учишься? Ты живешь в кампусе, как и все мы, смиренные батраки?

Я киваю.

- Пока что. В общежитии Джефферсона. Комната 314.

Ее взгляд становится суровым.

- Тебе предстоит мне многое объяснить. Хотя и крайне запоздало. И ты должен позвонить своей маме. Она очень о тебе волновалась.

- Согласен.

- У тебя ведь сохранился мой номер, верно? Ты не выбросил телефон в озеро, когда ушел, чтобы присоединиться к верховной власти или семи самураям, или монастырю жалкой непристойности, или куда там еще?

- Да, сохранился.

Она пожевывает губу.

- Я еще тебя не простила. Но спустя восемнадцать лет бурных экспериментов я обнаружила, что гораздо охотнее прощаю людей, если они взаимодействуют со мной на физическом уровне. Разговаривают со мной. Посылают сообщения. С милыми картинками кошечек или забавными смайликами...

- Я не вставляю забавные смайлики.

- Да, но ты вставляешь картинки кошек!

- Нет.

- Да, - спорит она.

- Нет.

- Черт, посмотри на нас. Почему мы просто не можем поговорить как нормальные люди? Например, о концертах, тортах, наших сугубо личных убеждениях, об оранжевом цвете и всем прочем? - Я непонимающе смотрю на нее. - Оранжевый. Ну же, давай попробуем. Поговорим об оранжевом цвете.

- Он... оранжевый.

- Динь-динь-динь. Дайте человеку сигару. Оранжевый - это оранжевый. Вау. Это была превосходная беседа. Твоя наблюдательность не знает границ. Может быть, в следующий раз мы сможем развить разговор до, например, фиолетового. Если, конечно, ты вновь не исчезнешь на годы...

- Я не исчезал на *годы*.

- ...оставив меня потерянной и убитой горем, а потом ты вернешься спустя пятьдесят лет размышлений о фиолетовом, думая: «О да, теперь у меня есть шанс произвести впечатление на Айсис своим глубоким и доскональным знанием фиолетового цвета», и найдешь меня, всю такую овощеподобную, в доме престарелых в коме, где я буду грезить о Джонни Деппе. Тогда тебе придется поторопиться рассказать мне о фиолетовом, потому что один из моих потенциальных отпрысков в любой момент сможет отключить меня от аппаратов

жизнеобеспечения. А может быть, даже ты сам положишь мне конец. Пометка для себя: не стареть!

- Слишком поздно, - констатирую я, и она надувает щеки.

- В любом случае, ты мне нравишься, но ты губишь мою жизнь. Пока.

- 7 -

3 года

47 недель

2 дня

Ничто не вечно - это могло бы стать пугающим суждением, если бы я не была столь просвещенной, да и к тому же в гармонии с естественными силами вселенной, которые включают в себя (но не ограничиваются): А. Салат «Тако». Б. Салат «Тако». В. Мою собственную восхитительную задницу. Которая увеличивается в размерах прямо пропорционально тому, сколько салата «Тако» в нее влезает. Ох, наука ушла далеко вперед...

Неважно, насколько велика моя задница, она никогда не будет достаточно большой, чтобы раздавить огромную, жирную башку Безымянного. Кроме того, я ни за что бы не прикоснулась к нему ни одной частью своего тела, которая не была бы остроконечной или пропитанной ядом черной мамбы. Теперь, когда я знаю, что он учится в моем университете, я должна найти способ избавиться от него без убийства. Может, случайно подвернется черная дыра?..

Но сначала я должна закатить истерику. В этом я ой как хороша.

- Хочу ли я знать, что ты делаешь? - Иветта смотрит вниз, когда - едва она успевает зайти в комнату - я хватаю ее за ногу.

- Я пересматриваю свой план «Как вылететь из университета на первом году обучения», - привлекательно похныкиваю я.

- Ох, прекрати. - Иветта бросает лэптоп на свою кровать и волочит ногу (я ведь в нее вцепилась) к столу. - Раз ты все равно валяешься на полу, развяжи мои ботинки.

- Как я уже говорила, - я с удовольствием развязываю шнурки на ее ботинках, - я недавно узнала, что кое-кто, кого я истинно презираю, учится здесь.

- Тот парень, с которым ты разговаривала возле Эмель Холла? Модель Макфардингтон?

- Это я его так назвала? Звучит вполне в моем стиле.

- Да, ты много говоришь о нем. Во сне.

- Иветта! - восклицаю я. - Это не модель Макфардингтон, а другой парень, который занесен в мой дерьмосписок. Хотя модель Макфардингтон тоже в нем значится, но не на первом месте, да и его имя несколько сотен раз перечеркнуто, потому что иногда я исключаю его из этого списка, а потом добавляю вновь.

Иветта выгибает проколотую бровь.

- Все сложно, - коротко резюмирую я. - Давай закроем тему.

- Нет, - просто отвечает она.

- ПочемуУУУУУ? - тактично осведомляюсь я.

- Мы должны испытать все девять ярдов агонии университета, прежде чем выпустимся. Должны напиться до потери пульса, дать зарок навсегда отречься от мужчин, прогулять кучу занятий и попробовать кокаин. И это определенно стоит как минимум семи месяцев занятий здесь.

- Чьи слова?

- О, это слоган каждого трогательного фильма о взрослении.

- Черт! - Я отпускаю ее ногу и закатываюсь под свою кровать, где на деревянных перекладинах под матрасом замечаю вырезанный член и сразу же выкатываюсь обратно. - Фу-у!

- Слушай, я действительно сочувствую тебе насчет этого парня. Или... двух парней... и всего происходящего. Покажи их мне, и я так сильно их отделаю, что они будут блевать тем, что осталось от их душ. Но прямо сейчас мне нужно закончить эссе по химии, иначе меня отымеют. Метафорически. Вообще-то, я еще девственница.

И это последний раз, когда она вправе произносить столь громкие слова. Отлучившись за едой, я возвращаюсь с кучей буррито и стучусь к ней, чтобы она меня впустила, однако из-за двери доносится стон, а затем Иветта просит кого-то сделать что-то «сильнее». И я реагирую на это с пугающей благосклонностью: направляюсь к более спокойным водам. Джек открывает дверь. Его волосы взъерошены ото сна, и он без рубашки... вот черт, эти воды настолько же спокойные, как и люди, которые выигрывают машины у Опры.

- Моя соседка бесстыдница, поэтому теперь я живу здесь, - заявляю я, проходя мимо него.

- Ты не можешь, - возражает он.

- Колумбу сказали то же самое, и посмотри, чего он достиг. - Я плюхаюсь на его кровать. Я точно знаю, что она его, ведь она идеально заправлена, лишь покрывало слегка смято ото сна. Постель же его соседа представляет собой сочувственно пустое пристанище с беспорядком из одеял. Джек надевает рубашку и, зевая, садится рядом со мной.

- У тебя такие заспанные глаза. - Я указываю на его глаза, и он сильно их трет.

- Ладно, если хочешь, можешь остаться, - предлагает он, все еще потирая один глаз - такое человеческое, ранимое движение, которое я никогда не видела прежде в его исполнении. - Но я ухожу через пятнадцать минут.

- Ты похож на маленького ребенка, - я смеюсь, - у которого проблемы с глазами.

- Заткнись, - ворчит он и трет сильнее. Его щеки розовые после сна, а волосы торчат в разные стороны.

- По-прежнему используешь задницу утки в качестве образца для подражания, да? - говорю я, указывая на его прическу.

- По-прежнему используешь ребяческие оскорбления в качестве защитного механизма, да?
- По крайней мере, это не задница животного.
- А смысл тот же.

Я показываю ему средние пальцы на обеих руках, и он отвечает мне тем же, затем облокачивается на стену и закрывает глаза. За окном сверкает сумеречное розовое небо, и вечерняя заря проникает внутрь, разукрашивая белые стены полосами персикового цвета.

- Что ты хочешь знать в первую очередь? - наконец спрашивает Джек.

В голове возникает тысяча вопросов, но я выбираю наименее безобидный.

- Куда ты уходишь через пятнадцать минут?
- Друг пригласил моего соседа на барбекю, и тот тащит меня с собой.
- Кто твой сосед?
- Его зовут Чарли. Он идиот. Но пылкий идиот. Я слышал, это имеет какое-то значение.
- Конечно, и живое тому доказательство прямо перед тобой. - Я указываю пальцем на себя. Ухмыляясь, Джек открывает глаза, чтобы взглянуть на меня, и красное солнце разбавляет ледяную голубизну теплым оранжевым.
- Ты не идиотка, Айсис.
- А то я не знаю.

- Ты глупышка, - исправляет он и, вновь закрыв глаза, ложится на бок. Я же размышляю над достоинствами того, чтобы оторвать ему все пальцы по одному, и решаю, что они слишком красивые, чтобы от них избавиться. Сейчас.

Обнимаю колени и пытаюсь вспомнить, как правильно дышать. Как делают это все нормальные люди. Люди, которых не преследуют призраки прошлого или, как в моем случае, бывшие парни с садистскими наклонностями. И как только я начинаю погружаться во тьму, где живет, дышит и разъедает меня монстр, Джек протягивает руку и увлекает меня к себе. Я вскрикиваю, но не сопротивляюсь. Он прижимается ко мне сзади всем телом, обдавая своим теплом, и мы просто лежим на его мягкой кровати. Постепенно запах мяты и меда обволакивает меня, как одеяло. Темными ночами я жаждала вновь ощутить этот запах, когда думала о нашей войне, его руках и какого было бы его поцеловать, сильно, по-настоящему, и, возможно, даже зайти дальше, потому что, может быть, просто может быть, он единственный человек в мире, который сможет целовать мои растяжки, а не называть их уродливыми...

- Перестань, - бормочет Джек мне в волосы.
- Что?
- Перестань все время быть такой печальной.

Я кривляюсь, и он прижимается носом к моей шее. О боже. Внезапно мое сердце решает, что оно астронавт, и пытается выполнить сорок сальто, и я словно воспаряю.

- Что заставило тебя сюда приехать? - спрашиваю я.

- Работа, - выдыхает Джек.

Легкость парения вытесняется патокой, свинцом и шипами.

- Ясно. Естественно, ведь парни из братства никуда не годятся, а студенткам нужен обходительный и опытный специалист по вагинам, чтобы уменьшать стресс, потому что, очевидно, все в мире просто одержимы сексом...

- Я не эскорт, - терпеливо произносит он. - Сейчас я работаю на кое-кого другого. Занимаюсь кое-чем другим.

- Ух ты! Так познавательно. Я прям-таки извлекла много полезной и конкретной информации из этого разговора.

- Помнишь парней, которые были в том лесу? Парня в твидовом костюме, который тебя преследовал?

- Да, но...

Открывается дверь, и мы с Джеком быстро садимся. Знаете, кто заходит в комнату? Крошечнейшая Маккостюмштанцев - один из бегущих-за-мною-в-темном-лесу-Огайо-потому-что-его-босс-ему-приказал. У него кожа цвета янтаря, а черные волосы торчат, как шипы. Он замирает, вытаращив на меня свои темные глаза.

- Ты! - резко кричит он, тыкая в меня пальцем.

- ТЫ! - взвизгиваю я. - Почему ты все еще жив? Я же отпинала тебя по яйцам!

- Какого дьявола она здесь делает? - гневно спрашивает он у Джека.

Джек вздыхает.

- Айсис Блейк, познакомься с Чарли Морияма...

- Уже, - говорим мы с Чарли одновременно. Я бросаю на него гневный взгляд, а он сужает свои и без того узкие глаза.

- Ладно, у нас нет на это времени. - Чарли переводит взгляд на Джека. - Мы должны были быть там еще пять минут назад. Давай не облажаемся, хорошо?

Джек вновь вздыхает и, не отрывая от меня глаз, встает с кровати.

- Я скоро вернусь, и мы продолжим разговор, договорились?

- Конечно, иди работай с плохими парнями. Мне все равно.

- Айсис...

- ПОШЛИ, - кричит Чарли, хватая полотенце со своей кровати, и громко выходит из комнаты. Джек хмурится, но неохотно следует за ним.

И я делаю то же самое. Ну, только за пять метров и две машины от белого «Ниссана» с

разбитой задней фарой. Мысли лихорадочно кружатся в голове, пока «Ниссан» уводит меня вниз по магистрали, все дальше и дальше от универа. Почему Джек водится с Твид-тупицей и Маленькими яйцами? Твид говорил, что хочет нанять его, но я до сих пор не знаю зачем. Видимо, он преуспел. Ой, давайте будем реалистами, это Джек позволил ему преуспеть. Все, что происходит с Джеком, происходит только потому, что он сам это позволяет. Я не в счет. Но это уже совсем другая история, полная незаконности и удовольствия.

Джек сказал, что он здесь работает, вот только что это значит? Он учится в универе, но при этом работает на Твида? Что за работа? Воровать хорошие оценки и раздавать их отстающим? Что может компания Твида делать за деньги, кроме как стоять и выглядеть глупо? Это не имеет никакого смысла, остатки которого разбиваются вдребезги, когда Чарли сворачивает на подземную парковку белокаменного роскошного здания с охранным постом и заезжает внутрь. Я подъезжаю к посту вслед за ним, и охранник – загорелый парень с аккуратной бородкой – спрашивает:

- Эй, вы к кому?

- Гм. - Мой мозг отчаянно соображает и, как и все выдающиеся мозги, заставляет меня выпалить первое, что приходит в голову: - Иисусу?.. Христу.

Он прищуривается и, как только я решаю, что он швырнет мне под колеса ленту с шипами, улыбается.

- Ах да, вы, должно быть, приехали на встречу пресвитерианцев?

- Да! Точно. Хвала Господу!

Он кивает.

- Проезжайте, парковка для гостей слева.

Либо нынче в мире все тупые, либо я стала умнее. Спасибо, университет! Стоп, кого я обманываю? Университет еще ничему меня не научил, кроме панических атак и возможности полностью забить на преподав. Исправление: спасибо, «Нэшнл географик»!

Я паркуюсь и медленно иду за Джеком и Чарли, которые в ожидании стоят возле двери, что ведет к лифтам. После нескольких минут тихой агонии, в течение которых я чуть не подвернула лодыжку, пытаюсь спрятаться за колонной, когда Чарли обернулся, рыжая девушка в черном бикини открывает им дверь. Она кокетливо хлопает ресничками, глядя на Джека, и я притворяюсь, будто этого не было, так же как когда-то притворялась, что не видела конец «Титаника». Хотя, с другой стороны, у нее огромные буфера и очаровательная улыбка, и если у Джека не изменился вкус, тогда ему следует любым способом затащить ее в постель, потому что она выглядит довольно веселой и милой, да и кто я такая, чтобы вставать на пути у настоящей любви? Никто. Никто не должен вставать на пути у настоящей любви. Даже из лучших побуждений итальянские семьи, которые являются заклятыми врагами.

Троица поворачивает за угол и поднимается по лестнице, а я грациозно, как ниндзя Кога, делаю безумный рывок к двери и умудряюсь втиснуть мизинец, прежде чем она закроется и оставит меня снаружи.

- Банановый дерьмоторт! - возмущаюсь я, посасывая кончик пальца, пока поднимаюсь по лестнице. - Что должна сделать леди, чтобы получить здесь теплый прием?

- Возможно, отбросить свои сталкерские привычки? - Я оборачиваюсь и вижу Джека, прислонившегося позади меня к перилам. Перевожу взгляд вниз на дверь - на путь к моему спасению, обратно на его спокойное, слегка сердитое лицо, а затем заглядываю через перила.  
- Во сколько еще историй ты влипнешь, прежде чем разобьешь колени? С медицинской точки зрения? Спрашиваю как друга... Не смей прыгать.

Прыгать. София спрыгнула. Я вздрагиваю, но Джек даже не шелохнулся, просто ледяная крепость - мрачный, твердый, недостижимый. Я выпрямляюсь во весь свой устрашающий рост в сто шестьдесят восемь сантиметров.

- Я вышла, - гордо заявляю я, - на прогулку. Я за тобой не следила.

- Ты ехала за нами. Я видел твою машину.

- Ох, в таком случае да, я за тобой следила.

Естественно, он заметил. Джек никогда ничего не упускает.

- Тебе не следует здесь находиться, - говорит он. - Здесь может быть Безымянный.

Я стискиваю зубы, но управляю словами.

- И что? Он меня не волнует. Я хочу знать, что ты делаешь в компании Твида и почему ты с ними. Это опасно? Ты сказал, что не присоединишься к ним, ты сказал...

- Я много чего говорил, - Джек вздыхает, потирая глаза, - до смерти Софии. О чем в итоге пожалел.

У меня сводит желудок. Его слова о том, что я ему нравлюсь, тоже туда относятся? Я трясую головой. Эгоистка! Прекрати быть чертовой эгоисткой и сосредоточься.

- С каких это пор хождение на барбекю считается работой? - сердито шепчу я.

- С тех пор, как устроивший эту вечеринку, стал нашей мишенью.

- Эй, алло! Земля вызывает забадубийца Джека. Это реальность, а не игра «Зов долга». Здесь нет «мишеней».

- В моей работе есть, - отвечает он.

- Ну и что, скажи на милость, это за работа такая?

Холодные глаза Джека напрягаются, становясь ясными и пронзительными.

- Я внештатный агент разведки.

Я вопросительно выгибаю бровь.

- Шпион, - переводит он. - Теперь возвращайся в общежитие и позволь мне работать.

Я беснуюсь порядка десяти секунд, размахивая руками. Произношу «шпи» много раз, но никак не могу выдать из себя «он». Как никогда чуткий к моему шокированному состоянию Джек разворачивается и уходит. Но я следую за ним.

- Ш-шпион? - выпаливаю я. - Какой слепой идиот рехнулся и сделал тебя шпионом? Ты же... ты... какое слово противоположно «неуловимому»?
  - Айсис Блейк, - предлагает Джек.
  - *Джек Хантер!* - исправляю я. - Джек Хантер не неуловим.
  - Я очень даже неуловим, когда девушка, кричащая «шпион», меня не преследует, - спорит он.
  - Ты живой ледник вечной мерзлоты с бровями киллера и пронзительными глазами. Люди так легко не забывают Джека Хантера.
  - А жаль, - шепчет Джек. Это звучит так глухо и слабо. Так непохоже на него. Я хлопаю его по спине.
  - Чепуха! О тебе никогда нельзя забывать. Если это произойдет, то последний крупный ледник на планете Земля исчезнет из бытия и глобальное потепление станет очень страшной реальностью. Страшнее, чем уже есть. И душнее. И горячее. В температурном плане, не сексуальном.
- Джек останавливается и смотрит на меня, а я на него. Мы разделяем глубокую тишину, и именно в этот момент девушка в бикини выбегает на лестницу и, одаря Джека очень пьяным поцелуем в щеку, как бы невзначай роняет розовую упаковку с презервативом, а затем быстренько удаляется обратно. Я поднимаю резинку и протягиваю Джеку.
- Упакуй свой член, пока не облажался, - напоминаю я. Джек эффектно закрывает лицо рукой, и я засчитываю это за победу, потому что, по крайней мере, он не выглядит печальным. На его губах расцветает едва заметная улыбка, но он быстро ее стирает.
  - Слушай, можешь остаться. Но, когда приедет Безымянный, тебе придется уйти.
  - О, спасибо, что дал мне разрешение продолжить то, что я и так делала последние пять лет.
- Взявшись за дверную ручку, Джек останавливается.
- Прости.
  - Не извиняйся. От этого ты кажешься милым.
  - Он выходил на очень влиятельных людей и выполнял для них грязную работу.
  - Понятно. Но прежде, чем ты со своими дружками-шпионами его удержишь, позволь мне его побить.
  - Айсис...
  - Всего один удар. В глазное яблоко. Вилкой.
- Джек обдумывает это, а затем ухмыляется.
- Хорошо. Но при одном условии.
  - Назови его, идиот.

- Я получаю второй глаз.

Я обдумываю это и киваю.

- Договорились.

Он даже не представляет, как я ему благодарна. Или, может, представляет, потому что его глаза искрится лаской и теплотой в сочетании с его фирменной ноткой тихо пылающего гнева. Эта нотка столько раз предназначалась мне, что я без сомнения могу определить, что на сей раз ее пробудила не я.

А Безымянный.

Я не единственная, кто знает. Может, Джек и не знает детали, но он знает достаточно. Он догадался. Не выпытывал. В его глазах нет жалости или вины. Они ясные и видят меня насквозь, и мой секрет больше не секрет. Ноша поделена и распределена, за что я пытаюсь сказать «спасибо», но выходит только кривая улыбка.

Он развеял часть тьмы внутри меня.

Джек разворачивается и открывает дверь. Мы выходим с лестничной клетки, и моя челюсть отваливается, как багажник моего старого «Жука». Дом весь из белого камня и мрамора, а в гигантском внутреннем дворе дорожки переплетаются между россыпью фиолетовых гортензий и осенних роз. Повсюду бродят люди, некоторые сидят на стульях возле керамической костровой чаши, в которой потрескивают поленья и пляшут угольки. Джакузи и огромный освященный бассейн окружены гриль-барами и столиками, накрытыми зонтиками. Пьяные студенты разбрасываются бургерами и отвратительными шутками, которые уже давно устарели. Чарли, который выглядит очень раздраженным, жует чипсы и разговаривает с девушкой в черном бикини. Ребята толкают друг друга в бассейн и во все горло хохочут в джакузи. Джек слегка касается моего предплечья и, наклонившись, шепчет:

- Я пойду пообщаюсь. Мне нужна информация. Стой там, где я смогу тебя видеть.

- Тебе не нужно со мной нянькаться, - отвечаю я. - Просто выполняй свою работу. А я, знаешь ли, буду веселиться. Тебе как-нибудь тоже стоит попробовать.

Я беру хот-дог и присаживаюсь на шезлонг рядом с джакузи. Мило улыбаясь, на меня смотрит блондин с накаченным прессом.

- Привет.

- Привет, - отвечаю я, изящно выплевывая сосиску на плитку.

- Нет купальника? - спрашивает он.

- Оставила дома. На Марсе.

- Так вот почему ты выделяешься, как нарыв на большом пальце? Потому что ты инопланетянка?

- Или - и это безумная теория - я просто здесь сексуальнее всех, - выдвигаю свою версию я.

Парень смеется.

- Точно. У тебя потрясающие волосы.

- У тебя тоже ничего, солнечный-мальчик-я-наверняка-из-Калифорнии-и-провожу-пять-дней-в-неделю-в-спортзале.

Он снова смеется, но уже громче, и весь мокрый вылезает из джакузи, чтобы сесть рядом со мной.

- Три дня, спасибо большое, но я не настолько мускулистый пижон.

- Смог меня обдурить. - Я киваю на его живот, и он похлопывает по нему, словно Санта, объевшийся печеньем.

- Это моя гордость и радость. У меня нет мозгов и перспектив на будущее, но у меня есть эти малышки.

- Это все, что тебе нужно, - говорю я. - Сделай фото и отправь Ким Кардашьян. Женись на ней.

- Мне придется побороться с Канье, - сетует он.

- Ой, - отмахиваюсь я, - просто скажи ему, что его солнечные очки - отстой. Он тотчас упадет замертво.

Парень хохочет.

- Я Кайл Моррис. Безумно рад с тобой познакомиться.

- Айсис, - выпаливаю я на автомате, - уничтожитель сердец и грез. И любой выпечки в районе двух миль.

- Когтевран. - Он протягивает мне руку, и я хватаю ее своей перепачканной жиром ладонью.

- Пуффендуй, - отвечаю я.

- Серьезно? - Он выгибает бровь. - Ты не кажешься столь милой.

- Ох, - я тыкаю в него тем, что осталось от моего хот-дога, - придержи выводы, пока не увидишь моих друзей. Я практически заправляю благотворительным шоу.

- Парень, с которым ты пришла? - Он кивает на Джека, который весьма любезно позволяет девушке в черном бикини цепляться за свою руку и тараторить. У нее проколот пупок и, вероятно, влагалище тоже, о, кстати, я говорила, что ее зовут Геморрой? Девушки в джакузи, откуда вылез Кайл, медленно начинают замечать, насколько красив Джек, и, образовав группку, с важным видом проходят мимо него, чтобы нырнуть в бассейн с преувеличенной сексуальностью. А парни следуют за ними, как голодные псы.

- Да, идиот, по которому все пускают слюни, - говорю я. - Он мой друг.

- Просто друг?

- Это что, какой-то тонкий намек/вопрос, который я должна подтвердить, чтобы ты знал, есть ли у тебя шанс со мной переспать? Потому что если так, то он и близко не тонкий, к тому же жутко дилетантский, серьезно, в следующий раз можешь сразу прикрепить ко лбу неоновую вывеску «НЕУДАЧНИК ЖЕЛАЕТ ПЕРЕПИХНУТЬСЯ». Это, несомненно, сэкономит твое время,

ведь, похоже, все парни заботятся только об одном – как можно быстрее затащить кого-нибудь в койку.

Кайл спокойно воспринимает мою речь, притворяясь слегка уязвленным.

– Эй, по крайней мере, я честен.

Я закатываю глаза и направляюсь к бассейну, изо всех сил пытаюсь не смотреть – и, конечно же, терплю неудачу, – как, повиснув на Джеке, Геморрой трется об него бедром. Чарли развлекается в бассейне с кучей девушек, однако, даже когда они игриво его обрызгивают, его улыбка выглядит натянутой. Ну, в принципе, так и должно быть, ведь, насколько я знаю, шпионство подразумевает огромное количество пистолетов и ручек, стреляющих ядом, а не хихиканья. Подойдя к краю бассейна, я наблюдаю за покачивающимся отражением луны, похожей на серебряный медальон.

– Итак, какая у тебя специализация? – спрашивает Кайл, подойдя ко мне.

– Я первокурсница. Пока еще не определилась. Ядерная энергетика и теплофизика. Кулинарное искусство. Зависит от того, в каком настроении я просыпаюсь. – Я вытягиваю руки и балансирую ими, как весами. – Уничтожить мир или приготовить торт, чтобы отпраздновать крушение мира. Вот такой чертовски сложный выбор.

Кайл смеется.

– Боже, да ты крутая.

– Да, так говорят, – соглашаюсь я. – По правде говоря, выкрикивают. Мои враги. Прежде чем я их обезглавливаю.

Внезапно я ощущаю резкое давление на ягодице – щипок. Я подпрыгиваю, а из моей груди вырывается отнюдь не приятный визг, и в ужасе смотрю на Кайла. Меня еще никогда так не лапали. Он ухмыляется и пожимает плечами. Я сжимаю кулаки, но не успеваю пустить их в ход. Кайл отправляется в полет и, дико извиваясь, шлепается в бассейн. А на его месте теперь стоит Джек с холодным выражением лица.

– Упс, – бубнит он. Геморрой смеется, и остальные девушки подхватывают ее волну, поэтому когда Кайл вылезает, разбрызгивая воду, то ему не остается ничего другого, кроме как нервно посмеяться вместе со всеми.

– Ха-ха, очень смешно, братан!

Джек презрительно выгибает бровь. Чарли сразу же подплывает, вылезает вслед за Кайлом и уводит Джека в сторону. Речь Чарли быстрая, тихая и гневная, а Джека – монотонная.

– Он словно из сновидения, правда? – с придыханием произносит рядом со мной Геморрой.

– Да, – соглашаюсь я, – прямо из кошмара.

Она игнорирует меня и вновь прицепляется к Джеку, едва тот отходит от Чарли. Чарли направляет его к бассейну. И Джек это выполняет, хотя недовольство на его лице столь очевидно. Зачем он это делает, если ему не нравится?

– Ты. – Раздается голос у меня над ухом. Я поворачиваюсь и вижу Чарли с искривленными от

злости устами.

- Я, - отвечаю я. - Теперь, когда мы друг другу представились, мы можем наконец перейти к чаю.

- Ты его отвлекаешь, - ворчит Чарли. - Ты чертово отвлечение, которое ему сейчас не нужно.

- Прости?

- Ты меня слышала, - утверждает Чарли. - Видишь ту рыжую в бикини? Она - важный источник информации, которая нам необходима. Джек должен ее охмурить, и он бы уже сделал это, если бы не ты! По какой-то причине ему нравится твоя гребаная задница, поэтому он тянет.

- Ты ошибаешься. Мы ненавидим друг друга. Платонически.

- Из-за тебя он не может залезть к ней в трусы, - огрызается Чарли. - Убирайся отсюда, черт побери, не то я сам тебя вышвырну.

- Боже, ты всегда так вежлив с дамами или я исключение? Или, может, только парни заслуживают твоего уважения? Ну конечно. Козлы чертовски достойны вежливого обращения.

- Убирайся!

Через его загорелое плечо я вижу, как Геморрой наклоняется и прижимается губами к щеке Джека. Он не отстраняется, он принимает поцелуй, как замерзшая статуя, и лишь слегка наклоняет голову в ответ. И я все понимаю. Как и всегда, ведь я Айсис Блейк. Меня всегда выбирали последней в команду на физкультуре. На что я вообще рассчитывала? Все, что бы между нами ни было, поглотилось потерей Софии, болью и ледяным щитом, которым он величает «работу». Небольшой лучик надежды, спасавший меня от тьмы, мерцает, бесповоротно ослабевающая.

- Я все равно уже собиралась уходить, - говорю я.

Чарли наблюдает за мной, пока я не скрываюсь на лестничной площадке. Приглушенная, ноющая ярость изнуряет меня, даже когда я паркуюсь и устало тащусь вверх по лестнице в общежитие. Слава богу, Иветты нет. Четыре часа назад она отправила мне сообщение: «Останусь у друга, не переживай». Возможно, для очередного сношения. Мне все равно. Это ее жизнь, и, пока она в безопасности и счастлива, меня все устраивает. Когда я ложусь на кровать и смотрю в потолок, пульсирующая боль после вечеринки еще громче стучит в моей голове, застилая глаза горячей влагой.

Я не смогу заснуть, пока не выскажусь. Беру телефон и набираю сообщение.

*«Знаешь, сколько раз, черт возьми, ты заставлял меня плакать?»*

Его ответ приходит позже, гораздо позже. Он будит меня в два часа ночи. И я представляю Джека в ее постели. Он сидит с краю. Обнаженный. А рядом спит она, тоже нагая. Представляю его взъерошенные волосы, его мускулы, его голубые глаза, посеребренные лунным светом.

*«Слишком много»*

Его ответ. Спустя полчаса он присылает еще одно сообщение.

*«Найди того, кто не заставит тебя плакать. Найди кого-нибудь получше»*

\* \* \*

*«Знаешь, сколько раз, черт возьми, ты заставлял меня плакать?»*

Я смотрю на экран телефона, и слабый свет пронзает мои глаза, как копья. Копья вины. Копья сожаления. Я не должен быть здесь. То, что осталось от моего сердца, понимает это, едва я успеваю прочесть сообщение. Я должен быть там, с ней. Должен быть нормальным студентом, а не играть в шпионов, пытаюсь поймать преступника.

Не трахать девушку преступника, чтобы она выложила мне на них компромат.

Было скучно и рутинно, движения укоренились во мне еще со времен клуба «Розы». Я использовал каждый прием, чтобы удовлетворить ее - полностью насытить, чтобы утром она ползала на коленях, прося большего, и на следующей неделе, и на неделе после. Единственной полезной ее частью является рот, который может выболтать секреты Кайла, а следовательно, и его партнера Уилла.

Это был первый секс с той ночи в отеле с Айсис. Запах Айсис - ваниль и корица - окружал меня, даже несмотря на то, что я очень долго к ней не прикасался. Боль в ее карих глазах преследовала меня, когда я кончил в девчонку преступника. Именно ее, Айсис, имя безмолвно слетело с моих уст в порыве разрывающего сердце, окутанного виной наслаждения, и, закрыв глаза, я мог представить, всего на кратчайший миг, что подо мною была Айсис.

Но иллюзия быстро испарилась.

*«Используй все, что можешь, в своих интересах. - Резонирует голос Грегори с тренировки. - В том числе и свое чертовски красивое лицо. Женщины его любят. Используй их».*

Доказательство, которое нам нужно, на шаг ближе.

Искупление на шаг ближе. Искупление перед Софией. Искупление перед Айсис. Поймать Безымянного, избавиться от него навсегда, чтобы она больше никогда его не увидела, - это единственное хорошее, что я могу сделать для нее. Единственное хорошее, что я могу сделать, точка. Единственное, что может помочь искупить боль, которую я причинил.

Надеваю рубашку, застегиваю джинсы и очень тихо, чтобы не разбудить соседок девушки, покидаю шикарные апартаменты. Возле двери я оглядываюсь назад на затененную квартиру, которая хранит доказательство моих отвратительных действий.

Я думал, что покончил с этим. Но вновь к этому вернулся, на самом деле я никогда не оставлял эту работу.

- Искупление, - шепчу я и ухожу. Вина иссушает меня, терзая мои внутренности. Мне нужно облегчение. Мне нужно отвлечение. Мне нужно нечто иное, чем сообщение Айсис, воспламеняющее мой телефон в кармане своей печалью и разочарованием.

Что она от меня хочет?

Я ничего не могу ей дать. Я больше никогда, ничего и никому не смогу дать. Мое сердце пустое, сломанное и бесполезное.

Неоновые огни в районе университета сверкают ярким соблазном: ломбарды, стриптиз-клубы, магазины спиртных напитков открыты допоздна. Я нахожу то, что искал, в убогом клубе, забитом до верха потными и скользкими телами. Сидя у бара, я внимательно осматриваю толпу и натываюсь на мужчину, который подсыпает наркотики в напиток брюнетки.

Он весь в крови – нос сломан, а рука вывихнута, – когда я заканчиваю с ним. Это занимает всего сорок секунд. Он ударяет в ответ с тем же рвением, костяшками рассекая мне бровь, и горячая кровь стекает в глаза. На эти сорок секунд все замирает – я чистый холст, двигаюсь, ударяя и уклоняясь, как учил меня Грегори. В голове пусто, но все же шестеренки вращаются и выстраивают оборонительную позицию, наблюдая и быстро просчитывая, как быстро движется кулак противника, куда он приземлится, как увернуться и опрокинуть противника так, чтобы он отведал определенную каменную ступеньку клуба. Я пуст. Айсис ушла. София ушла. Есть только вкус крови, злости и пота и привычный рев чудовища в моей голове. Но теперь рев другой. Он резок, отточен и отчетлив. Когда рев слабый – это намного ужаснее.

«Когда оно просит еды, корми его сразу же и маленькими порциями. Пока оно накормлено, оно не взбунтуется, и ты никогда не навредишь тому, кому не хочешь. – Эхом раздаются слова Грегори в моей голове. – Пока оно накормлено, ты хозяин».

Вышибалы разнимают нас, и, пока они выводят меня наружу, я киваю брюнетке, которая, как и все в клубе, подошла, чтобы понаблюдать за дракой.

- В твой напиток подсыпали наркотики. Предлагаю взять такси до дома.

Она приходит в ужас, а ее друзья обнюхивают напиток в ее руке. Ее напуганное лицо – последнее, что я вижу, прежде чем меня выкидывают на дорогу. Чудовище дает мне достаточно сил, чтобы добраться до кампуса и завалиться на кровать. Слепая ярость быстро исчезает, охладевая, как лава, столкнувшаяся с океанской водой.

Я хозяин.

Я больше никогда не причиню боль тому, кто ее не заслуживает.

- 8 -

*3 года*

*48 недель*

*4 дня*

Кайла все понимает, потому что она ничего не понимает. Она подобна сухой губке, на которую я выливаю ведра воды. А иногда и писаю. С большим воодушевлением.

Здорово наконец-то пообщаться с ней по скайпу, за всю неделю мы обменялись лишь парой

смс.

Болтая, мы обе красим ногти на ногах.

- Айсис, ты меня убиваешь, - стонет Кайла.

- Надеюсь, не буквально. Если только ты не собираешься стать зомби. Тогда пожалуйста, мне определенно понравится быть единственной девушкой в мире, у которой есть подружка-зомби.

- Да не умираю я. Я просто разочарована. Не могу поверить, что вы с Джеком просто... не...- Я выгибаю бровь, ожидая продолжения. Она возмущенно фыркает, а затем, во внезапном порыве ярости всплеснув руками, чуть не опрокидывает флакончик с зеленым лаком. - Он уехал, ты уехала, а теперь вы оба в одном и том же месте, и я тебе уже это говорила, так почему вы не воспользуетесь этой, сверхочевидно, predetermined возможностью, чтобы совокупляться как безумные обезьяны?

- Потому что, милая Кайла, в жизни есть кое-что поважнее животных инстинктов. Странно, знаю.

- Слушай, - она стискивает зубы и осторожно добавляет зеленую полоску на большой палец, - я просто хочу сказать, что он всегда выкидывал какую-нибудь странную джекоподобную фигню, но раньше тебя это не останавливало! Ты постоянно к нему цеплялась...

- В надежде как следует врезать, - вставляю я.

- ...когда он работал в «Розе», но сейчас стоило ему переспать с девушкой ради получения информации, как ты на него разозлилась?

- Я... я... - бормочу. - Это было раньше!

- А что изменилось?

- Раньше... мне...

Кайла выжидающе смотрит в камеру.

- Ты знаешь, что я хочу сказать! - причитаю я.

- Все равно скажи это, - требует она.

- Нет!

- Да!

- Какой убедительный аргумент.

- Не умничай, Айсис!

- Ладно! Он мне нравится. Он мне нравится, довольна?

- Значит, он тебе нравится. - Она откидывается назад. - Ты хочешь изредка обедать с ним и целомудренно обниматься.

- Боже, нет, мы же не в Англии семнадцатого века.

- То-то и оно, - продолжает Кайла. - *Нравится*. Ни два ни полтора. Это ничего не значит. Вот взять, например, нас с тобой. Ты мне не нравишься. Я *люблю* тебя.

- Гм...

- По-дружески, блин, извращенка! Я люблю тебя, и ты любишь меня, а также ты любишь Джека. Но иначе.

- Кайла... - предупреждаю я.

- Страстно.

- Нет.

- Любовью в значении «обнимай меня, пока мне станет нечем дышать».

- Ошибаешься.

- В значении «вторгнись в меня своим пенисом».

Я верещу, как напуганный крылан, и захлопываю крышку лэптопа, отчетливо слыша собственное сбившееся гневное дыхание. Немного успокоившись, вновь открываю крышку и, глядя прямо в камеру, твердо произношу:

- В моей голове нет никаких мыслей о вторжении гениталий.

- Правда? - беспечно спрашивает Кайла, нанося песочный лак. - Потому что Джек сто процентов об этом думал. Неоднократно. Играя с ним.

- Кайла! Когда ты стала такой... такой...

- Потрясающей? Это все благодаря твоему влиянию.

Я молчу, пристально глядя на нее.

- И Рена, - сдается она. - Он очень содержательный и методичный. Однажды мне пришлось выслушивать лекцию по истории презерватива, пока я его надевала.

- Фу-у! Даже не знаю, что удивительнее: что он рассказал ее всего один раз или что из всех людей во всей мыслимой Вселенной именно Рен превратил тебя в сексперта.

- Короче, - резко произносит Кайла, - если ты хочешь встречаться с Джеком...

- Я не хочу! - протестую я. - Не хочу, не хочу, *не хочу*. Я больше никогда не буду ни с кем встречаться.

- Если ты хочешь переспать с Джеком... - конкретизирует она.

- Я НЕ ХОЧУ. И почему люди говорят «переспать»? Сон тут вообще ни при чем! Сон - это мирно и приятно, а секс - это... противоположность этому.

- Ты не можешь так говорить, - в ответ бросает она, - у тебя его никогда не было.

- Был! Один раз, - защищаюсь я, резко обессилев.

- Это был не секс, и мы обе это знаем.

- Слушай, здорово, что ты вся такая полная энтузиазма относительно секса, меня и Джека, нашей с ним близости. - Я вздыхаю. - Но ты кое-что забываешь. Я больше никогда не прикоснусь ни к одному парню. И ни один парень больше никогда не прикоснется ко мне. Кроме того, Джек даже не захотел бы ко мне прикасаться.

- Неправда.

- Я толстая.

- Ты на удивление не толстая.

- Я не такая красивая, как... любая другая девушка, которую он мог бы заполучить. Ты видела его лицо? У него была ты. Он мог бы заполучить долбаную Скарлетт Йоханссон, если бы действительно захотел.

- И, конечно же, штат Огайо просто кишит двойниками Скарлетт.

- В черном бикини.

Кайла вздыхает.

- Тяжело, понимаю. После всего, что случилось... Не знаю, каково это, но, должно быть, это тяжело. И мне очень жаль. Но ты ему действительно нравишься, Айсис. А он тебе. Вам, ребята, похоже, на самом деле интересно вместе, вы зажигаете друг друга странным, симбиотическим образом. Жизнь коротка. София нас этому научила. И я считаю, что вы должны попытаться счастье вместе, прежде чем полностью списать друг друга со счетов из-за ложного мученичества.

- Ничего себе. «Мученичество». Наверное, ты единственная в мире действительно уделяешь внимание занятиям в колледже.

- Заткнись. - Она краснеет и наклоняется, чтобы закрыть свой ноутбук. - И не звони мне, пока хотя бы его не поцелуешь.

Я падаю лицом на клавиатуру лэптопа и, стоная, качаю головой.

В комнату резко врывается Иветта и, точно так же стоная, плюхается на свою кровать.

- Моя жизнь кончена!

Я встаю и заваливаюсь рядом с нею на кровать.

- Наконец-то. Время умирать.

И довольно долго мы просто молча дышим в подушки, проводя опыт по самоудушению. Иветта сдается первой, поднимаясь за глотком воздуха.

- Я кое с кем переспала, - признается она.

- Знаю. - Я поднимаю голову. - Слышала.

Иветта заливается румянцем вплоть до сережек-черепов.

- Мне жаль. Я не про секс, черт, нет, я не жалею. Это было чертовски хорошо.

- Ничего, если я поинтересуюсь, кто твой герой-любовник?

- Если честно, нет. Скорее наоборот.

Теперь мои мысли целиком сосредоточены на Иветте. Хорошее отвлечение.

- Это Стивен. С социального.

- Вау! - Иветта аплодирует. - Десять баллов за высказывание самого глупого дерьма, которое я когда-либо слышала.

- Бретт, который постоянно ходит в странных футболках.

- Ну конечно, я ведь хочу превратить свое влагилице в гонорейный рассадник.

- Намекни хоть. В смысле, дай мне как минимум семьсот подсказок. В виде эссе, с цитатами и сносками.

Иветта морщится, словно испытывает реальную боль, и вот тогда я улавливаю легкий аромат чего-то знакомого. Чего-то мускусного, сладкого и цветочного. Розы.

- Диа...

- Я лесбиянка, - шепотом прерывает меня Иветта, будто боится, что кто-то услышит ее в безопасности нашей собственной комнаты. Мы смотрим друг на друга в изумленном молчании, а потом я улыбаюсь и игриво ударяю ее в плечо.

- Диана? Да ты счастливый кусок дерьма!

Глаза Иветты округляются, как будто она ожидала чего-то хуже - криков, гнева, может быть, - а затем наполняются благодарностью, и уже в типичной для себя манере она прячет лицо в подушку.

Я встаю.

- Ну же, пойдем отпразднуем это мороженым.

Ноль реакции. Я дергаю ее за ботинок, и она стонет.

- Вставай, - настаиваю я.

- Я не могу! - Голос Иветты приглушен подушкой. - Я лесбиянка!

- Если не встанешь в ближайшие пять секунд, то ты платишь, Лесбиянка.

Иветта приподнимается, она выглядит как испуганный ребенок.

- Я не рассказала родителям.

- Ты и не должна, - советую я. - Не сейчас. Мы свалим отсюда только через шесть месяцев. А когда они спросят, почему ты спустила их двадцать тысяч долларов в унитаз, ответь им: потому что ты лесбиянка. Поверь мне. Они больше разозлятся из-за денег, чем из-за твоей подружки.

Иветта ухмыляется, вытирая нос.

- Или. Или ты можешь сбросить бомбу сейчас. По телефону. Сбрось все бомбы. Взорви собственный дом.

Иветта смеется и слегка бьет меня по коленке. А затем мы разделяем мороженое. Мужество Иветты напоминает мне, что я не единственная, у кого есть проблемы. Не единственная, кто считает любовь и секс неким сплетением странности, сложности и страха.

Если Иветта смогла признаться мне, что она лесбиянка, если она смогла самостоятельно преодолеть эту сумятицу и жизнеповоротное откровение, тогда и я смогу преодолеть то, что произошло со мной.

Я не смогу быть такой же сильной, как она, но я могу попробовать.

Ради себя и всех, кто меня любит, я должна, блин, хотя бы попробовать.

В выходные я навещаю маму. Дорога длинная, но любовь стоит того. Мама встречает меня с улыбкой и распростертыми объятиями, и сегодня она приготовила ужин. Пасту. Дома чисто. Окна распахнуты, и воздух в каждой комнате больше не затхлый, свежий. Мамина кожа выглядит здоровой, а ее глаза сияют как никогда. Она без остановки тараторит о работе, о новых подругах, с которыми познакомилась на йоге, а я просто спокойно ем и все это впитываю - все ее счастье, все ее изменения.

- Ты-то как, дорогая? Прости, я слишком много болтаю...

- Все в порядке, мам. Не извиняйся. Я просто очень проголодалась.

- Ты хорошо там питаешься?

- Разумеется. У меня трехразовое обильное питание. Состоящее из пончиков и сожаления.

Она смеется, и я ухмыляюсь в пасту.

- Без тебя здесь стало ужасно тихо, - говорит мама. - Так что я стараюсь чаще выходить. Чем-то себя занимать, больше встречаться с людьми.

Я вздрагиваю.

- Прости. Прости, что уехала, прости, что не навестила в прошлые выходные, я была...

- Все хорошо. Не нужно оправдываться. Но ты дала мне обещание, Айсис. Ты *обещала*, что будешь приезжать каждые выходные. Знаю, ты занята и учеба очень важна, но я твоя мама. И я хочу видеться с тобою. Мне нужно видеться с тобою.

- Прости! - Я сжимаю вилку. - Мне так жаль...

Мама встает и подходит ко мне.

- Нет, дорогая. Это мне жаль, - успокаивающе шепчет она, глядя меня по голове. - Прости, что так сильно в тебе нуждаюсь. Ты должна быть свободной, я должна позволить тебе улететь из моего гнезда. Твои ровесники и их родители уже научились уходить и отпускать, но... но для меня это сложно. Что делает это сложным и для тебя.

Я с трудом сглатываю. Мама смотрит мне в глаза.

- Иногда меня посещают плохие мысли, темные мысли. Тогда я иду к доктору Торранду, и он помогает мне с ними справиться. Но ночью они вновь наступают на меня, отгоняя сон. И я начинаю на всех злиться: на твоего отца, на Лео, даже на тебя... и это ужасно. Я ужасная.

Я обнимаю ее, крепко, бесконечно.

- Мы не ужасные, - шепчу я. - Мы просто люди.

\* \* \*

Я смотрю, как Чарли выполняет домашнее задание; его волосы сальные, а лицо, как всегда, хмурое. Чарли не самый умный агент, и он не думает, прежде чем что-то сказать, но он добивается цели с поразительной быстротой и мощью. Мой стиль - писать, лишь слегка касаясь бумаги шариковой ручкой, его - сильно надавливать пропитанной чернилами кистью. Мы оба хорошо выполняем свою работу, просто разными способами. Вот почему Грегори поручил нас друг другу - наверное, два радикально разных метода удвоят шансы на успех. Теоретически.

На самом же деле мы ладим так же хорошо, как и две мокрые кошки в кастрюле.

- Чего уставился? - ворчит Чарли, не отрывая глаз от своей тетради.

- Хотел тебя поблагодарить, - наконец произношу я.

- Чертовски в этом сомневаюсь.

- За то, что прогнал Айсис с барбекю. Сам бы я не смог.

- Да уж. - Чарли закатывает глаза. - Так у вас с ней что-то было?

- Можно сказать и так.

- Ну, держи ее подальше от задания. Не хватало еще, чтобы твои трахнутые подружки загадили мне все дело. Работенка вроде этой означает чертово продвижение по службе.

Я устремляю взор на его стол. У него не много личных вещей, но он привез фотографию своей бабушки - пожилой японки с морщинами, на снимке она широко улыбается в объятиях Чарли перед крошечным магазинчиком лапши в месте, похожем на туманный Сан-Франциско. Заработанные деньги он отправляет ей - я немного покопался в его досье и банковском счете. Расовая ненависть оставила Чарли сиротой в три года, и его вырастила бабушка. Теперь же ей почти восемьдесят, и она не в состоянии работать в магазине, так что лишь Чарли помогает ему оставаться на плаву. Раньше он состоял в банде Чайнатауна, пока Грегори его не разыскал.

Чарли слабее меня, хоть по нему этого и не скажешь.

Люди, которых он любит, все еще живы. А это само по себе слабость. Вот почему я всегда буду лучшим агентом, чем он. Или думал, что буду. Пока Айсис вновь не появилась на горизонте.

- Она не трахнутая подружка, - проясняю я, подавляя слабый огонь гнева, который вспыхивает в моих легких. Он сказал это не всерьез; его оскорбление - защитный механизм, чтобы не

сближаться с людьми и, следовательно, чтобы не заботиться о них. Это сродни безумным шуточкам Айсис.

- Кем бы она тебе ни была, тем вечером она точно безумно ревновала тебя к Бриттани. То и дело бросала на нее свирепые взгляды. Не дай ей помешать вытягивать из Бриттани инфу, ты понял меня?

Ревновала? Айсис? Этого не может быть. Я причинил ей столько невыносимой боли. Как она может чувствовать ко мне что-то, кроме презрения? Она слишком умна, чтобы гоняться за ничем не стоящей целью. Она никогда бы не стала за мной бегать. Не после того, что я с ней сделал.

Я хватаю пиджак и выхожу из комнаты.

В кампусе тихо, ночные звезды сверкают, словно рассыпанные бриллианты. Мои ноги ведут меня вокруг библиотеки, через стоянку, к кичливому гранитному фонтану в форме кентавра, пускающего стрелу в небо. Я читаю табличку, фонтан посвящен какому-то умершему. Сажусь на край... и замечаю, что я здесь не один.

Я мог бы уйти. Мог бы оставить ее этой звездной ночью и уйти. Мог бы не формировать это воспоминание, не вовлекаться. Но я не хочу. Мне не хватает споров, подколок, остроумия. Я скучаю по ней, хоть мой идеальный, строгий и расчетливый план и диктует мне никогда больше с ней не заговаривать, чтобы оградить ее от новой боли. Но я человек. Я эгоистичен.

И я позволяю себе быть человеком... и эгоистом, как она меня и учила.

- Бу! - Пугаю ее, и она подпрыгивает, вынимая свою лениво кружащую руку из воды.

- Гребаный тупица! Ты хочешь меня убить до того, как произойдет мое окончательное перевоплощение?

- Надо же. - Я усаживаюсь рядом с нею. На Айсис мягкий на вид свитер и джинсовые шорты. - И в кого же ты перевоплотишься? Нет, подожди, дай угадаю... в чокнутую ведьму.

- В киборг-императрицу, - поправляет она с величественным фырканьем. - Небольшой, но неприлично богатой страны.

Я смеюсь.

- И что вы будете делать, когда завладеете своим королевством, ваше величество?

- Ой, знаешь, улучшу образование в школах, построю хорошие дороги, заведу гарем из красивых европейских мальчиков, ничего нового.

Я выгибаю бровь.

- Правда? А я думал, ты предпочитаешь более смуглых, восточных парней.

- Это было раньше, до того, как я поняла, что на самом деле внешность не имеет значения. Разве ты не смотришь сериал «Дора-путешественница»? Эта хрень весьма информативна. Я так много узнала об общении с людьми как с равными. И о... походах.

Я ухмыляюсь, а она прячет свою кривоватую улыбку за волосами.

- Не положено императрице одной посреди ночи прятаться за задом лихого кентавра, - произношу я.

- Я не пряталась. - Она хмурится. - Прячутся только дети. И ниндзя.

Мы оба касаемся ладонями воды, посылая легкую рябь. Наши пальцы искажаются в змей-альбиносов под водой, усеянной звездами и мхом.

- Хочешь куда-нибудь сходить? - спрашивает она.

Я поднимаю взгляд.

- Куда?

- Куда-нибудь. Куда угодно, подальше отсюда. Туда, где не успела побывать София. Давай отправимся на Луну.

Я смотрю на серебряный диск луны.

- Там будет холодно.

- Мы захватим куртки.

После недолгого молчания Айсис вздыхает.

- Откуда у тебя эта штука на брови?

- Врезался в дверной косяк, - спокойно отвечаю я.

- Где, в доме Сэмуайза Гэмджи?

- Сэмуайз живет в садовничьей хижине, а не в доме.

- О боже, да какая разница! - Она всплескивает руками. - Смысл в том, что рана выглядит отвратительно.

- Да. Все это время я только этим и занимался - обезобразивал свое лицо, чтобы больше ни одна девушка не взглянула на меня дважды.

- Это невозможно, - с усмешкой заявляет она. - Рана заживет, придав тебе мужественности, и тогда за тобой начнут бегать не только девушки, но и их мамы. Натиск усилится. Может быть, даже подтянутся дальние тетушки. Боже, жизнь так несправедлива.

Она откидывает каштановые волосы с плеча. Они стали такими длинными - уже ниже лопаток, выцветшие фиолетовые прядки теперь лавандовые, чуть светлее у корней. Челка растрепана и крайне нуждается в стрижке, затемняя теплые карие глаза и украшая раскрасневшиеся щеки. Губы маленькие, пухлые и... соблазнительные. Она изменилась за год. Стала малость выше, зрелая красота пустила первые корни в ее лицо. А ресницы ее все такие же длинные и темные, и только когда она моргает в четвертый раз, я понимаю, что пляжусь, и быстро отвожу взгляд.

Я должен рассказать ей правду. Я должен дать ей хотя бы это.

- Я покинул Носплейнс, потому что не мог там оставаться, - признаюсь я. - Потому что не знал, что с собой делать. Потому что мне было больно, и я боялся, что отголоски этой

невыносимой боли затронут других. Затронут тебя. – Айсис молчит, но ее рука в воде замедляет движение. – Я сел в машину и ехал несколько дней. Я даже не помню большую часть дороги, а когда с меня спало оцепенение, я был уже в Вегасе. Я провел там несколько недель, в мотеле.

- И что ты делал? – тихо спрашивает она.

- Дрался. Дрался и пил. В нижнем Ист-Энде есть один клуб... в общем, я заглядывал туда каждую ночь, дрался с туристами, с опытными ветеранами... с любым, кто хотел кусочек меня. Меня избивали чаще, чем я, к сожалению. Но я хотел, чтобы мне было больно. Хотел почувствовать боль, почувствовать хоть что-то, что угодно. Что угодно, кроме ужасной пустоты, которая образовалась во мне после похорон.

Она сглатывает, и ее рука на коленях сжимается в кулак.

- Чувство вины преследовало меня, как демон. Да и по-прежнему преследует, немного. Но благодаря Грегори оно не поглотило меня живьем.

- Грегори?

- Он нашел меня. Бог знает как. Но он выследил меня и, как только у меня закончились деньги, предложил работу... и тренировки. Цель, на которую можно направить свою энергию, к которой можно стремиться, посвятить себя. Я так долго боялся потерять над собой контроль. Со смерти отца, наверное. Думаю, тогда это и началось. Я потерял контроль в лесу, и это привело к смерти человека. В страхе я усилил над собой контроль, отгородился от людей, чтобы не причинить им боль. Но затем появилась ты.

Она вздрагивает, и я, скользя рукой под водой, слегка сжимаю ее ладонь.

- Это не плохо. Лео причинил тебе боль, и тогда я вновь сорвался. Но ты... рядом с тобой я потерял контроль в хорошем смысле. Это помогло мне. Ты помогла мне. Потеря контроля показала мне запутанную паутину эмоций, которые я так долго отрицал. Ты привлекала их, как солнце привлекает весенние ростки.

Ее щеки алеют, и я улыбаюсь. Но потом понимаю, что держу ее за руку, и быстро отпускаю. Подобные жесты не помогут ей двигаться дальше. Не помогут увлечься более достойным парнем. Ничто из происходящего сейчас не поможет. И все же я слишком эгоистичен, чтобы прекратить разговор, чтобы уйти. Я хочу солнца. Хочу вновь согреться в ее тепле, хотя бы на краткий миг.

- Грегори научил меня контролировать себя по-настоящему. Отвез меня в пустыню, на свое ранчо в безлюдном месте, и заставил работать. Я таскал воду, дрова, укрощал жеребцов. Кстати, лошади ненавидят меня. И змей. Но меня больше.

- Между вами несущественная разница, – вставляет она, ухмыляясь. Я одаряю ее улыбкой.

- Грегори заставлял меня драться. С собой в основном, иногда со своим помощником с ранчо, гигантом из людей Наджаво. Грегори показал мне, что контроль – это не подавление, а выражение, что я сам выбираю когда, где и с какой целью изливать свои эмоции. Спустя три месяца он сказал, что я готов присоединиться к его команде. Именно это я и сделал.

- Стал шпионить, – говорит она.

- Собирать информацию, - поправляю я. - Только люди, которые слишком много смотрят телевизор, называют это шпионажем.

- Итак, ты шпионишь за Безымянным.

Я киваю.

- Пытаюсь. Он очень скрытный, к тому же гораздо умнее, чем я думал. Но мы все равно соберем неоспоримые доказательства, нужно лишь время.

- Что он сделал? Помимо того, что разрушил жизнь толстой девушки? - холодно спрашивает она.

- Предоставил свои хакерские услуги на черном рынке в интернете некоторым персонам, связанным с опиумом, метамфетамином, детским рабством. Список не очень приятный. Скорее всего, в детали он не вдавался, но он точно знал, что это было незаконно, и этого достаточно, чтобы его засадить.

Айсис молчит. Она прячет руки между ног и начинает покачиваться на краю фонтана - нервный жест.

- Я боюсь. Каждый раз, поворачивая за угол, я боюсь, что он поджидает меня там.

- Тогда почему ты пришла сюда одна ночью?

- Он боится темноты, - отвечает она.

- Очаровательно, - говорю я, откладывая информацию для последующего использования. - Не то, что ты его боишься, - быстро разьясняю я, - то, что у кого-то настолько ужасного может быть такой обычный страх.

Она пожимает плечами.

- Когда он был маленьким, отец постоянно запирает его в шкафу и держал там часами.

Мы молчим.

- Итак, значит, вы с Бикини встречаетесь? - произносит Айсис, пытаюсь разрядить обстановку.

- Чарли сказал, что это ради получения информации, но что-то верится с трудом. Ни одно живое существо с функционирующим писающим шлангом не может не испытывать *кое-что*, встречаясь с такой сексуальной девушкой.

- Она скучная, - отвечаю я кислым голосом. - Если тебя это интересует.

- Естественно, меня это интересует! - восклицает Айсис с псевдобританским акцентом.

- Почему? Почему тебя это так волнует?

- Потому что, идиот, - рявкает она. - Ты мне нравишься! И я сказала тебе это давным-давно. Ну конечно же, ты не запомнил, ведь ты постоянно слышишь подобные признания, зачем тебе запоминать одно от раздражающей, сердитой мelenькой девочки...

Даже после всей той боли я все еще ей нравлюсь.

- Я причинил тебе столько боли. Ты заслуживаешь кого-то лучше.

Она морщит нос.

- Боже мой, я и забыла, какой ты высокомерный. Кто ты такой, чтобы решать, кого заслуживают люди? - Мы не упоминали ее, но Айсис знает направление моих мыслей. - И София... София любила тебя. Она бы хотела, чтобы ты был счастлив. Это все, что любой из нас может сделать в этой короткой жизни. Постараться быть счастливым. Знаю, это убивает тебя, знаю, ты винишь себя... но не только ты винишь себя... - Она замолкает, проглатывая окончание фразы.

Не только я. Почему я об этом не подумал? Каким эгоистичным придурком я стал. Сбежал и оставил ее истекать кровью над моей тенью, мучиться из-за того, что, по ее мнению, она должна была сделать. Она ждала одна в тишине и страхе, смело скрепляя воедино кусочки моей жизни, от которой я сбежал, поскольку был слишком эгоистичен, чтобы остаться. Даже несмотря на то, что я ее бросил, она цеплялась за память обо мне, за чувства ко мне, бережно охраняла их, чтобы они не истлели. Любая девушка сдалась бы. Любая другая возненавидела бы меня на всю оставшуюся жизнь. Но не Айсис. Не моя упрямая, смелая, добрая Айсис.

- Все в порядке. - Она смотрит на меня и улыбается, однако в ее глазах блестят слезы. - Все это, конечно, очень мило с твоей стороны, но... Но не надо меня жалеть. Если я тебе не нравлюсь, не нужно прикрываться тем, что я заслуживаю кого-то лучше. Просто скажи прямо. Знаю, я не... я не женственная... я странная и громкая, и неопытная, да и вообще не в твоём вкусе. К тому же у меня невероятно много огромных тупых проблем, так что... Думаю, со мной слишком сложно. С той ночи в отеле прошло уже несколько месяцев, так что я пойму, если все изменилось. Ты не должен переживать из-за того, что больше меня не хочешь. Это нормально, мы можем быть друзьями. Просто друзьями.

Я хочу тебя. Хочу больше, чем друга. Хочу тебя в своих объятиях, в своей постели, где ты будешь в безопасности, в экстазе и вся моя. Я хочу показать тебе, насколько прекрасным может быть поцелуй. Хочу показать, что жизнь - это не только страдания, но еще и удовольствия. Мои мысли гласят это, но губы не двигаются, приговаривая меня к молчанию. Мне нужно оставаться твердым. Малейшая слабость, и я выплесну каждый свой секрет к ее ногам: что жажду ее, как иссохшее растение жаждет дождя. Что ощущаю себя живым - по-настоящему, поразительно живым - только когда вижу ее фиолетовые пряди, контуры ее плеч, ее улыбку.

Если бы я открыл рот, то темнейшее копьё секретов пронзило бы ее насквозь.

*Я люблю тебя.*

Но какую любовь я могу ей предложить? Я сломлен, разбит вдребезги, как зеркало лжи. Попытайся она собрать мои осколки, лишь порезала бы свои нежные пальцы о них. Какую бы любовь я ей ни предложил, она бы причинила ей только больше боли, а я хочу ее исцелить. Хочу вновь возвысить ее, а не утащить с собой на дно. Она слишком важна. Новая нанесенная мужчиной рана может склонить чашу весов в ее сердце безвозвратно, навсегда отправив туда, где ни свет, ни любовь не смогут ее достичь. Я бы окончательно ее погубил. А с этим я жить не смогу.

Не после Софии. Не после того, как однажды погубил девушку. Один раз - это случайность. Второй - злонамеренно и непростительно. Я был бы не лучше Безымянного. Поставив свои желания и потребности превыше ее безопасности и благополучия, я буду не лучше него.

Поэтому я надеваю свою лучшую маску – равнодушия. Маску, которую Айсис практически уничтожила. От нее остались лишь черепки, но она настолько знакомая, что я быстро заполняю пустоты и делаю лицо непроницаемым.

- Прости, – говорю я, – что привел тебя к мысли, что мы были больше, чем друзья.

Несмотря на все свои несчастья, Айсис очень, очень хорошо умеет скрывать свою боль. При моих словах свет мгновенно исчезает из ее глаз, что-то весомое и яркое умирает внутри нее. Надежда. Но она за долю секунды прячет это, сметая под коврик сардонического раздражения.

- Фу-у, прекрати. Извинения из твоих уст звучат ужасно.

- Прости.

Она встает, поднимает руки над головой и, потягиваясь, испускает удовлетворенный стон. Но я легко могу ее прочесть – это фарс. Украденный момент, чтобы вернуть контроль над своими эмоциями и спрятать их от меня. Она поворачивается и улыбается.

- Итак, друзья же могут задавать друг другу простые вопросы?

Я киваю.

- То, что ты сказал о симпатии ко мне... той ночью в отеле. Было правдой?

Я сглатываю и тщательно подбираю слова.

- Да. Но кое-что изменилось, и теперь...

- Не надо, я понимаю. – Она смеется. – Все нормально, серьезно. Меняются чувства, гормоны, опыт... мы сами. Только сумасшедшие неизменны! Блин, да порой я удивляюсь, что испытываю одни и те же чувства к кому-то больше недели, знаешь ли?

Любой другой решил бы, что она в порядке. Но я ощущаю боль в ее экспромте.

- Айсис...

Я встаю, и она резко отступает назад, выставляя перед собой руки.

- Эй, полегче. Я была бы тебе очень признательна, если бы ты ко мне не подходил. На дворе ночь, вокруг ни души, а ты как-никак парень, вообще-то. Это просто слегка пугает меня. Ничего личного.

В горле образуется ком, а сердце ухает в пятки. Теперь я для нее как все мужчины. Просто еще один парень, который разочаровал ее и причинил боль.

- Верно. Прости.

- И снова эти извинения! – подмечает она. – Найди себе хобби или слово получше «прости», блин. О, точно. Замени «прости» на «блин», и твоя жизнь станет в тысячу раз лучше. А также жирнее.

Я пытаюсь подобрать подходящие слова, слова, которые не причинят ей боль, но уже ничего не исправишь. Сказанного не вернешь. Вред нанесен. Айсис, как всегда, опережает, она

улыбается и шутливо салютует мне.

- Ладно, меня клонит в сон. Seriously, я прямо сейчас засыпаю. Ну вот, теперь я хожу во сне. Ты разговариваешь с лунатиком! - Она издает жутковатый звук, а затем кашляет. - Э-э. Так. Что ж. Увидимся, Джеймс Бонд. Постарайся ни в кого не стрелять без необходимости. Это ведь больно.

- Давай я провожу тебя до общежития.

- Не стоит, со мной все будет хорошо. Уши как у ястреба. Только у ястреба нет ушей. Верно? Я не знаю! Поэтому и пошла учиться. Спокойной ночи.

Айсис уходит, и я с болезненным сожалением вспоминаю, каково снова быть холодным.

- 9 -

3 года

50 недель

0 дней

Люди постоянно слишком драматизируют.

Только взгляните на Голливуд. Драма на каждом углу. И деньги. В Голливуде действительно любят деньги. И детей. Не дай бог ученые когда-нибудь смогут создать ребенка из денег в радиусе пятиста миль от Лос-Анджелеса, потому что тогда разгорится война; с оружием от «Гуччи» и вооруженными до зубов водителями лимузинов, хм, в таком случае я бы поставила все свои деньги на Вина Дизеля и героев фильма «Скала», которые наверняка бы объединились и спланировали завершающую операцию по спасению денежных детей, а я была бы их координатором по снаряжению или остроумным сообщником.

- Айсис, ты снова мыслишь вслух, - произносит Диана, срывая ромашку и засовывая ее мне в волосы.

- Наверное, здорово иметь друзей, которые любят тебя такой, какая ты есть, - размышляю я. Диана смеется, срывая еще одну ромашку и вплетая ее в венок.

- Я просто этому рада. В последние несколько недель ты выглядела печальной. Даже Иветта это заметила.

- Не может быть, - я разыгрываю шок, - наша твердолобая, эмоционально чахлая гот-брюзга? Заметила, что я чувствую? Жесть.

- Ты не ела.

- Оспоримо. Некоторые очень просвещенные йогини считают воздух едой.

- Ты не спишь по ночам.

- Я учусь! Середина семестра! - протестую я. - Знаешь, в отличие от вас, некоторым нужно

подготовиться к неминуемому отчислению.

- Ты зависаешь с... - Диана хмурится, - ну, с людьми, которые действительно тебе не подходят.

- Чепуха, - отмахиваюсь я, - Райан очень славный парень. - Она пристально смотрит на меня, и я всплескиваю руками. - И Джон, и Тайлер, и Киран, и Эрик! Они все славные!

- Славные парни, с которыми ты целуешься.

- Ты меня обвиняешь? - спрашиваю я. - Seriously? Ты видела пресс Джона? А «Дукати» Кирана? Это же долбаный «Дукати». - Я наклоняюсь к ней и обольстительно шепчу: - «Дууукааатиин».

Диана вновь хмурится.

- Я просто думала... что случилось с тем парнем, о котором мне рассказала Иветта? Моделью Макфартер или как там. Ну, с парнем, с которым ты разговаривала на концерте?

- С которым? - небрежно спрашиваю я, изучая свои ногти.

- Ты знаешь. - Она сердится. - Русский, с невероятно яркими голубыми глазами, высокий. Рассмешил тебя в мгновение ока.

- Да у меня был грипп, - возражаю я, - это был кашель, а не смех. Напомни мне никогда не брать тебя в комеди клуб.

Диана вздыхает и надевает мне на голову сплетенный венок из ромашек.

- Просто мы за тебя переживаем, вот и все. Ты кардинально изменилась, и это... это пугает. Слушай, если тебе *нравится* ходить на студенческие вечеринки и каждую ночь целоваться с новым парнем, пожалуйста. Удачи, девочка. Но...

Я улыбаюсь и хлопаю ее по спине.

- Так мило, что ты обо мне беспокоишься. Но посмотри на меня! Я большая девочка. Даже *огромная*. Я могу о себе позаботиться.

Диана сжимает свои красивые губы, но не успевает ничего сказать, потому что сзади к ней подходит Иветта и, набросившись, обнимает ее за плечи.

- Сюрприз, сучки! - кричит Иветта, затем оглядывается вокруг, убеждаясь, что никто не смотрит, и чмокает Диану в щеку. - Привет, лапуля.

- И тебе привет, - краснея, отвечает Диана.

Я падаю на траву, и Иветта принохивается к своим подмышкам.

- Я ведь не так плохо пахну, да?

- Ты меня убила, - хриплю я, - своей обворожительностью.

Иветта заливается краской.

- Заткнись! Ты не распознаешь обворожительность, даже если она укусит тебя за задницу!
- Это точно, – смеясь, соглашаюсь я, – я совсем необворожительная.
- Ты весьма обворожительна, – хмурясь, произносит Диана.
- Ну, – я взбиваю волосы, – позволим дамам и господам в «Фи Омега» сегодня это решить.
- Ты снова идешь на вечеринку? – Иветта вздыхает. – Проклятье. Будь осторожна, раздолбайка.
- Съешь мою задницу. – Замолкаю, задумавшись. – Беру свои слова назад. Меня это не интересует. Хотя я даже не знаю, что меня вообще интересует! Но чертовски сомневаюсь, что меня когда-либо заинтересует поедание экскрементов. – Вижу красноречивый взгляд Иветты и всплескиваю руками. – Хорошо! Хорошо. Я буду осторожна. Обещаю.

Зависать с Иветтой и Дианой весело, но всегда наступает момент, когда они подолгу смотрят друг другу в глаза или их пальцы крепко переплетаются, и я инстинктивно понимаю, что должна уйти. Поэтому под предлогом, что мне нужно подготовиться к вечеринке, я прощаюсь с ними и направляюсь к общежитию. Они явно влюблены. Даже паранойя Иветты насчет того, что о них узнают, не останавливает их от пребывания на публике и безупречной любви. Диана менее параноидальна, да и она осторожна только ради Иветты. Это мило, временами даже слишком, но больше всего это больно. С каждой секундой наблюдения за их ласками тьма все глубже проникает в мою голову. Никто никогда не посмотрит на меня так. Ни у кого никогда не будет таких глубоких чувств ко мне. Никто не будет относиться ко мне так нежно. Никто никогда меня так не полюбит.

*Уродина.*

*Уродина, уродина, уродина.*

Даже Джек.

Даже парень, который подобрался ближе всех, дальше всех пробрался сквозь мою жестокую оболочку. Даже парень, стоящий в дверях моего сердца, не смог заставить себя сделать последний шаг.

Что-то заставило его повернуть назад. Что-то во мне. Во мне что-то не так. И я никогда не узнаю что, потому что никогда не смогу его спросить. Теперь я даже вижу его редко. Только мельком его лицо в коридоре, но это все, на что я позволяю себе смотреть, да и то лишь считанные секунды. Нечто большее опасно. Нечто большее приведет к скрытности, молчанию, слезам и к еще большему мраку, большему количеству дыр во мне, через которые внутрь сможет проникнуть тьма и жить там, как это было всегда.

В зеркале я выгляжу немного выше. Мое отражение показывает, что я вот-вот заплачу. Еще чего! Быстро натягиваю улыбку и роюсь в шкафу. Достая черную юбку и гольфы в тон. Мои пальцы скользят по розовой блузке, и я отдергиваю руку, будто от лавы.

Воспоминания – это хуже всего.

Улыбка Джека, его голос, шепчущий, что я красивая, его объятия на кровати, его дыхание на моей шее. Его запах – мяты и меда. Его нечастый звонкий смех. Наши разговоры, наши битвы, наши поцелуи... и как в последний раз он взял меня за руку под водой в фонтане...

Я сглатываю тошноту и прячу блузку под толстовку. Надеваю красную облегающую кофту и расчесываю волосы.

Он подошел так близко.

Но в конце концов сбежал. Как и все.

Наношу розовый блеск для губ. На самом деле я сама виновата. Глупо было думать, что Джек не такой, как все. Никто из парней не любит заморачиваться. Они предпочитают симпатичных, веселых и опытных девушек, а не эту злую, горькую, саркастичную, девственную чепуху. Раньше ради меня Джеку – да любому – пришлось бы очень сильно потрудиться. Я не виню его за то, что он сбежал. Я бы точно не захотела сталкиваться с такой непростой задачей, как любить кого-то столь сложного.

Поэтому я изменилась.

Поправка: я *меняюсь*. Изменение не происходит в одночасье, кроме исключительных случаев, когда происходит, но я стараюсь изо всех сил. Ни секунды больше не хочу быть печальной, глупой девчонкой. Хочу быть простой, счастливой и веселой.

- *Боже!* – Я смеюсь, накладывая еще один слой блеска. – Она была такой глупой.

В последний раз проверяю подводку на веках, игнорируя то, что тональный практически не скрывает синяки под глазами, и убеждаюсь, что нигде не торчат ярлычки, особенно на моих новых убийственных трусиках с тигровым принтом. Беру телефон и засовываю в лифчик двадцатку на случай, если понадобится такси до дома.

Мой телефон вибрирует, и, прежде чем взглянуть на экран, я молюсь, чтобы это было сообщение от кое-кого ледяного.

Но это звонит мама. Собираюсь с духом.

- Привет, мам.

- Привет, дорогая. Как ты?

- Я... – Мельком окидываю взглядом свое отражение в зеркале. *Я побитый скелет с толикой мяса на нем.* – Я в порядке. Ты-то как? Как работа?

- Замечательно! Конечно, я еще не до конца адаптировалась, но хожу каждый день. Доктор Торранд выписал мне потрясающие таблетки, они просто волшебные. Я снова сплю как младенец.

Облегчение позволяет узлу, образовавшемуся внутри меня, ослабнуть.

- Это... это действительно замечательно. Я так рада.

- Что случилось, дорогая? У тебя какой-то странный голос.

- Я просто рада, вот и все. Какое-то время я думала... – *что ты меня ненавидела*, – что тебе станет хуже. Но все хорошо. Ты хорошо спишь. Нет ничего лучше сна, правда?

- Так и есть. Вообще-то, я как раз собираюсь ложиться спать.

- Ты ужинала? - спрашиваю я.

- Да, лазаньей, - отвечает она, хихикая. - Хотя она была не так хороша, как у Джека. Я очень скучаю по этому мальчику. Что между вами произошло?

Я прикусываю щуку изнутри - крохотное жжение отвлекает от всеобъемлющей боли, грозящей поглотить меня целиком.

- Он кое с кем встречается, - с трудом произношу я.

- Ох, очень жаль. Он так хорошо тебе подходил, но в море всегда есть рыба получше, солнышко, а ты заслуживаешь только самого лучшего. Сладких снов. Не засиживайся допоздна.

- Хорошо. Люблю тебя, мам, - говорю я.

- Я тоже тебя люблю.

Решаю пройтись пешком, а не ехать на машине - ночь слишком свежа и хороша, чтобы засовывать себя в жестяную коробку. На самом деле мама права - я не заслуживаю лучшей рыбы. Я заслуживаю того, кто более-менее сможет мириться с моим дерьмом. Рыба, которая действительно поймет, примет и сможет заботиться обо мне, не взглянет дважды на кого-то столь испорченного. Джек научил меня этому. Он все еще встречается с Геморроем. Знаю, это не мое дело. Но они выглядят как пара из рекламы «Гуччи», а она постоянно на нем виснет - на них просто невозможно смотреть, слишком больно.

Надеюсь, она счастлива.

Надеюсь, он с ней счастлив, по крайней мере, немного.

Дом «Фи Омега» находится в нескольких кварталах от кампуса. Большой синий многоэтажный дом, древний, как грязь, и возможно, с богатой историей. И трупами. Хотелось бы надеяться и с тем и с другим. Громкая музыка слышна даже на лужайке, закиданной туалетной бумагой. Я стучу в дверь, и мне, улыбаясь, открывает огромный темноволосый качок с зелеными глазами.

- Айсис! Вот и моя девочка!

- Киран! - визжу я и бью его в живот - наше обычное приветствие. Он загибается в приступе притворной боли, а когда вновь поднимает голову, то я чмокаю его в щеку. - Где выпивка?

- Дальше по коридору и налево. На танцполе без тебя скучно. Натаскай нескольких девчонок.

Я подмигиваю ему.

- Обязательно.

Девушки и парни уже всю лизжутся на диванчике, а в пиво-понг пошел седьмой круг. Да уж, я и правда опоздала.

- Айсис! - Едва я захожу в кухню, Хизер, черноволосая девушка с огромнейшими губами, обнимает меня. От нее пахнет текилой, и я вспоминаю Кайлу. - Ты чертовски вовремя! Я хотела написать тебе, чтобы ты тащила сюда свою задницу, но... но я забыла пароль на блокировке!

- 5429, девочка, - напоминаю я ей. - Где Тайлер?

Хизер фыркает.

- Мы не разговариваем. Он придурок.

- Но ты с ним спишь, - говорю я.

- Конечно. - Она закатывает глаза. - Ты была права. Он в моем вкусе.

После одного очень непристойного поцелуя с Тайлером (в доме другого братства), во время которого он попытался всосать губы с моего лица, я поняла, с кем его надо свести - с девушкой из кампуса с легендарными губами. С тех пор они везде демонстрируют свою пылкость, напоминая двух крокодилов, которые поедают лица друг друга. Мне нравится быть свахой почти так же сильно, как и бить по лицу идиотов. Почти. Мое сердце согревается, когда я вижу двух людей счастливыми, пусть это счастье и основано на страстном, регулярном сексе, а не на реальных отношениях. Хотя кто я такая, чтобы судить? У меня никогда не было реальных отношений. Как и секса. Все мои тисканья с незнакомыми парнями ограничивались первой базой. Я отчаянно хочу забыться, но я не идиотка. Я хочу стать веселой и опытной, а не подхватить ЗППП. И пока у меня все получалось. Каждый поцелуй помог мне стать увереннее. Каждый неприличный, разовый, бессмысленный поцелуй помог мне забыть важные поцелуи, которые вытатуировались на моих губах.

Иногда мне даже становится интересно, могут ли они почувствовать *его*.

Начинают греметь басы, и Хизер, взвизгивая, хватает меня за руку и тащит в отделанную деревом столовую, которую превратили в танцпол. Я растворяюсь в музыке и посмеиваюсь, когда Хизер пытается станцевать фанк стайлз на шестидюймовых каблуках. Затем она наклоняется и целует совершенно незнакомого парня, и тогда я понимаю, что я не особенная. Многие здесь - черт, да, вероятно, большинство - целуют парня или девушку, чтобы забыть кого-то другого. Все мы предпочли бы целовать того особенного человека, но по каким-то причинам не можем или отказываемся. Поэтому собрались здесь.

Я не особенная. Просто мне потребовалось некоторое время, чтобы опуститься до общего уровня. Просто мне потребовалось некоторое время, чтобы стать достаточно безрассудной и забыться. Вот и все.

Выбравшись с танцпола, наливаю себе ром с колой и залпом осушаю стакан. Алкоголь обжигает горло. Но, черт возьми, все в наши дни обжигает. Головная боль наносит неожиданный удар, и я выхожу на улицу и присаживаюсь на ступеньки, где прохладный воздух успокаивает мою пульсирующую голову.

- Ты действительно хорошо над собой поработала. - Раздается голос. Безымянный. Одетый в толстовку и джинсы он, ухмыляясь, садится рядом со мной. - Похудела. Много надо было скинуть. Я впечатлен.

- Я сделала это не ради тебя, - огрызаюсь я.

- Ох, мы оба знаем, что ради меня, Айсис. - Он смеется. - Было весело наблюдать, как ты буквально исчезаешь. Выбираешь еду в столовой. Мы даже делали ставки: съешь ли ты хоть палочку сельдерея, который выбрала, или нет. В большинстве случаев ты не ела. Я проиграл много денег, когда ставил на тебя, свинка.

Я покусываю губу, пытаюсь взять себя в руки, чтобы не убежать по привычке. Я не такая слабая, как раньше, и я покажу ему это. Он не может запятнать меня еще большей тьмой. Во мне больше нет света, который можно погасить. Теперь я сплошная тень. Он просто поливает из шланга костер, который находится под водой.

- Помнишь, как ты упала в обморок? - Его смех становится громче. - Черт, это было круто. В самом разгаре игры в вышибалы ты просто...

Его тело словно деревенеет, и он, смеясь во весь голос, падает на бок.

- Господи. Это было смешно. Настоящая умора. Ты уверена, что хочешь учиться в университете, а не выступать со стендапом? Публика точно рассмеется только от одного вида твоего лица. Тебе даже не придется ничего говорить. *Легкие* деньги. - Он прищуривается и качает головой. - И кто тебя красил, твоя бабушка?

- Что тебе нужно? - спрашиваю я резко.

Безымянный пожимает плечами, засовывая руки в карманы.

- Просто решил поздороваться. Я знаю Тайлера и хотел немного виски, вот и пришел. Девушки здесь неплохие. Но ты - совсем другая история. Ты выделяешься, как нарыв на пальце.

Он лжет. Раньше он делал это лучше... или, может, просто я стала лучше распознавать ложь?

- Что тебе *на самом деле* нужно, придурок?

Он удивляется, а затем аплодирует.

- Ого, ничего себе. «Придурок». У тебя три года не хватало мужества произнести мое имя, не говоря уже об оскорблениях. Я впечатлен. Мое почтение твоему психиатру.

- Я никогда не ходила к психиатру. Он мне не нужен.

- Знаю. Ты просто пыталась покончить с собой.

Я резко перевожу взгляд на его колено, и он смеется, хлопая по нему

- Да, я знаю, для чего была вся эта диета. Меня ты не обманешь, свинка. Любой дурак мог заметить, что ты хочешь умереть. А знаешь, что лучше всего? Никто тебя не остановил. Даже твоя дерьмовая тетушка. - Он наклоняется и шепчет: - Все хотели, чтобы ты умерла. *Так почему ты не исполнила всеобщее желание?*

Вулканическое жерло моего сердца сочится, извергая горячую лаву на легкие, желудок, печень и сразу же их обугливая. Безымянный улыбается.

- Знаешь, о тебе ходят слухи. Не про твое уродство, как обычно, а более... странные. Будто Айсис Блейк становится тусовщицей и, если напьется, лижется со всеми подряд.

Я стараюсь дышать, просто продолжать дышать, не позволяя воспоминаниям захлестнуть меня. Безымянный вытаскивает из кармана сигарету и подкуривает ее. Мое сердцебиение подскакивает до невысказанных высот, и я слышу только пронзительный белый шум. Руки начинают дрожать, шрамы на запястье болят от призрачного ожога. Безымянный ухмыляется, пуская дым мне в лицо.

- Что такое? Тот высокомерный красавчик не захотел тебя трахнуть? Поэтому ты бросаешься на любого, у кого есть губы?

Отголоски боли вновь обжигают мне кожу, и я застываю, пустив корни в ступеньки. Снова этот запах сигаретного дыма, который клубится у моего лица и пропитывает волосы... Я хочу, чтобы все это исчезло. Перестало существовать. Я не хочу здесь находиться. Я хочу немедленно провалиться сквозь землю. Хочу упасть в обморок. Если я достаточно долго буду задерживать дыхание, то потеряю сознание, и все закончится.

Безымянный посмеивается, мое молчание подтверждает все, что ему нужно.

- Видишь, Айсис, я знал, что он этого не сделает. Он умный, талантливый, красивый парень. Такой парень никогда не захочет девчонку вроде тебя. Это правило природы: красавчики не встречаются с уродинами. Никогда. Ты пыталась превзойти свой статус, а он поставил тебя на место. Какой замечательный парень. Мое мнение о нем кардинально изменилось. - Он наклоняется, и у меня желчь подступает к горлу. - Или может... может, более того, ты рассказала ему, что между нами произошло, и он просто не хочет трахать испорченную девчонку. Потому что ты такая. Испорченная. Мусор. Грязь. Никто больше тебя не захочет. Не после...

- Айсис? Что здесь происходит?

Ужасные черные чары спадают, и я снова могу двигаться, снова могу думать. Я поворачиваюсь и вижу огромное тело Кирана возле двери. Безымянный улыбается ему, включая свое очарование на полную мощь.

- Да ничего особенного. Просто небольшой разговор между старыми друзьями. Ты знаешь, где Тайлер?

Киран сердито смотрит на него, а затем поднимает палец вверх.

- Наверху.

Встав, Безымянный похлопывает его по плечу.

- Спасибо.

Когда он уходит, Киран присаживается на ступеньки рядом со мной.

- Эй, ты в порядке?

- Да. - Я прочищаю горло, и боль утихает. - Старый друг.

- Мне так не показалось.

- Он... ничего. Не бери в голову.

Киран вздыхает.

- Слушай. Я, Ульфрик и несколько девчонок собираемся в город. Там сегодня в одном клубе вечеринка в стиле рейв. Хочешь с нами?

Может, Киран и гигантер, который входит в команду по рестлингу и заваливает все зачеты по

английскому, но у него милые темные глаза, как у щенка, и он невероятно чуткий. Он точно знает, что сказать и сделать, чтобы человеку стало лучше, думаю, он обладает шестым чувством – невидимой антенной, благодаря которой улавливает настроение каждого. В этом он похож на Рена. Киран знает, что теперь, когда рядом Безымянный, я не хочу здесь оставаться.

Я киваю.

- Да. Конечно. Кто за рулем?

- Я, – с усмешкой отвечает Киран. – Сегодня я трезвый водитель, но ты можешь называть меня сэр Шофер. И ты получаешь ружье.<sup>5</sup>

- Эх, если бы у меня было ружье, – бормочу я, когда следую за Кираном к его «Крайслеру ПТ Крузер». Возле машины нас уже ждут две девушки в облегающих платьях и огромный блондин, который немного похож на кровожадного викинга.

- То что бы ты с ним делала? – спрашивает Киран, смеясь.

- Отправилась бы на пикник. Основала инди-группу. Убивала людей.

- Мы собираемся убивать людей? – Девушка в красном платье хлопает в ладоши. – Давайте начнем с профессора Саммерса. Мы сделаем миру одолжение.

- Он не настолько плох. – Закатив глаза, Киран заводит машину и выезжает.

- Я сама видела, как вчера он с помощью отражающей ручки заглядывал Тессе под юбку. – Девушка в красном платье слегка толкает свою подругу в зеленом наряде – должно быть, Тессу, потому что та смиренно откидывается на сиденье. Красное платье улыбается мне. – Привет, я Ливи.

- Айсис, – представляюсь я и смотрю на Тессу. – Ты донесла на него?

Тесса качает головой, так и не взглянув на меня.

- Кампусу до этого нет дела, – усмехаясь, произносит Ливи. – Они принимают доносы и складывают их в огромный шкаф, к которому никто никогда не прикасается. Я видела его. Это то же самое, что кричать на кирпичную стену.

Тесса наконец поднимает глаза.

- Даже если бы я донесла на него, они бы мне не поверили. – Голос у нее подавленный. – Они никогда не верят девушкам. Они бы спросили, что на мне было надето. И это оказалось бы не его виной, а моей.

Я сжимаю кулаки, и Киран устало вздыхает.

- Это несправедливо, – хмурясь, произносит Ульффрик с отчетливым шведским (?) акцентом. – В Дании в мой прошлый университет увольнять всех подонков. – Он подчеркивает слово «увольнять» жестоким приемом каратэ в воздухе.

- Что ж, добро пожаловать в Америку. – Ливи пожимает плечами. – Страну свободных сексуальных домогательств к девушкам и дом храбрых снаружи, трусливых внутри.

- Значит, профессор Саммерс, – шепчу я.

Киран бросает на меня предупреждающий взгляд.

- Даже не думай.

- Что? - Прикидываюсь я невинной.

- Я знаю, что это ты на прошлой неделе засунула спагетти в сумочку Сары, - отвечает он.

- Это ты сделала? - Ливи наклоняется вперед и смеется. - Черт возьми, Тесс, это она испортила сумочку Сары!

Я ахаю.

- Да как ты смеешь меня обвинять! Клевета, клевета, клевета!

- После этого от тебя четыре дня пахло соусом, - выдвигает Киран неопровержимое доказательство.

Я улыбаюсь.

- Когда ты так это преподносишь, я ощущаю себя дико отважной. Возможно, даже... дерзкой.

В машине наступает неловкая тишина, а затем Ульфрик стонет.

- Тебе нравится пакостничать людям, которые, по-твоему, этого заслуживают, - говорит Киран.

- И сейчас ты придумываешь пакость для Саммерса.

- Сэр, за какого преступника вы меня принимаете? Посмотрите на меня! Да я бы никогда не придумала ничего столь замечательного, как швыряние навозных бомб под двери кабинетов или намазывание париков «Криско», или подкладывание пауков в ящики столов. - Снова тишина. - А еще можно заменить глазные капли перцовым спреем...

Ливи красноречиво и одобрительно визжит. Киран вздыхает, заезжая на парковку вульгарного клуба с неоновой вывеской «Черный ход», и мы все вываливаемся из машины. Ливи хватается Тессу за руку и бежит вприпрыжку вперед. Ульфрик смотрит на меня так, будто я голодный тигр.

- Ты очень страшный женщина, - говорит он.

- Слышать это от тебя, Лейф<sup>6</sup> Могуобезглавитьтебясвоейрукойсон, многое значит. - Я похлопываю его по руке.

Он выглядит соответственно оскорбленным.

- Я никогда не обезглавливать людей!

- Тебе стоит попробовать. Очень расслабляет.

- Когда закончишь планировать безумное убийство, - растягивает слова Киран, - пойдём возьмем выпивку.

- Как мы могли забыть очередность приоритетов викингов? - Я хлопаю Ульфрика по спине. - Первый - выпивка, второй - кровь, третий - сиськи.

- Первый - сиськи, второй - выпивка, кровь - никогда, - исправляет Ульфрик.

- Ах, не будь такой занудой, Ульфри. Боги требуют веселья! Вперед в Вальгаллу!

Как и все люди, которым крайне посчастливилось встретиться со мной в этой жизни, он выглядит озадаченным, но все равно следует за мной к грохочущему клубу. Мы быстро показываем вышибале наши удостоверения, однако на документы Тессы он смотрит немного дольше, чем необходимо, а затем бросает взгляд на одно из (многих) моих фальшивых удостоверений.

- Ванесса Гергич? - спрашивает он. - И вам тридцать три?

Я начинаю потеть. Это единственный недостаток двенадцати фальшивых удостоверений.

- Я суперздорова? - предполагаю я. - Я ем овощи. Увлажняю кожу. Я постоянно увлажняюсь.

- Она со мной, - наклоняясь вперед, говорит Киран. Взгляд вышибалы мечется между мной и Киром, а затем парень вздыхает.

- Хорошо, Кир, но, если она облажается, я скажу копам, что это твоя вина.

Киран улыбается ему и проводит меня мимо вышибалы к бару.

- Один ром с колой для леди, - кричит он сквозь музыку, после поворачивается ко мне. - Ты ведь это любишь, не так ли? Я заметил, что ты часто это пьешь.

- Да, сэр. - Я киваю. - Но ты не должен мне ничего покупать. Я сильная, независимая...

Он пихает холодный стакан мне в руку и через стойку протягивает бармену пять долларов. Я немного вращаю напиток, проверяя на наличие пены, которая указывала бы на нерастворившуюся таблетку. Конечно, я доверяю бармену и Кирану. Вроде. Но нельзя быть слишком осторожным. Пока я медленно потягиваю ром с колой, мы с Киром наблюдаем, как извивающаяся молодежь в коротких юбках и футболках с воротом на пуговицах трется друг об друга. Тесса танцует с Ульфриком, она по-прежнему стесняется, но сейчас хотя бы уже больше улыбается. Ливи трется о какого-то парня, который похож на итальянца и года на четыре старше нее. Запахи пота и одеколона наполняют воздух. Стробоскопы пронзают наши глаза и проделывают дыры в нашем терпении к музыке из Топ-40.

- Это просто... - Я замолкаю, прислушиваясь к музыке. - Просто кто-то бесконечно повторяет слово «задница»?

Киран останавливается, смотрит вверх и начинает смеяться.

- Вот черт, ты права. Что случилось с музыкой?

- Деньги, - отвечаю я, - вот что. Но лично я виню спандекс, автотюн и Йоко Оно.

Он смеется. Ливи отрывает свою задницу от паха итальянца и, тяжело дыша и улыбаясь, подходит к нам.

- Эй, ребята. Пойдемте со мной.

Изнемогая от любопытства, мы следуем за ней к коридору с уборными, который покрыт граффити и кусочками туалетной бумаги. Ливи достает что-то из своего лифчика и пихает это

сначала в руку Кирана, а затем в мою. Маленькая белая таблетка в форме кролика «Плейбой».

Киран выгибает бровь.

- Где ты это взяла?

- У Хизер, конечно. - Ливи хмыкает. - В «Фи Омега» она раздавала их как конфеты.

- Это то, что я думаю? - спрашиваю я.

- Экстази? - отвечает вопросом на вопрос Ливи.

- *Незаконно?* - уточняю я.

- Остынь. - Ливи закатывает глаза. - Это всего одна таблетка. Она тебя не убьет. К тому же Хизер всегда покупает у надежного парня.

Киран протягивает таблетку обратно.

- Я... я не могу. Я сегодня трезвый водитель.

- Она выветрится из организма очень быстро, - настаивает она. - Даже быстрее, чем алкоголь.

- Как-то мне не улыбается лицемерить гигантских красных слонов-монстров. - Я с отвращением смотрю на таблетку, и Ливи, улыбаясь, похлопывает меня по плечу.

- Эй, это не галлюциноген. Не переживай. Она реально безопасна. Я принимала такие сотни раз.

Я рассматриваю белую таблетку, и внезапно в моей голове всплывают уродливые слова Безымянного.

*Такой парень никогда не захочет девчонку вроде тебя.*

*...он поставил тебя на место.*

*...и он просто не хочет трахать испорченную девчонку.*

*Никто больше тебя не захочет.*

***Никто больше тебя не захочет.***

Кладу таблетку на язык и залпом допиваю колу, заглушая его слова. Киран свою тоже глотает. Возвращаюсь на танцпол и жду прихода смерти. Или веселья. Что наступит раньше. Киран возвышается позади меня, присоединившись ко мне в танце, хоть все его движения немного угловаты и он дико зажат - лишь слегка покачивается на ногах, я ловлю себя на том, что улыбаюсь. Жизнь дерьмо, но танцы всегда были моим отвлечением. Благодаря музыке, которая укрощает тьму, я могу просто плыть по течению и ни о чем не думать.

Я не знала, что Хизер покупала наркотики, как и то, что она распространяла их на студенческих вечеринках. То есть она вроде наркодилера. Или нет? Я практически ничего не знаю о наркотиках, а о людях, которые их распространяют, и подавно. Знаю только, что многие принимают их, наделяя тем самым наркодилеров все большей властью, но они, наркотики,

опасны. Хотя я пью почти каждый день с той ночи у фонтана в форме кентавра, так что кто я такая, чтобы судить? Кто я такая, чтобы злиться? Я пыталась заглушить боль выпивкой, но не вышло. Поэтому я должна была попробовать что-то еще. Никакие ужасные последствия не сравнятся с моими воспоминаниями.

Огни стробоскопов становятся ярче, красочнее, зеленый сменяется красно-синим – два цвета сливаются в один. Я моргаю, но цвета не перестают поражать. Они отражаются от макияжа девушек и от их украшений, световые зайчики от драгоценных камней приятно прожигают мне веки. Все выглядят такими счастливыми, такими милыми, такими добрыми. Никто здесь меня не обидит. Я окружена хорошими людьми. Здесь тьма не сможет меня достать.

Когда я улыбаюсь Кирану, он улыбается мне в ответ – хороший знак, и почему я раньше не замечала, насколько он красив? Смуглый, смуглый пират, смуглый Джек Воробей (мы не произносим это имя), темный и широкоплечий, он смог бы защитить меня от тьмы, правда ведь? Кто-то столь сильный, как он, смог бы побороть все, защитить меня от всего. Все это время я силилась защитить себя самостоятельно, но это было так трудно. Я устала делать это в одиночку. Было бы здорово, если бы кто-то мне помог. Киран мог бы помочь. Джек не захотел и дальше мне помогать, но это нормально, ведь со мной сложно, а я не стою всех этих усилий, это нормально, даже несмотря на то, что он единственный, ради кого мое сердце выглянуло из своей раковины, но это было глупо, я была так глупа, раз думала...

### ***Никто больше тебя не захочет.***

Вздвогнув, я падаю на Кирана и обнимаю его за талию. Он останавливается.

- Айсис? – кричит он. – Ты в порядке?

- Я... я... нет, – смеюсь, – не в порядке. Я чертовски не в порядке.

- Эй, воу, хорошо. Давай выведем тебя на воздух.

Я висну на руке Кира, пока он выводит меня сквозь толпу из клуба. Когда мы проходим мимо вышибалы, я бросаю на того взгляд.

- Мне не тридцать три, – выбалтываю я.

- Я знаю, – отвечает он, закатывая глаза.

Едва Киран отпускает меня на ступеньках, мои глаза выхватывают тлеющие кончики сигарет в руках у компании ребят, и я начинаю дрожать. Киран замечает это и уводит нас подальше от них. Я жадно глотаю воздух, даваясь пустотой и в то же время всей полнотой мира. Киран терпеливо ждет, глядя на звездное небо. Когда давление уменьшается и мир теряет яркость, я лепечу:

- Извини. Ты должен вернуться... иди в клуб и веселись. Со мной не весело. Я умираю.

- Ты не умираешь. – Он смеется.

- Еще как умираю. Чуть быстрее, чем большинство людей.

Киран озадаченно смотрит на меня, но мне все равно, слова Софии раздаются в моей голове, принося долгожданное облегчение после слов Безымянного. Его слова звучат как лай бешеной собаки, разрывающей мне горло, ее – как звук хрустальных колокольчиков и капель дождя.

Неудивительно, что Джек ее любил.

Неудивительно, что Джек сломался, когда потерял ее.

Неудивительно, что он больше никогда никого не захочет. С ней никто не сравнится.

Я смеюсь, но смех превращается во что-то странное, и я начинаю кусать руку, чтобы это остановить. Киран убирает мою руку ото рта, и на рукаве кофты я замечаю темно-красный круг. Ерунда.

- Айсис, ты действительно меня пугаешь, - мягко произносит он.

- Да, я пугаю многих людей. Такая уж я. Хэллоунтаун меня полюбит. Но больше никто. Кроме моей мамы. Она у меня замечательная, а я ее бросила... я такая эгоистка.

Киран молчит. Я чувствую, как темнота начинает отступать. Уличные фонари яркие и массивные, словно гигантские желтые светлячки.

- Есть один парень, - говорю я и смеюсь. - Да как и у каждой девчонки, верно? Всегда есть парень. Какой-то парень. Какой-то парень, который что-то не сделал. И он мне нравится.

- Если он тебе нравится, просто подойди и поцелуй его, - говорит Киран.

- Ты ничего не знаешь.

Киран смеется, и я, схватившись за голову, опираюсь на его плечо. Ночь такая темная, а он такой теплый... мне нужен кто-то сильный. Кто-то, кто удержит меня от исчезновения во тьме. Или, может, уже слишком поздно. Может, я уже исчезла, и теперь моя жизнь состоит из тьмы, в которую лишь изредка проникают короткие вспышки света.

- Я тебе нравлюсь? - спрашиваю я у Кирана. Дерзко, но сейчас я чувствую себя такой легкомысленной.

Киран прочищает горло.

- Ну... эм...

- Да или нет.

- Да, - отвечает он, - нравишься.

**Никто больше тебя не захочет.**

- Ты хочешь меня? - Я прижимаюсь грудью к его плечу, как Геморрой прижималась к Джеку.

Киран вновь прочищает горло.

- Да. С тех пор, как мы подружились, я...

Я тянусь и целую его, и он целует меня в ответ, нежно, но страстно. Это не Джек. Это всегда не Джек. И никогда им не будет. Я не хочу плакать, поэтому целую сильнее, глубже. Рука Кирана скользит мне под кофту, и я позволяю...

- Ты!

Я поднимаю глаза и вижу, как Чарли Морияма обвиняюще указывает на меня. А за ним тот самый человек, которого мне уж точно не стоит видеть сегодня... или вообще когда-либо.

\* \* \*

- Как ты слушаешь это дерьмо? - ворчит Чарли, выключая мою оперную музыку.

- Я так понимаю, ты не фанат полных итальянцев, поющих о страданиях из-за женщин?

Чарли проводит рукой по своим растрепанным волосам, поправляя их.

- Если бы я хотел слушать придурков, жалующихся на сучек, то слушал бы Бигги Смоллса. Или Наса.

- Ну конечно, ведь, называя женщин «сучки», ты очень далеко продвинуешься в отношениях с ними, - говорю я и на светофоре поворачиваю налево.

- Меня не волнуют сучки, ясно? Все они плаксивые и пекутся лишь о твоих деньгах, они хотят, чтобы ты их красиво одевал, покупал им мороженое и гигантские кольца. С меня этого хватит. Я просто сосредоточусь на приобретении особняка, а затем куплю себе несколько сучек.

- Ты не купишь ни сучек, ни особняк. Ты купишь дом для своей бабушки.

Краснея, Чарли бросает на меня убийственный взгляд.

- Какое идиотское дерьмо только что вылетело из твоего рта? Клянусь, ты тупеешь с каждым днем.

Я паркуюсь перед убогим клубом «Черный ход». Как же тяжело заставить себя ответить ему обычной холодностью. Он такой жалкий, такой мягкий внутри, хоть и упорно старается быть твердым снаружи.

Он мне кое-кого напоминает.

- Ну, надеюсь, ты умнеешь, потому что кто-то из нас должен быть достаточно смышленным, чтобы допросить хозяина клуба.

Чарли лишь ворчит, пряча под рукав пару кастетов. Я открываю диктофон на телефоне, чтобы получить неопровержимые доказательства на пленке.

- Он будет разговаривать неохотно, - предупреждаю я. - Его зовут Терранс.

- Да мне пофиг, как его зовут, давай просто намнем ему бока.

- Никто никого бить не будет, - произношу я стальным, не требующим возражений тоном. - Терранс бизнесмен. Его легко убедить рядом логических способов, которым я был бы более чем рад тебя обучить.

Чарли стонет.

- *Плевать.* Давай просто сделаем это. Можешь заговаривать этого осла сколько хочешь, но

если мы этим ничего не добьемся, то я перейду к плану «Б» - к избиению.

- Зачастую, если цель никогда раньше не избивали, угроза избиения более эффективна, чем само избиение. Такой слабый и богатый человек, как Терранс, расколется без единого удара.

Я выбираюсь из машины, и Чарли с задумчивым выражением на лице следует моему примеру.

- Вероятно, на сей раз ты прав. - Мы с Чарли мельком показывает свои удостоверения, и вышибала пропускает нас внутрь. - Кстати, как у вас дела с Бриттани?

- Хорошо, - отвечаю я автоматически. - Она очень настойчивая.

Я не говорю ему, что она лишь вещь, средство достижения цели. Кукольная замена, на которую я переношу запретные воспоминания о девушке, которую бросил во благо.

- Ты это так называешь? - Чарли ржет, пока мы огибаем клубную толпу. - Она круглосуточно околачивается возле нашей двери. И едва сдерживается, чтобы не запрыгнуть на твой ледяной член до того, как я выйду из комнаты.

Я пожимаю плечами.

- Чем ты занимался до того, как тебя нашел Грегори? - внимательно изучая меня, спрашивает Чарли.

- Я видел дамских угодников, но даже лучшие из них не пробуждали у девушек огонь желания среди бела дня. Что делает тебя таким особенным?

- Я знаю, как обращаться с женщинами, - отвечаю я. - Урок первый: не называть их сучками.

- Пока они не начнут вести себя соответственно, - пытается исправить Чарли.

- У некоторых женщин специфические вкусы, но и они оценят это только в спальне. Никогда их не оскорбляй.

Пока мозг Чарли пытается переварить эту информацию, я подхожу к двери в VIP-зал, по обе стороны которой стоят охранники. Один из них выставляет руку, останавливая меня.

- Ты кто? - спрашивает он.

- Эй, отойди, отойди! - Чарли напирает грудью. - Мы здесь по делу.

- Назовитесь или убирайтесь, - настаивает охранник.

- Джек Хантер, - представляюсь я. - У нас назначена здесь встреча с Террансом.

Охранник отворачивается и, приложив пальцы к уху, говорит в наушник. Спустя несколько секунд он поворачивается обратно и открывает дверь своей мускулистой рукой. Входя внутрь, Чарли салютует ему, я же молча проскальзываю мимо. Музыка звучит здесь глухо, на черном стеклянном столике охлаждается шампанское в ведерке со льдом. Диваны из настоящей кожи отбрасывают блики под ярким освещением. На диванах, потягивая шампанское и печатая что-то в телефонах, сидят еще двое охранников. Они огромные и мускулистые, но им не справиться с Чарли. Он наш элемент неожиданности, в драке Чарли просто разъяренный тасманский дьявол, мне остаются лишь объедки.

Когда мы заходим, они поднимают глаза и, встав, быстро нас обыскивают. Чарли жалуется, но я затыкаю его взглядом, поскольку следом за нами в зал заходит мужчина в безупречном костюме в тонкую полоску. Хоть он и полный, костюм очень хорошо на нем сидит. Его седые волосы редкие, макушка лысая, глаза водянистые, а кожа орехового цвета из-за одержимости солярием. Его пальцы украшают десятки колец – насколько я могу судить – с настоящими драгоценными камнями. Чистыми, без изъянов. Этот мужчина очень богат, и у него большие связи.

- Джентльмены! – Присев, Терранс улыбается и протягивает мне руку. – Добро пожаловать в мою скромную обитель. Рад, что вы смогли прийти так скоро.

- Здесь чудесно, – говорю я, пожимая его руку. Мы садимся, и Терранс наливает шампанское.

- Выпьете?

- Нет, спасибо, – отвечаю я. – Мы не хотели бы отнимать у вас времени больше, чем необходимо.

Терранс выгибает бровь, а затем заливается смехом.

- Лаконичный и готовый немедленно приступить к работе. Мне нравится это в мужчинах. В наши дни редко увидишь такую искреннюю приверженность делу среди вашего поколения. – Осушив бокал, Терранс хлопает в ладоши. – Хорошо, итак, что вы предлагаете? В кампусе у меня уже есть ребята, предоставляющие каналы к МДМА<sup>7</sup>. С чего вы решили, что у вас есть что-то получше, а?

- У нас есть информация, – говорю я.

- Да? Вы знаете кого-то лучше?

- Для начала я бы хотел, чтобы вы выполнили свою часть сделки, – заявляю. – Имена, будьте добры.

- Ох, видите ли, – Терранс щелкает языком, – я не могу назвать их без гарантии, что получу взамен что-то равное. Это несправедливо. Мне нравятся эти ребята. И отдавать их за хреновую информацию я не собираюсь.

- Послушай, приятель... – выкрикивает Чарли. Охранник резко наклоняется, и я, чтобы остановить Чарли, кладу напарнику руку на грудь.

- Терранс. – Я смотрю ему в глаза. – Ваше деловое мастерство поражает. Грегори нам многое о вас рассказал, но этот замечательный клуб говорит нам больше. Вы очень хорошо знаете свое дело.

Терранс расслабляется, и его охрана расслабляется вместе с ним.

- Да. Спасибо. Всегда приятно получить небольшое, но заслуженное признание.

- Поэтому я знаю, что такой умелый бизнесмен, как вы, настроен на получение активов, а не на их потерю.

Терранс сужает глаза.

- Продолжай.

- Кое-какие люди внезапно заинтересовались твоими парнями.

Его глаза вспыхивают, руки сжимается в кулаки, но голос остается невозмутимым и ровным. Настоящий профессионал.

- Правда? И о насколько серьезных людях мы говорим?

Я улыбаюсь.

- Мне так жаль, Терранс. Но без имен, это все, что я могу вам сказать.

Слышу, как в его голове закрутились шестеренки. Я намекнул ему, что правоохранительные органы заинтересовались его поставщиками МДМА. Эти поставщики продают ему товар по низкой цене, а с процветающими студенческими вечеринками прямо здесь, в его клубе, прибыль, несомненно, огромная. Он тщательно взвешивает потенциальную потерю этих парней, а также убытки, и последствия, которые затронут его, когда вышеупомянутые парни будут задержаны властями. Но, не зная точно, что за власти, он не хочет давать нам имена, ведь тогда он потеряет свои скидки. Если это всего лишь местная полиция, он сможет безнаказанно ее подкупить. Но если это менее коррупционное управление по борьбе с наркотиками - или еще выше, - то он потеряет все, не только скидки.

- Билл, - бросает наконец Терранс. - По-моему, одного из них зовут Билл... или Уилл, как-то так. У него еще сложная фамилия, К-как-то-там. Каравэй? Карлсбэд?

- Кавана? - предполагаю я, изображая невежество.

- Точно, Кавано, - подтверждает Терранс. - Теперь вы скажите мне, кто за ними следит, и тогда я дам вам другое имя.

- Откуда нам знать, что вы не расскажете им и они не скроются? - огрызается Чарли. Терранс улыбается ему как ребенку.

- Ох, я бы об этом не беспокоился. Я не имею дел с проблемными ребятами. Понимаете ли, ради собственной безопасности мы обрываем все связи с теми, кого выслеживают.

Терранс вновь переводит взгляд на меня, и я, наклонившись, понижаю голос для лжи, которая с легкостью слетает с моих губ:

- Управление по борьбе с наркотиками. Оперативники по борьбе с компьютерной преступностью. Ваши парни - верхушка айсберга огромной группировки на черном рынке интернета. Проще говоря, хакеры.

Терранс кивает, положив пальцы на губы.

- Хакерство - это не мое, да и вообще интернет - это не мое. Я предпочитаю руководить традиционным бизнесом.

- Поэтому вам лучше вычеркнуть их, - говорю я. - Это гораздо серьезнее, чем клубные наркотики. Речь идет об метамфетамине. Торговле людьми.

Терранс резко втягивает воздух сквозь зубы.

- Проклятье. Я думал, что нашел прямой выход через этих двоих. Но они всегда немного более

бесчестны, чем вам бы хотелось, не так ли? Я не собираюсь в это влезать. У вас есть второе имя: Кайл Моррис. Легче запомнить, чем первое. Теперь, если вы меня извините, мне нужно сделать пару звонков.

Мы встаем, и он пожимает мне руку, прежде чем нас оперативно провожают из зала. Музыка снова гремит, запахи пота и приторного парфюма практически атакуют меня. Чарли следует за мной к выходу и начинает задавать вопросы только тогда, когда мы оказываемся на улице.

- Почему ты соврал? Мы не связаны с управлением по борьбе с наркотиками, и оно уж точно не следит за нами.

- Мы никто, - говорю я. - Мы на контракте с выгодой для третьей стороны. Ты действительно думаешь, что, если бы я сказал ему правду - что мы вступили в переговоры с ЦРУ, он бы воспринял нас всерьез? Посмотри на нас. В его глазах мы тинейджеры. ЦРУ не заключает контракты с тинейджерами и не доверяет им вести дела, а управление делает это постоянно. Особенно в кампусах.

Чарли гримасничает, но не спорит.

- Думаю, Грегори правильно сделал, что запустил тебя в это дерьмо. Ты в этом шаршиш.

В его устах это настолько близко к комплименту, но я едва его слышу. Мои глаза прикованы к клубу, возле которого страстно целуются два студента. У парня темные волосы и огромные руки, которые скользят под красную кофту девушки, кофту, которую я очень хорошо знаю с определенного дня в определенной школе, после определенных развешанных везде фотографий. Ее макияж ярче и смелее, чем обычно, и она выглядит такой худой, такой маленькой в его огромных руках. Ее волосы растрепаны. Страсть в их поцелуе такая пылкая, такая осязаемая. Монстр во мне начинает рычать, кровь закипает, бешено мчась по венам, и я теряю контроль над своим телом.

- Ты! - кричит Чарли. Парень отстраняется, и Айсис Блейк поднимает удивленный взгляд.

Я дергаю за собственную цепь, загоняя себя внутрь, чтобы не взорваться снаружи. В отчаянной попытке восстановить контроль молниеносно вспоминаю каждый урок Грегори, его советы, шаги, методы. Она целует другого... но я вне юрисдикции. У меня нет права. Я сломал ее и покинул, она свободна целовать кого захочет. Влюбиться в кого захочет, когда захочет. У меня нет права. *У меня нет права.* Она не моя, и у меня нет права, я отказался от своего шанса. Он лучше меня, он хорошо к ней относится, ему следует хорошо к ней относиться, иначе я вырву его горло...

Айсис улыбается, скидывая руку.

- Привет, Крошки-яички. Как дела?

Чарли взъерепенивается.

- Крошки что? Да пошла ты, сука!

Я было набрасываюсь на него, но темноволосый парень делает это за меня, и попадает Чарли по лицу. Его тень возвышается над нами обоими, а зеленые глаза горят яростью.

- Что ты сказал?

Пока Чарли не успел нанести ответный удар, я встаю между ними и внимательно гляжу в глаза темноволосого. Он ростом с меня, но его плечи гораздо шире, а его сущность излучает силу и мощь. Качок. Поразительно, не думал, что она переключится на спортсменов. Хотя все, что я слышал про нее в кампусе, было для нее нехарактерно.

- Прощу прощения, - говорю я холодно, - за поведение своего друга. Он не всегда умеет сдерживаться.

Осмеливаюсь посмотреть на Айсис через плечо парня, и наши глаза встречаются, причиняя мне адскую боль, пока она первой не отводит взгляд. От мысли, что она целовала его - целовала кого-либо, помимо меня - с истинным желанием меня тошнить. Но я это сглатываю. Я не имею права на эти чувства.

- Киран, - произносит Айсис, - все в порядке! Правда. Я их знаю. Он просто пошутил.

Дыхание Кирана выравнивается, однако, отступая, он не сводит с меня глаз.

- Хорошо. Но если он скажет это снова...

- Не скажет, - перебиваю я. Чарли открывает рот, чтобы возразить, но я посылаю ему убийственный взгляд, и он замолкает. Вновь поворачиваюсь к Кирану и Айсис. - Мы уходим. Простите, что прервали ваш вечер.

Впервые за много недель мы так близко друг к другу. Ее впалые щеки землистого цвета, хотя она пыталась скрыть это румянами. Темные круги под глазами настолько очевидны, что на них больно смотреть. И все же, несмотря на всю эту боль, она красивая, красивее всех девушек, которых я когда-либо видел. Красный шелк, густо подведенные кошачьи глаза цвета корицы... Намеренное притупление чувств, которое я практиковал, чтобы выдержать Бриттани, распадается, осыпаясь, в то время как каждый мой мускул молит обнять ее, погладить по растрепанным волосам, поцеловать морщинку между бровями и каждый ушиб.

Чарли разрушает момент, громко чертыхаясь по дороге к машине. Я кладу руку на плечо Кирана и, понизив голос, чтобы слышно было только ему, произношу:

- Пожалуйста, будь с ней ласков. Относись к ней хорошо. Она очень особенная девушка.

- Для тебя? - бормочет Киран.

Да. Для меня.

- Для всех, - отвечаю я вместо этого. - Она очень много значит для массы людей. Мы все хотим видеть ее счастливой.

Киран молчит. Обнимая себя, Айсис нервно переступает с ноги на ногу позади него.

- Ты тот парень, да? - наконец спрашивает Киран.

- Что?

- Тот, о котором она говорит. - Киран втягивает воздух. - Черт, чувак, ты знаешь, насколько она сломлена? Насколько ты ее сломал?

Сквозь вину, которую вызвали его слова, я замечаю *это*. Подхожу к Айсис и дотрагиваюсь до ее левого запястья.

- Что случилось с твоей рукой?

Айсис вздрагивает, глядя куда угодно, только не мне в лицо.

- Ничего.

- Ничего? Айсис, здесь кровь... - Осторожно оттягиваю запятнанный кровью рукав и обнаруживаю глубокие следы от зубов. Дьявол. - Кто это с тобой сделал?

- Никто! - хнычет она. - Я сделала это... наверное? Я не знаю... мне не больно. Я не знала, что это плохо...

- Посмотри на меня, - прошу я. Она отворачивается, но я говорю настойчивее: - Айсис, посмотри на меня.

Она медленно поворачивается и смотрит на меня покорными глазами - они так непохожи на ее глаза, что я едва их узнаю. Но я узнаю симптомы: расширенные зрачки, сильное потоотделение, учащенное дыхание. Оборачиваюсь к Кирану.

- Что ты ей дал?

- Что? - Киран выставляет руки перед собой. - Подожди...

- Говори, - я шагаю к нему, и Киран, который на добрых семьдесят фунтов тяжелее меня, вдруг начинает нервничать, - живо.

- Ничего! Черт, *ничего!* Ливи дала нам несколько таблеток экстази! Это все, клянусь.

- И ты тоже принял? - кричу я. - Ты позволил ей принять и принял сам? Что ты за идиот? А если бы ее реакция была хуже? Как бы ты ей помог, если и сам обдолбанный?

- Она в порядке! - орет он в ответ. - У нас все было хорошо, пока вы не появились!

- В порядке? - рычу я. - Посмотри на ее руку! *Посмотри!* - Киран вздрагивает. - Она укусила себя, придурок! Она далеко не в порядке, но ты проигнорировал это, чтобы засунуть свой гребанный язык ей в рот!

Глаза Кирана вспыхивают, и я вижу, как его мышцы сокращаются и в меня летит кулак. Движения после тренировок Грегори почти автоматические: я отступаю в сторону и, подставив ему подножку, опрокидываю его назад. Он с силой падает на тротуар и, кряхтя, переворачивается.

- Хватит! - Раздается крик Айсис. Я поворачиваюсь и смотрю на нее. Ее свирепый взгляд - словно костер в самый холодный зимний день. - Он ничего не «позволял» мне принимать. Это чисто мое решение. Поэтому отвали от него.

Успокаиваю свое тяжелое дыхание. Киран сердито смотрит с тротуара, обхватив пальцами нос, однако сейчас его взгляд сдержанный, пристыженный. Глазами бросаю ему вызов, но он просто садится и выругивается. Поворачиваюсь обратно к Айсис.

- Нужно осмотреть рану. Пойдем, у меня в машине есть аптечка...

- Я никуда с тобой не пойду, - говорит она спокойно. - Сама справлюсь.

- Айсис... ты ранена. Ты должна...

- Только не притворяйся, что ты за меня переживаешь. - Она нервно хихикает.

- Я не притворяюсь. Я действительно за тебя переживаю.

- Ну, тогда завязывай с этим на хрен, ладно?! Я не твоя девушка. Я даже больше не твой друг. Ты не должен тратить на меня свои силы. Я никто для тебя... - Вздрогнув, она обнимает себя и громко смеется. - Никто.

«Ты солнце, - хочу сказать я. - Ты все для меня. Единственный свет, который по-настоящему проник через мою броню. Ты мое счастье, моя искра, единственная девушка, которая не сбежала, не испугалась, которая видела сквозь мой фасад. Я никогда не встречу другой такой, никогда не захочу никого другого так, как хочу тебя. Я тебя не заслуживаю».

Но выходит лишь самоцензурная тишина. Киран встает и обнимает ее за плечи.

- Нам пора, - бормочет он.

Айсис не смеет взглянуть на меня, когда они, возвращаясь в клуб, проходят мимо и поворачивают за угол. Ее запах на короткую секунду охватывает меня, и я с дрожью в руках пытаюсь удержать его как можно дольше, когда очевидная, неуловимая правда бьет ключом во мне, мимо стен лжи, которые я построил вокруг нее (*ты недостаточно хорош для нее, она никогда тебя по-настоящему не хотела*), мимо отговорок, которые я использую для отказа себе в счастье (*ты ранишь ее, ты уже ее ранил, ты всегда только причиняешь ей боль*), мимо моей ненависти к себе (*ты должен был умереть вместо нее*). Понимание ярко вспыхивает и безмятежно взрывается, снося все прочь и оставляя единственную правду.

- Я люблю тебя, - шепчу я пустой обочине.

- 10 -

3 года

51 неделя

6 дней

Иветту не впечатляет моя новая диета.

- Ты ешь... чипсы с мороженым? - спрашивает она.

- Мой разум силен, но плоть слаба, - бормочу я с ложкой во рту.

- Ну, по крайней мере, ты хоть *что-то* ешь. - Она всплескивает руками. - Что случилось с Айсис, которая одна могла умять огромную пиццу?

- Ей надоело, - отвечаю я, повергая Иветту в шок. - Еда! Не пицца. Боже, нет. Пицца может надоест только злым по своей сути людям. Или итальянцам.

- Как боевая рана? - Иветта плюхается на свою кровать. Я поднимаю рукав и, осмотрев

окровавленные бинты на своем предплечье, пожимаю плечами.

- Медсестра прописала мне отвратительные антибиотики, плюс, я должна ходить на перевязку каждые два дня, но пока это похоже на прогулку в парке. Если учесть, что вышеупомянутый парк усеян заразными зомби и минами. Ничего, Кирану досталось сильнее, вывихнутые носы болят просто адски.

- Да, но процесс заживления быстрее. Вправил, и все. Больно всего секунду.

- Серьезно? Откуда ты знаешь?

- Я как-то ввязалась в драку, - произносит она с гордостью, - на концерте.

- Чьем концерте?

- Какая разница? Ты не улавливаешь суть, подсказать? Однажды мне тоже вывихнули нос. - Я пристально смотрю на нее до тех пор, пока она не сдастся и, протонав, не бормочет: - Тейлор Свифт.

- Ты ходила на концерт Тейлор Свифт?! - визжу я.

- Я водила туда свою младшую сестру!!! - защищаясь, выкрикивает она.

- Почему здесь шумно как в клетке с птицами? - Входя в комнату, морщится Диана.

- Ди, она надо мной насмехается, - жалуется Иветта, и я вежливо показываю ей средний палец.

Диана фыркает.

- Если бы ты согласилась встретиться в пиццерии, *как я просила*, то не была бы здесь предметом насмешек.

Иветта стонет и, скатившись со своего королевского ложа, начинает копаться в шкафу в поисках куртки. Улыбаясь, Диана присаживается на кровать рядом со мной.

- Привет, солнышко.

- Не смотри на меня, я ужасна, - шепчу, закидывая еще пропитанных мороженым чипсов в рот. Она смеется и разглаживает свою пушистую кофточку, которая делает ее и без того пышный бюст еще больше.

- А что ты делаешь в этот прекрасный пятничный вечер?

- Ем. Сплю. Приношу в жертву козу Мантороку, Богу трупов.

Она переводит взгляд на кучу упаковок с фальшивой кровью на моем столе и выгибает бровь.

- Ну конееечно.

- Это для эксперимента по социологии! - защищаюсь я. - Его название: «Посмотрим, сколько людей убежит от меня, когда я обрызгаю их фальшивой кровью». Прогноз: Много.

- Хорошо, но... постарайся не травмироваться, ладно? Для тебя это что-то новенькое, и мне бы

хотелось, чтобы это больше никогда не повторилось.

- Нам. Нам бы хотелось, - вставляет Иветта, дефилируя в своей армейской куртке, и мы с Дианой аплодируем. А спустя мгновение девчонки скрываются за дверью под крики Иветты о пепперони и халапеньо. Мой желудок протестующе урчит, и я откладываю миску с мороженым в сторону. Беру лэптоп и, зайдя в скайп, нахожу фото Кайлы, но ее нет в сети - небольшая серая точка словно насмехается надо мною.

Приятно, что Диана за меня переживает. Мы знакомы всего несколько месяцев, но они с Иветтой относятся ко мне так, будто мы дружим уже целую вечность. Обычно мне от этого становится лучше, но не сейчас. Сейчас от этого только хуже. Из-за этого я еще больше скучаю по Кайле. Я не рассказала ей о том, что произошло той ночью у «Черного хода», и часть меня этого делать не хочет. Часть меня не решается выложить ей все, как всегда. Что бы она подумала о том, что я приняла экстази? Я не рассказала об этом ни Диане, ни Иветте. Я никому не рассказала. Разочаровалась бы во мне Кайла? Возненавидела бы? Лично я после этого в себе разочаровалась. К тому же ее не обрадовала бы новость о Джеке и о том, что теперь мы практически чужие друг другу. И уж точно ей бы не понравились мои рассказы о поцелуях с каждым смазливый чуваком на студенческих вечеринках. Она бы меня не поняла. Я бы просто ее разочаровала. Моя жизнь не так увлекательна и романтична, как ее.

И вот опять. Ревность. Заглатываю ее целиком и пытаюсь превратить в то, чем она и является - в дерьмо.

Встаю и, потянувшись, мимолетно скольжу по повязке на руке. Джек касался меня там. Глупо, конечно, об этом думать, но иногда, когда рядом никого нет, я прикасаюсь к этому же месту и желаю, чтобы все было по-другому. Но сегодня вечер не для жалости к себе. Надеваю шорты и широкую футболку, доверху набиваю рюкзак упаковками с фальшивой кровью, жвачками, пинцетом и кредитной картой.

Сегодня вечер для мести.

Конечно, когда я прохожу по кампусу, омытому лучами заходящего солнца, с гуляющими вокруг счастливыми, обнимающимися и возбужденными парочками и разодетыми девушками, спешащими на вечеринки, у меня происходит крохотное прозрение: вероятно, мне не следует этого делать. Но я сразу же отгоняю от себя этот бред - *разумеется*, я должна это сделать. Совершать, возможно, незаконные действия (вроде проникновения в кабинет профессора Саммерса и передачи ему послания), из-за которых меня могут отчислить, в миллион раз веселее, чем сидеть на еще одной студенческой вечеринке в ожидании смерти/поддерживая свою репутацию шлюхи. Люди пьются на меня. Ерунда, они всегда это делают. Улыбаемся и машем.

Я провела собственное независимое расследование относительно профессора Саммерса - порасспрашивав о нем на вечеринках, мне не составило труда найти девушек, которых он домогался. Говнюк делал это по-тихому: ронял отражающие ручки, подходил к девчонкам сзади после занятий, прижимал их к доске, просил подойти в субботу, а там уже предлагал «5» за «работу руками». Он стопроцентный подонок. А знаете, что самое ужасное? Саммерс не похож на подонка. Он выглядит достаточно мило: мышинного цвета волосы, редкая бородка, голубые глаза. Но плохие люди редко выглядят таковыми. Я узнала это от Эйвери.

Кабинет профессора Саммерса находится в здании Фаулера, что столь же иронично, как и очутиться пятничной ночью в кампусе университета Мидвестерн. Корпус закрывается в семь, но мне удастся проникнуть туда в шесть пятьдесят и спрятаться в туалете. Уборщица приходит

проверить кабинки и, обнаружив меня, просит уйти, я издаю стон и опустошаю упаковку с кровью в унитаз. Это создает необходимый булькающий звук, тогда женщина вздыхает и говорит, чтобы я ушла, когда закончу.

Едва она со своей тележкой для уборки удаляется по коридору, я победоносно шиплю. Затем, прежде чем на цыпочках покинуть туалет, собираю все свои вещички и смываю улики. Прохожу мимо кабинета Фергюсона, Вакруа, поворачиваю за угол и...

Раздается звонок моего сотового, пугая меня до усрачки.

- Ты напугал меня до усрачки! - выпаливаю я, подняв трубку.

- Ты где? - спрашивает Киран на другом конце линии под отчетливый глухой гул басов на заднем фоне. - Ты сказала, что придешь сегодня в «Ро Альфа Альфа», но я не могу тебя найти.

- В настоящее время я дико занята в другом месте. Никаких колец. И девичника.

Киран молчит, а затем, понизив голос, отвечает:

- Айсис, ты же не делаешь то, что я думаю.

- Конечно нет, не волнуйся! - щебечу я.

Он стонет.

- Делаешь. Определенно. Тебя арестуют и отчислят. Просто забудь о Саммерсе и приходи на вечеринку!

Я проверяю время на телефоне.

- О боже, неужели уже столько времени?! Время заткнуться?! Мне пора, прощай, сладенький атлетичный принц.

- Айсис!..

Кладу трубку и скольжу по коридору с грацией подвыпившей рогатой гремучей змеи. Кабинет Саммерса последний справа, приседаю на корточки и сразу же начинаю оценивать своего врага. Спустя три минуты напряженного ковыряния в замке я понимаю, что эти замки гораздо, *гораздо* прочнее, чем все те, с которыми мне приходилось иметь дело в старшей школе. Мне ни за что не попасть внутрь!

В этот момент у большинства людей в голове бы высветилась гигантская надпись «ИГРА ОКОНЧЕНА».

Но, к счастью, Айсис Блейк не из большинства!

Достаю из сумки упаковки с кровью и начинаю украшать. Когда я уже практически заканчиваю, уборщица заходит в туалет, где я пряталась, чтобы проверить, ушла ли я. Мое сердце подпрыгивает к горлу, и я как можно быстрее вывожу последние буквы. Ее шаги раздаются по коридору, и едва я успеваю запихнуть все в свой рюкзак и спрятаться, как она поворачивает за угол.

Прищурившись, женщина обводит взглядом коридор, очевидно, у нее плохое зрение, и оттуда,

где она стоит, ей не разглядеть стену, которую я испортила. Вздохнув, она разворачивается и плетется обратно, я же жму по газам и, обогнав ее, добираюсь до входной двери. Мгновение спустя прохладный сумеречный воздух омывает мое победоносное лицо.

Если она заметит мой шедевр, то избавится от него, и тогда все мои славные приключения полетят коту под хвост. Но если она не заметит, то завтра...

подавляю смехок. Что ж, теперь я окончательно восстановила свой статус самой лучшей в мире. Кайф настолько знакомый, настолько всепоглощающий, что все мои мысли только об этом. Только о победе, только об избежании ареста, только о возмездии, которое получит мерзкий извращенец Саммерс, если кто-то, помимо него, увидит, что я сделала. Возможно, это ничего не докажет, и может быть, до конца никого не убедит, зато наверняка породит сомнения в их умах, а сомнения – очень опасная вещь.

Сегодня мне не нужны никакие вечеринки, чтобы спастись от зияющей пропасти глухой боли. Сегодня я под кайфом от собственного сорта наркотика – чистого ребячества, глупости и безрассудства. Смываю фальшивую кровь с рук и, смеясь себе под нос, направляюсь в медпункт на перевязку.

Я сумасшедшая и становлюсь еще безумнее...

И я не знаю, как это остановить.

Не знаю, как остановить ужасную тьму, которая поглощает меня заживо, и никто в мире мне не поможет.

Я одна.

Сегодня мне не нужны никакие вечеринки, однако я все равно иду в «Ро Альфа Альфа», потому что это уже стало привычкой. Потому что теперь я тусовщица, я всегда была ей. Я была ей *раньше*. Когда-то давно я была глупенькой четырнадцатилетней девчонкой, которая в отчаянной попытке выглядеть круто пила, курила и даже позволяла себя высмеивать. Тогда я бы сделала что угодно, лишь бы выглядеть круто, ведь когда ты огромная, люди видят только это и забывают, что ты человек, у которого есть чувства. Но если ты огромная и отрываешься на вечеринках, то становишься немного круче, если позволяешь насмеяться над тем, какая ты крупная (кит, жиртрест, свинка), это делает тебя немного круче. Немного круче невидимки.

Разглядываю лица на вечеринке: привлекательные, тощие, загорелые, с блестящим макияжем... Будь я прежней, эти люди первыми бы обозвали меня жиртресткой. Но *сейчас* они улыбаются мне, *сейчас* Хизер, Ливи и Тесса улыбаются мне, но, будь я прежней, их отношение ко мне было бы совсем иным. Я не нравлюсь им за то, кто я есть. Они не Кайла и не Рен, но я снова и снова пытаюсь заполнить ими опустевшие места и ненавижу себя, ненавижу то, что Кайла и Рен оставили меня...

Ненавижу. Ненавижу здесь каждого, да я даже их не знаю.

Держа в руке колу с ромом, ко мне подходит Киран. Его недовольство мною очевидно, но я игнорирую это и, улыбаясь, принимаю стакан с умелым изяществом алкоголички маркизы.

- Не смотри на меня так, Кир. Знаешь, скольким недопрофессорам, подобным ему, сходит с рук такое дерьмо? В смысле, он бы все равно получил по заслугам. Я просто немного это ускорила.

- Ты положила кирпич на педаль газа, – исправляет он.

- Я положила кирпич на педаль газа, - радостно соглашаюсь я и делаю глоток колы с ромом. - Боже, благослови Америку.

Киран дожидается, когда музыка станет потише, и говорит:

- Раньше моя сестра выкидывала сумасшедшие трюки, как ты.

- Раньше?

- Теперь она в психбольнице.

- Ужасное место. Мне очень жаль. Ты должен помочь ей сбежать.

Он пристально смотрит на меня, и я пожимаю плечами.

- Что ж, если ты ей не поможешь, это сделаю я.

- Ты не обязана спасать всех, Айсис.

Его слова сбивают меня с толку.

- Я никого не спасаю, - осторожно говорю я.

Киран качает головой.

- Ты пытаешься. Пытаешься остановить всю несправедливость и спасти от нее людей. Но ты никогда не пытаешься спасти себя. - Я молчу. Киран скользит ладонью по моей руке и сжимает мои пальцы. - Чего ты ждешь?

Я опускаю взгляд на наши соединенные руки и шепчу:

- Чтобы это сделал кто-то другой, наверное.

Киран наклоняется и целует меня, на вкус он как текила, лайм и соль, и на мгновение его губы превращаются в губы Джека, а дом сестринства в дом Эйвери, где меньше блеска, каблуков и опыта, но столь же много выпивки и сквернословия. Семнадцать не так уж и отличается от восемнадцати. Поцелуй отгоняет тьму, устремляя ее обратно под камни, но потом я поднимаю веки и вижу зеленые глаза Кирана... Отстраняюсь. Я должна ему рассказать. Я не могу продолжать его использовать, и все же использую, ведь лучше быть с ним, чем одной. Трусиха! Он в недоумении смотрит на меня, но прежде, чем кто-то из нас успеваеет нарушить неловкое молчание, подбегает Хизер и хватает меня за руку.

- Вот ты где! Я еле тебя нашла! Пойдем, я хочу тебе кое-что показать.

Последний раз взглянув на Кирана, я следую за ней. Она с впечатляющей силой тянет меня вверх по лестнице к одной из комнат.

- Э-э, - красноречиво излагаю я, - что там?

- Ничего, ты просто должна подождать там, пока я это не принесу. - Она икает. - Обещаю, тебе понравится!

- Это же не наркотики, верно? Потому что, честно говоря, я с ними завязала.

Она надувает губки.

- Пфф, нет! Как будто у меня есть наркотики. Просто зайди! Я скоро вернусь и все покажу.

Мое любопытство сражается с настороженностью целых полсекунды, а потом я захожу внутрь.

Улыбаясь, на кровати сидит Безымянный.

Возвращаюсь к двери, но она закрывается прямо перед моим носом, щелкнув с характерным звуком наружного замка. Я отчаянно дергаю за ручку.

- Нет, - шепчу я. - Нет, нет, нет, нет, *нет*. Хизер! Хизер, выпусти меня!

Нет ответа, слышен лишь удаляющийся смех. Я бью по двери кулаком.

- ХИЗЕР! ТВОЮ МАТЬ, ВЫПУСТИ МЕНЯ!

- Расслабься, - посмеивается Безымянный, - я не собираюсь ничего делать.

Мои глаза дико мечутся по комнате, замечая пилочку для ногтей на комодке и, схватив ее, сжимаю в руке как нож. Это смешит его еще больше.

- Ах ты маленькая глупенькая девочка. Я и забыл, какая ты смешная.

Я усиливаю хватку на пилочке и изо всех сил вжимаюсь в дверь. В голове мелькает мысль: надо выключить свет, чтобы дезориентировать его, но потом я замечая, что на прикроватной тумбочке рядом с ним стоит включенная лампа.

- Что тебе нужно? - выплевываю я.

Безымянный задумчиво смотрит на меня, а затем хлопает в ладоши, медленно мне аплодируя. Каждый хлопок - пуля, пронзающая сосуд с истерическим напряжением в моей груди.

- Мои поздравления, ты выбрала очень опасного человека себе во враги.

Я прищуриваюсь.

- Джека?

- Джека, - подтверждает он. - Уверен, около пяти месяцев назад ты получила мое электронное письмо с фотографией его руки с бейсбольной битой. Я сделал ее с видео, знаешь ли.

- Знаю.

- Правда? - Он выгибает бровь.

- Я знаю, что ты украл это видео у федералов.

Он смеется.

- Украл? Не будь душой. Даже я не смогу взломать федеральную базу данных. Федералы сами мне его дали. Ну, не мне, а одним моим друзьям. Видишь ли, мы работаем вместе в качестве внештатных киберконсультантов. Федералы связались с нами и отдали видео. Хотели, чтобы мы улучшили качество записи насколько это возможно. Хотели узнать, что конкретно там

произошло.

Я с трудом сглатываю. Безымянный улыбается.

- И мы это сделали. Но мы так и не отдали его обратно. Пока, по крайней мере. Я хотел, чтобы во всей улучшенной красе ты увидела его первой.

- Почему?

- Я хочу, чтобы ты поняла, с кем именно имела дело, - вкрадчиво отвечает Безымянный. - Джек не хороший парень. Хорошо, что вы больше не общаетесь, иначе он бы причинил тебе боль.

Тошнотворный, темный огонь вспыхивает в моих легких. Он причинил мне боль. Не Джек. Безымянный ухмыляется в ответ моему бессильному молчанию, а затем бросает мне планшет с уже открытым видео. Мой палец застывает над кликом воспроизведения в центре.

- Ну же, - подталкивает Безымянный, улыбаясь еще шире.

После стольких месяцев бессонных размышлений, раздражающих намеков и полуправды вся история находится под моим указательным пальцем.

И я нажимаю «воспроизвести».

- - -

Несколько секунд темноты, а дальше шелест листьев. В нижнем углу дата 8/15/2007 и время 21:45:01. Быстро подсчитываю - Джеку было тринадцать.

- Сними эту гребаную крышку! - Голос принадлежит Эйвери. - Боже, будучи таким огромным ботаником, ты полный идиот.

Раздается приглушенный ропот, и я мгновенно понимаю, к кому он принадлежит. Рену, юному Рену с более высоким голосом, но, безусловно, Рену. Крышка камеры снимается, открывая взору покрытую листьями землю и высокие деревья, которые мне уже так хорошо знакомы. Эйвери, юная Эйвери, у которой еще не сформировались соблазнительные изгибы, в топике, белых шортах-юбке и сандалиях, как всегда, выглядит надменно и дерзко.

- Держи вот так, - инструктирует она, выхватив камеру и направив ее на Рена. Он такой худой и низкий, со щек еще не спала детская припухлость. Очки на нем настолько огромные, что практически поглощают все его напуганное, невинное лицо, а массивные часы раза в два больше его крошечного запястья. Одет он в шорты и полосатую рубашку, которую, очевидно, выбрала для него его мама.

- Думаю, это плохая идея, - шепчет он. Эйвери фокусирует объектив на его лице.

- Если ты струсил, то я всей школе расскажу, что твоя мать изменяет отцу. Так что в твоих же интересах остаться здесь и снимать.

Рен еще больше бледнеет. Появляется картинка заката: солнце низко опускается за деревья. Вновь лицо Рена, а затем экран гаснет. Запись продолжается уже в 22:07:15. Стало гораздо темнее, а солнце давно зашло.

- Вот дерьмо. Почему они так долго? - ругается Эйвери.

- А у этой штуки есть... подсветка? - робко спрашивает Рен. На экране едва можно различить, что Эйвери закатывает глаза.

- Ага, ведь мы собираемся тайно снимать с яркой подсветкой.

- Тогда как...

Щелчок, и камера переходит в режим ночного видения, все вокруг становится зеленым с оттенками черного и серого. Эйвери возвращает камеру Рену, и ее белые зрачки устрашающе светятся в кадре.

- Просто сфокусируйся на ней, хорошо?

Камера дрожит вместе с рукой Рена.

- Эйвери, я не хочу. Я больше не хочу этого делать...

- Ш-ш-ш, - шикает Эйвери, ложась на землю и таща его вниз за собой. - Вот она. Просто снимай.

У меня перехватывает дыхание. Рен фокусируется на едва заметной фигуре, пробирающейся через деревья.

София.

Тринадцатилетняя София.

Идет с фонариком в руке. Ее волосы цвета зимнего лунного света короткие. Сама она худенькая, но гораздо полнее, чем когда я ее знала. Все женские изгибы уже заметны. Щеки выглядят здоровыми и пухленькими. На ней свободный цветочный сарафан. Лицо наполнено жизнью, а идет она чуть ли не вприпрыжку. Вприпрыжку! Ни разу не видела, чтобы София передвигалась так быстро.

- Джек? Джек, где ты? Ну же, ты меня пугаешь, - оглядываясь, зовет она.

- Д-Джека на самом деле здесь нет, верно? - шепчет Рен.

- Конечно же нет, идиот, - глумится Эйвери. - Я просто подделала записку от него и подкинула ей в сумку. Они тааак влюблены, что она поверит во что угодно.

Камера фокусируется на Софии, которая теперь выглядит дико напуганной. Так жутко и душераздирающе видеть ее живой на пленке... видеть ее счастливой. Совершенно другой.

Луч от ее фонаря мечется вокруг, приземляясь на кустах, в которых прячутся Эйвери с Реном, они пригибаются ниже, и луч скользит мимо. Медленно повернувшись, София замирает... а потом пятится назад.

- К-кто вы?

Фонарь освещает бородатого мужчину средних лет... с безжалостной ухмылкой на лице. На нем комбинезон, из кармана которого торчит промасленная тряпка.

- Они ведь просто ее напугают, верно? - отчаянно шепчет Рен. Эйвери ничего не отвечает, ее внимание приковано к Софии. - Верно, Эйв? - допытывается Рен.

Не получив ответа, он поворачивает камеру обратно к Софии, его рука дрожит еще сильнее, и камера трясется вместе с ней. Из-за деревьев выходит еще один мужчина, и еще один... И вот их уже пять. У одного из них бейсбольная бита, а у другого что-то похожее на лом. Тот, который в комбинезоне, что-то вполголоса говорит Софии, пока она с перекошенным от ужаса лицом отступает к деревьям. Можно слышать только высокий, испуганный голос Софии.

- Оставьте меня в покое! Мои друзья в доме! Если я закричу, они вызовут копов!

Ее слова вызывают у него лишь смех, который подхватывают остальные, напоминая гогочущих гиен. Она настолько незащищена, что меня трясет от желания дотянуться до нее сквозь экран и затащить к себе, в безопасность.

- Эйв, - негодует Рен, - отзови их!

Улыбка Эйвери становится только шире.

- Рано. Они еще не напугали ее как следует.

- Они собираются... они ведь не тронут ее, верно?

Эйвери бросает на него сердитый взгляд.

- Нет. Я приказала им просто... просто напугать ее до чертиков. Но они ее не тронут. Я запретила.

Рен поворачивается обратно к мужчинам, которые теперь вплотную окружили Софию. Она пытается убежать, но один из них ловит ее и швыряет на землю, в центр их круга. Все пятеро вновь начинают дико ржать.

- Оставьте ее в покое!

Этот голос молодой, сильный, злой. Я никогда не слышала его таким, но я точно знаю, кому он принадлежит. Гордый темно-русый Джек переключает все внимание мужчин на себя. Его голубые глаза вовсе не ледяные, они горят бело-голубым пламенем. Он высокий, крепкий, хоть и долговязый, а еще не спавшая со щек детская припухлость является единственным свидетельством его истинного возраста. И конечно же, он все так же невыносимо красив. Но он не Ледяной Принц, которого я сейчас знаю, Джек не контролирует свои эмоции, они все четко выражаются в каждой напряженной мышце и сжатых кулаках. Он лев. Маленький король. Злой, праведный, преданный.

Двое мужчин направляются к Джеку, но он от них уклоняется и мчится к Софии. Третий мужчина набрасывается на Джека и заваливается вместе с ним на землю, создавая при этом небольшое облако из сосновых иголок и пыли.

- Джек! - кричит София. Джек ругается, отбивается и дерется как дикий зверь, но на выручку своему соратнику подлетают еще двое мужчин и, заломив руки Джека за спину, вынуждают его встать на колени.

Сквозь деревья клубится мягкий туман. Остальные мужчины поворачиваются к Софии,

которая, рыдая, сворачивается у ствола дерева, словно оно хоть как-то сможет ее защитить.

- Не трогайте ее! - вопит Джек, и этот пронзительный крик разрывает мое сердце в клочья. - Вы гребаные ублюдки, выберете кого-то, кто сможет дать отпор! Нет! Нет, София! София, беги!

- Н-нет. - Раздается четкий голос Эйвери, но Рен никак не реагирует, он кажется парализованным, все его внимание сосредоточенно на Софии и Джеке. - Нет, мы так не договаривались. Уходите. Просто уходите.

Однако ее команды летят в пустоту. Мужчины продолжают приближаться к Софии, и та закрывает голову руками.

- Помогите мне, Джек, - сквозь слезы молит она.

Некоторые мужчины шатаются - очевидно, пьяные, - когда направляются к своей цели, а достигнув, начинают стягивать с Софии платье. Я глотаю желчь. Джек моментально реагирует - удерживающий его мужчина вскрикивает и падает. Вскочив, Джек хватает алюминиевую бейсбольную битку, которая выпала у мужчины из рук, и замахивается ею на мужчину, снова, снова и снова. Эйвери матерится, и даже оцепеневший Рен вздрагивает. Двое мужчин бросаются на Джека, но тот ускользает от их мясистых рук и нацеливается на их головы... Сквозь деревья раздается глухой, тошнотворный, сильный удар, когда металл встречается с костью. Четвертый мужчина что-то нашаривает в своей куртке - вероятно, пистолет, но Джек быстро прячется за первого мужчину, который с трудом поднимается с земли, и пуля врежется тому в плечо, вновь пригвозждая его к земле. Джек использует момент, чтобы атаковать, и бьет битой по шее стрелка. Тот, уронив пистолет в листву, падает наземь, словно тряпичная кукла.

Все это время Джек безумно улыбается, его рот и лицо забрызганы кровью.

Пятый мужчина, тот, который прижал Софию к дереву, лихорадочно пытается натянуть штаны. Джек ударяет его битой в бок, тот падает и пытается найти в листьях пистолет. Но Джек замахивается вновь. Раздается крик Софии. Что-то трещит, и это не бита... Мужчина поднимает руку, и в режиме ночного видения можно четко разглядеть кучу сломанных костей, изуродованного мяса и болтающейся кожи. Мужчина ошеломленно глядит на свою руку, а затем боль настигает его, и он начинает реветь.

- Пожалуйста, приятель, мы не хотели... - умоляет он, отползая прочь, - мы не собирались...

Мужчина поднимается и убегает, Джек запрокидывает голову назад и дико смеется, после чего пускается за ним в погоню. Они исчезают во мраке, и в кадре остается только рыдающая София, которая вскакивает на ноги и силится натянуть обратно платье. Как же ее сильно трясет. Она хочет уйти, но спотыкается обо что-то и, упав, скатывается с небольшого холма, пока не останавливается, с ужасной силой врезавшись в деревья. Наступает мертвая тишина, минуты тикают, пока София корчится, ее платиновые волосы разметались по сосновым иголкам. А затем раздается звук шагов, и она замирает.

- Твою мать, - шепчет Эйвери, - черт...

Из темноты возвращается Джек, и по мне пробегает дрожь. Его ухмылка исчезла, ее сменило еще более жуткое выражение лица - то, которое я знаю очень хорошо.

Маска.

Ледяная маска, скрывающая все эмоции.

Но это длится всего секунду, потому что потом он видит Софию... Джек, крича, подбегает к ней и, выронив окровавленную битку, бережно сгребает ее в свои объятия.

- Соф, - шепчет он, - София, София, пожалуйста...

Он поднимает руку, она липкая и мокрая от крови. София не шевелится. Джек рьяно хлопает по сосновым иголкам вокруг ее тела и вновь задыхается от эмоций, вопль дикого зверя вырывается из него. Кровь. Лужа крови вокруг ее таза, все цветочное платье окрашено ею.

Раздается хруст, видимо, Эйвери переместилась и наступила на веточку. Джек вскидывает голову, его глаза люто пылают жуткой белизной в ночном видении, лицо искажается яростью, и он хватается битку. Чертыхнувшись, Эйвери пускается наутек, и по мере приближения Джека Рен выходит из ступора и роняет камеру. Объектив едва ловит его обувь, когда он пронесется мимо. Большие ботинки Джека проносятся мимо всего долей секунды позже.

- Я убью вас! - Эхом раздаются его крики. - Я, блядь, убью вас!

Он продолжает кричать, звук то постепенно исчезает, то вновь становится отчетливым, словно Джек ходит кругами. Слышно, как под сопровождение пронизанных болью криков - глубоких, сильных и яростных - металлическая битка разносит на щепки деверья...

- - -

- Он еще какое-то время продолжает кричать, а затем пленка обрывается, - поверх всего этого наконец заговаривает Безымянный.

Экран планшета становится синим, а следом гаснет. Едва мои руки начинают дрожать, как я их успокаиваю. Безымянный наблюдает за моей реакцией.

- Итак? - произношу я. - Что я должна была из этого извлечь?

Безымянный выгибает бровь.

- Ты не пришла в ужас? Он в месиво избил четырех мужчин и убил последнего...

- Последний сорвался с обрыва, потому что было темно, - спокойно парирую я. - Джек его не толкал. Он сам себя убил.

- Он не бежал бы, если бы Джек за ним не гнался, - возражает Безымянный. - Не защищай его. Он убил человека и, как только мы вернем эту пленку федералам, отправиться за это в тюрьму.

- Ошибаешься, тела нет. Ты ничего не сможешь доказать.

- Белина Эрнандес. Ты ведь ее знаешь, не так ли? Ты как-то ходила к ней в гости.

- Откуда ты знаешь...

- Было очень легко получить доступ к ее жалкому компьютеру. Она ведет там дневник. Белина Эрнандес жена Джеймса Эрнандес - человека, упавшего с обрыва. Твой кровожадный заклятый враг, движимый чувством вины, выплачивал ей алименты на ребенка под видом

федеральных средств. Как думаешь, это будет выглядеть в глазах присяжных? Он практически уверен, что убил Джеймса, и это убедит присяжных.

- Он защищал Софию! - огрызаюсь я.

- Самооборона - это одно. Превышение самообороны - это другое. И эта пленка очень четко показывает разницу.

Крепко вцепившись в планшет, взвешиваю все «за» и «против» того, чтобы выбросить его в мусоросжигатель. Безымянный смеется.

- Я знаю, о чем ты думаешь. Даже не пытайся. У меня еще много копий на разных носителях. Ты лишь испортишь вполне хороший планшет.

Безымянный встает, и я прихожу в себя, вновь остро осознавая, что мы заперты в этой комнате. Сжимаю пилочку для ногтей, от чего он смеется только громче.

- Я просто хотел показать, в кого ты считаешь себя влюбленной. Он не я, это точно. Но он еще хуже меня. Он убийца. Он ранит тебя сильнее, чем я когда-либо.

Я швыряю планшет ему в голову, но Безымянный успевает уклониться, и тот врезается в стену, оставляя вмятину на розовой краске. Моя грудь тяжело вздымается.

- Да пошел ты! - выплевываю я. - Никто и никогда не ранит меня сильнее, чем ты!

Дверь позади меня резко распахивается, и входит афропарень с диким взглядом.

- О, э-э, блин. Простите, ошибся комнатой.

Я бросаюсь к двери, но меня останавливает голос Безымянного:

- Было приятно с тобой побеседовать, свинка. Знаю, тебе это не нравится, но теперь придется делать это чаще.

- С чего бы? - негодую я.

Он улыбается.

- Я видел на камерах слежения, как ты разрисовываешь дверь кабинета Саммерса. Даже сделал себе несколько копий. Интересно, что об этом подумает декан?

Я убегаю как можно дальше. От комнаты. От дома. Когда голос Безымянного наконец-то исчезает из моей головы, я падаю на лужайку и опустошаю желудок.

- 11 -

*4 года*

*0 недель*

*0 дней*

Видеть и разговаривать с Безымянным – это одно.

Видеть и разговаривать с ним за день до годовщины его злодеяния – слишком случайно. Он, должно быть, это спланировал. Или нет. Может, я единственная помню точную дату, когда все полетело под откос. Его, вероятно, это не волнует.

В последние несколько лет своей короткой, но замечательной и чрезвычайно отстойной жизни в эту дату я прогуливала школу. Ходила на пляж рядом с «Макдональдсом», считала крабов и собирала маленькие красивые камешки. Попыталась позаботиться о себе, ведь в тот день никто обо мне не позаботился. В прошлом году я никак это не «отмечала», потому что была настолько увлечена войной с Джеком, что впервые совершенно забыла об этой дате.

Оглядываясь назад, я понимаю, что единственный в мире парень, которому удалось отвлечь меня от боли, должен быть особенным. Особенным и достойным находиться рядом. Может, я уже тогда подсознательно это знала, потому и пыталась держать его рядом, ну, по-своему, своим ха-ха-я-подкинула-наркотики-в-твой-шкафчик-и-разнюхвала-о-твоем-прошлом способом, который, вероятно, далеко не самый лучший. Но я совсем не умела заводить дружбу, не знала, как удерживать людей в своей жизни, поэтому и делала это по-своему. Раздражала всех.

Будь громкой, тогда люди запомнят тебя и, возможно, задержатся в твоей жизни.

Возможно.

*Ты пытаешься. Пытаешься остановить всю несправедливость и спасти от нее людей. Но ты никогда не пытаешься спасти себя.*

Вытряхиваю слова Кирана из своей головы и быстро оцениваю ущерб. Очевидно, за связь с Безымянным и за завлечение меня в ту комнату Хизер теперь навсегда занесена в мой дерьмосписок, причем помечена минимум десятью красными восклицательными знаками. Ей нельзя доверять, хотя не думаю, что вообще когда-либо ей доверяла. Безымянный собирается отдать видеозапись федералам, и тогда Джек окажется в полном дерьме. И гвоздь программы: у него есть запись, на которой я разрисовываю дверь кабинета Саммерса. Я допускала наличие камер, но думала, что буду изливать свою месть внутри кабинета, подальше от них. Моя неутолимая жажда справедливости ослепила меня, и я перегнула палку, но, будем честны, это не ново для меня. Зато я скажу вам, что ново. То, что за это меня могут отчислить из колледжа.

Колледж! Коллаген! Коллаж! Это вам не старшая школа. Это Реальный мир™, ожидающий, когда же я оступлюсь, чтобы открыть свой рот и проглотить меня целиком. Колледж – конец и начало всего, большая крутая штука, в которой ты делаешь все, чтобы получить диплом и повесить его на стенку. Или использовать для растопки, когда студенческие займы съедят все твои деньги на оплату отопления. Слышала, еще иногда он помогает найти работу, но все старшеклассники из моей предыдущей школы, поступив в колледжи и получив дипломы, все равно работали в «Американ Игл» или в «Старбаксе», поэтому я вполне уверена, что в качестве туалетной бумаги диплом принесет больше пользы. Ну, а если вдруг ты горишь желанием отомстить за приобретенный опыт в колледже, то его можно использовать как огромную прокладку. Я много трудилась, чтобы попасть сюда, не так ли? Думаю, да. Точно не помню. Это сродни смутным воспоминаниям о школьных домашних заданиях, шутках мамы и испортившихся рыбных палочках. Если меня отчислят, я опозорю всю семью. Папа разочаруется, мама, наверное, будет счастлива, а я вгоню свое будущее в землю отбойным молотком и посвящу жизнь переворачиванию бургеров, и вероятно, кровь потечет с небес. Все просто поступают в колледж. Это делают все представители среднего класса, а я определенно

принадлежу к этой категории.

Если все сюда поступают, тогда почему я ощущаю себя здесь тюленем в пруду с рыбками?

К тому же зачем мне колледж? Выяснить, чем я хочу заниматься? Я и так это знаю. Я хочу убраться из этого штата. Сбежать. Уехать в Европу. Но я не могла оставить маму, поэтому у меня не было выбора.

Нахмурившись, задираю ноги на стол.

Отчисление ничто в сравнении с арестом за убийство.

Эта запись навсегда запечатлелась в моей голове. Юное лицо Рена, здоровое лицо Софии и разъяренное, убитое горем лицо Джека. Я настолько одержимо копалась во всем этом, что даже не учла их чувств. Я с силой ворвалась в самую дерьмовую, темную кроличью нору, их кроличью нору, а они как-то это терпели.

Если я надолго закрою глаза, то вновь услышу крик Джека.

Если я надолго закрою глаза, то смех Безымянного смешается с ним, отрезав меня от реальности.

Моя рука начинает пульсировать, и я, вспомнив, что нужно сменить повязку, направляюсь к медсестре.

Джемма – симпатичная женщина с каштановыми волосами и большими темными оленьими глазами – усаживает меня на кушетку, едва я успеваю войти, и осторожно снимает повязку. Воздух заполняют запахи загноившейся раны и затхлых ватных дисков, но она даже не морщится.

- Что ж, выглядит хорошо. Ты ведь принимаешь антибиотики, которые я тебе прописала, верно?

- Я сделала из них ожерелье и жую его на занятиях.

Она грозно глядит на меня, и я вздыхаю.

- Два раза в день во время еды.

Джемма улыбается.

- Хорошо. Ты даже не представляешь, насколько грязный у человека рот и как это может навредить ране.

Я ерзаю, пока она перевязывает мне руку, а мой взгляд падает на заполненный презервативами круглый аквариум на ее столе, и она, к сожалению, это замечает.

- Ты ведешь половую жизнь? – спрашивает Джемма.

- Нет, мадам.

- А планируешь?

- В будущем, конечно. Но, знаете, все может измениться. Может упасть метеорит. Солнце

может охладеть, арахисовое масло может стать отвратительным, а я могу поумнеть.

Джемма словно вечность смотрит на меня. Пять вечностей. В ее огромных карих глазах столько понимания, что на секунду я готова поклясться, что она меня знает, знает, кто я, будто считывает с жуткого хрустального шара. Тогда ее взгляд смягчается, и я в этом убеждаюсь. Она знает, что со мной, хотя я ей ничего не говорила.

И это злит меня, злит, что я так очевидна. Так слаба, что не способна это скрыть. Ушибы, выпивка и череда поцелуев только сделали меня слабее. Дьявол. Я хотела стать сильнее. Лучше. Опытнее.

- У меня проблемы, - осторожно говорю я. Джемма медленно достает клипборд, будто чувствует, что ей доведется делать пометки.

- Продолжай.

Вот он - момент, когда я могла бы встать и уйти, оставив ее с мелкими проблемами, проблемами, которые можно решить таблетками, повязками и уколами.

- Я пыталась убежать от проблем с помощью водки, - наконец говорю я. - Но не вышло. Неудивительно, правда? Нельзя постоянно убегать и ожидать, что станет лучше.

Джемма молчит, плавно записывая.

- Плохое случается, и ты говоришь себе, что это жизнь и это неизбежно, но, что бы ни происходило, ты стараешься жить дальше, ведь все можно преодолеть. Ты продолжаешь двигаться дальше, не сдаешься, пытаешься оградить себя, забыть, но плохое всегда нагоняет, а затем мертвым грузом опускается на плечи, сокрушая тебя вниз, пока ты стараешься двигаться вперед. И это отстойно. - Я тру лоб. - Проклятье, это так отстойно.

На скамейке за окном, мило держась за руки, сидит парочка, и я хочу быть ими, но также я хочу их убить.

- Знаете, иногда этот груз настолько велик, что возникает желание сдать. Может, я это заслужила, может, так суждено. Быть может, легче остаться внизу и не тратить силы, чтобы вновь поднять свою задницу с земли.

- Звучит ужасно, - мягко говорит Джемма.

- Так и есть! Это ужасно! - отвечаю я сквозь смех. - Ведь именно этого ты для себя и не хочешь. Ты думаешь, что ты сильный и всегда будешь любить жизнь, но иногда... ты устаешь...

- Должно быть, ты очень сильно устала.

Я пожимаю плечами.

- Есть немного. Но я Айсис Блейк. Я антипод усталости. Итсолатсу. Я в принципе не устаю.

- Время от времени мы все устаем, Айсис, - заверяет меня Джемма. - Никто не исключение.

- Я исключение! Я особенная! - хнычу я. - Вы не понимаете! Безумные выходки - мой конек, я вытворяю такое, что вам даже и не снилось, и никогда не останавливаюсь, ну, если только сходить в туалет, ой, да и тогда не всегда останавливаюсь. Заметка: уборщик меня ненавидит.

Джемма пытается сдержать смех, прикрывая рот рукой, но ее выдает вспыхнувший блеск в глазах, и вдруг я тоже начинаю смеяться. Но этот смех отличается от коротких злых смешков, которые в последнее время были моими постоянными спутниками, этот смех громкий, счастливый и с каждым мгновением становится ярче. И это легко, это самое легкое, что я делала за долгое время.

- Это даже не самая моя лучшая шутка, - сбивчиво говорю я, когда мы обе успокаиваемся. - И я нарушила правило номер один.

Джемма вытирает слезу.

- Что за правило?

- Никогда не смеяться над собственной шуткой, ведь она может быть не очень хорошей, и ты выставишь себя эгоцентричным придурком. Я уже молчу о том, что это грубо.

- Теперь я понимаю, о чем ты, - говорит Джемма. - Такие, как ты, энергичные и веселые люди редко устают. Непривычно, верно?

- Да. Словно... словно ты потерял ногу, но все равно пытаешься участвовать в гонке.

Кивнув, Джемма вздыхает.

- Знаю, это личное, и, пожалуйста, не думай, будто я тебя диагностирую, потому что у меня нет для этого квалификации, но у кого-нибудь в твоей семье была депрессия?

Простонав, я эффектно сползаю по спинке кушетки.

- У моей мамы. Но у меня ее нет! - прекословлю я, выпрямляясь. - Клянусь, даю руку на отсечение, я слишком много трудилась, чтобы не страдать депрессией, к тому же я счастлива, у меня нет депрессии. Никогда не было. И никогда не будет.

Джемма кивает и что-то записывает. Мои слова настолько пустые и звучат так неправильно, что я сгораю от желания наполнить их правдой. Переплетаю пальцы рук.

- У меня была депрессия. Может быть. Мне кажется. Когда мне было четырнадцать.

- Почему ты так считаешь?

- Я не нравилась самой себе. До сих пор немного не нравлюсь. Я по-настоящему себе не нравилась, ведь я была огромной и считала, что быть огромной - это ужасно, но это не так, и все же, знаете, когда твой возлюбленный называет тебя уродиной и жирной, ты начинаешь ему верить. Хотя это была не любовь. А может, и любовь. Но вероятнее, нет, потому что это приносило мне лишь горе, когда любовь должна нести счастье.

- Некоторые говорят, что любовь дарует сразу и счастье, и горе.

- Ну, они глупы и неправы. - Я выпячиваю подбородок. - Это просто... просто порождение старого романтического поэта. Люди любят выставять себя глубокомыслящими, поэтому говорят, что боль - часть любви, но это не так. Любовь...

- В них нет ничего некрасивого, - говорит Джек. - Можно?

*Я мешкаю, но киваю. Он подходит и, взяв мою руку, нежно проводит пальцами по ожогам от*

сигарет на запястье. Обводит каждый кружок большим пальцем. Нежно, так нежно.

- Похоже на галактику, - он улыбается, - полную звезд, сверхновых звезд, криогейзеров и множества других замечательных научных вещей, которые я мог бы продолжать перечислять, что, вероятно, тебе бы чертовски надоело.

Я крепче прижимаюсь к нему и смеюсь ему в грудь.

- ...Любовь - это когда тебя принимают и желают таким, какой ты есть, со шрамами и всем остальным.

Из глаз льются слезы, омывая ложбинку, и я себя обнимаю.

Теперь я вижу разницу.

Теперь я знаю, что такое любовь, а что нет.

Положив клипборд, Джемма раскрывает объятия, и едва я принимаю их, как тьма вырывается из моего рта на ее свитер.

- М-меня... меня и-изнасиловали. Когда мне было четырнадцать. Парень, которого я думала, что люблю.

Все это изливается из меня, скользит по щекам и, падая на пол, образует лужицу на плитке. Четыре года тихого страдания заполняют кабинет Джеммы, ее колени. Я для нее незнакомка, и ей должно быть все это как минимум неприятно, но она, наоборот, обнимает меня еще крепче. И во мне просыпается люта я ненависть. Я ненавижу себя, ненавижу ту, кем была раньше. Ненавижу ту, кем стараюсь быть сейчас. Ненавижу людей, от которых взамен на любовь получила предательство, а самое главное - я предала себя. Я спрятала это глубоко в себе вместо того, чтобы рассказать хоть кому-нибудь, кому угодно. Я молчала вместо того, чтобы попросить помощи хоть у кого-нибудь, у кого угодно. И теперь вся эта боль изливается из меня, в горло и глаза будто вонзаются шипы. Думаю, именно так и умирают, однако моя боль длится часами. И все это время Джемма просто обнимает меня и, плача вместе со мной, шепчет снова и снова «Я знаю», потому что она знает, потому что она тоже через это прошла. Я не одна, *больше* не одна.

\* \* \*

За всю историю планеты Земля никто не был бóльшим идиотом, чем я. Кроме Бога... Большого взрыва? Ну, или чего-то еще, что могло сотворить это место и нас, ведь это, очевидно, очень неразумный поступок.

В любом случае, мы с Богом в одной лиге самых великих болванов во Вселенной, потому что я совершила нечто в равной степени глупое. То, что причиняло мне боль. Годами. Я таила в себе ужасную тайну.

Полагала, что была сильнее травмирующего события, собственно говоря, так и есть, вот только я не учла один маленький нюанс - не признала *это* травмирующим событием. Как объяснила мне Джемма, после того как я вырубилась на кушетке в ее кабинете и, проснувшись с пением птиц, взяла у нее протянутый стаканчик кофе, что бы ни случилось, как бы долго это ни продолжалась, это было. То, что это не длилось долго или что не было проникновения, не

означает, что это не было изнасилованием.

Он удерживал меня и мастурбировал.

Это *было* изнасилованием.

Джемма предлагает мне прийти на перевязку на следующей неделе, чтобы можно было еще поговорить, и я соглашаюсь. Она не психиатр, и ей за это не платят, но она тратит свое свободное время на меня. Даже не знаю, как ее за это благодарить. Конечно, я донельзя удручена, измучена и морально истощена из-за возрождения каждого момента той ночи, но все это перекрывает благодарностью. Что ж, теперь я готова к девяти пиццам.

Сейчас даже моя походка изменилась, будто за ночь мое тело накачали гелием. Мои плечи кажутся легче, в голове просветление. Я драматически откидываю волосы назад, когда мимо меня проходит парочка, и понимаю, что больше не испытываю желания их убить.

А вот Безымянного...

Зайдя в офис администрации, я беру стаканчик с водой и попутно слушаю сплетни работающих здесь дам.

- Саммерс? Да быть не может. Он такой приятный мужчина, - со вздохом молвит одна дама.

- Ну, один из студентов сделал это, - констатирует другая. - А год назад нам поступила жалоба на домогательство, Дин тогда еще отказался ее выслушивать, помните? Бедной девочке пришлось бросить учебу.

- Думаете, это правда?

- Студенты совершают много глупостей, - отвечает первая, - но без достаточных оснований они обычно не пишат «извращенец» фальшивой кровью на дверях.

- Если он вел себя неподобающе, клянусь, я...

- Охрана кампуса сейчас опрашивает студентов, знаете, они проверили все камеры слежения, но в них не оказалось пленок...

Дверь за мной закрывается, и их голоса исчезают, чего не скажешь про легенду о моем подвиге. Следом я слышу ее в устах людей, которые едят эклеры на ступеньках корпуса кулинарных наук.

- Фу-у, кровь? - Девушка морщит нос.

- Это стоило написать дерьмом, - язвит парень.

- Я всегда думал, что он *слишком* хорош. - Качает головой другой парень.

- Что заставляет *такого* мужчину развращать девушек? Это чертовски подло, - возмущается первый.

Иду дальше. Группа парней из братства замечает Саммерса, который пересекает газон, и улюлюкает ему; ошарашенный, статный, высокий, с небольшим пузиком профессор роняет все свои бумаги и опускается на четвереньки, чтобы их собрать. Презренные взгляды и шепотки сомнений служат доказательством того, что я настроила против него университет. Служат

доказательством того, что у меня все еще есть магия, так пусть же прикосновение несравненной Айсис повсюду вселяет страх в сердца злодеев...

- Айсис! - Ко мне подбегает хмурый Киран. - Я же сказал тебе ничего не делать!
- Да, только я и приказы - вещи несовместимые. Ну, совместимые, но на деле это ужасно.
- Тебя поймают с поличным. Знаешь, у них есть камеры.

Мой желудок неприятно скручивается, но я сразу это пресекаю.

- Не бойся, они случайно воспламенились от моей сексуальности.
- Ничто не воспламеняется случайно, тебя отчислят!
- Тогда нам следует довольствоваться тем немногим временем, что у нас осталось.
- Айсис... - Он хватает меня за запястье и дергает к себе. Я оборачиваюсь и, уперевшись ногами в землю, прочищаю горло.
- Да, поцелуи были великолепны, - говорю я. - И для двух людей, познакомившихся возле полуголого парня, которого выворачивало на какие-то петунии, мы очень много целовались, и ты действительно хороший парень. К тому же похож на валлийца, а леди любят килты, не я, конечно, но большинство «леди», примерно семьдесят процентов женщин от восемнадцати до тридцати восьми. Знаю, ты думаешь, что я нравлюсь тебе как личность, что ты хочешь со мной встречаться и что мы хорошо поладим, но мне придется развеять твои надежды и мечты. Я ни с кем не хочу встречаться. Хотя, вообще-то, это неправда. Тупица, с которым я хочу встречаться, просто не хочет встречаться со мной. Вот так. Я просто пыталась его забыть. Я использовала твои губы, чтобы забыть его. Как отрицательный персонаж из фильма. Злодей. Но я всегда была злодеем. Или драконом, и мне жаль. Мне очень жаль. Я дракон и сжигаю все дотла, прости.

Темные глаза Кирана наполняются шоком, а его хватка ослабевает. Я вырываюсь и оставляю позади еще одного человека, которому причинила боль. Мне дико жаль, но я не собираюсь корить себя за это. Надоело постоянно ходить с раненым сердцем.

Я так яро вышагиваю, что даже не замечаю, как мимо меня проходит Диана. Она взвизгивает и, развернувшись, догоняет меня.

- Айсис! Вот ты где! Мы везде тебя иска...
- Не сейчас, богиня Луны, мне нужно разобраться с парнями.

Диана смеется и останавливается.

- Что насчет сегодняшней окружной ярмарки? Ты говорила, что хочешь пойти...
- Я буду там! - кричу я и захожу в мужское общежитие. Перепрыгивая через ступеньку, поднимаюсь по лестнице и со всей дури молочу в дверь. Три секунды тишины, а затем она открывается. Предо мною предстает Джек, который выглядит так, будто его пропустили через мясорубку, при условии, если так называемая мясорубка перемалывает исключительно души симпатичных мальчиков.

- Привет, - говорю я решительно, - я хочу, чтобы ты помог мне убить Уилла Кавано.

Ледяные глаза Джека расширяются от удивления, когда я впервые за четыре года произношу вслух полное имя Безымянного.

- Ох, вообще-то, это может немного подождать. - Вспоминаю я о своих приоритетах. - Прежде всего, я хочу, чтобы сегодня ты пошел со мной на окружную ярмарку, а если твоя новая подружка Геморрой будет против, то может катиться ко всем чертям, мне все равно.

Я ожидаю, что он откажется или разозлится, но у него в уголках глаз собираются морщинки - это своего рода улыбка Джека.

- Хорошо.

- Я за рулем.

- Хорошо.

- Встретимся в девять у Уоррик Билдинг.

Кивнув, он открывает рот, чтобы сказать что-то еще, но я быстро разворачиваюсь и ухожу. Не могу больше с ним разговаривать - сначала мне нужно поупражняться в том, что я хочу ему сказать. Шесть часов, вылазка в шкаф и момент «X» наконец наступит. Пока я швыряю через плечо носки, трусы и кофты, Иветта с непринужденным интересом наблюдателя за ураганом смотрит на меня.

- Серьезно, где ты была? - спрашивает она наконец. - Мы с Дианой думали...

- Я разговаривала с милой леди. И она помогла мне кое-что понять. Вопреки расхожему мнению незнакомцам легче открывать безнадежно отвратительные секреты.

Достаю розовую блузку.

- О-о, то, что надо, - одобряет Иветта.

Прежняя Айсис сморщила бы нос и отбросила ее в сторону. Теперь же я стягиваю свою кофту и заменяю ее блузкой - прохладной, воздушной, с оборками, реющими при каждом движении. Иветта помогает мне подобрать джинсовые шорты и одалживает старую, слегка потрепанную армейскую куртку, которая идеально подходит для прохладной осенней погоды и круто дополняет мой образ. Затем подруга собирает мои волосы и завязывает их в хвостик.

- Так ты выглядишь гораздо сексуальнее, - поясняет она.

- Желая, чтобы люди, глядя на меня, думали: «Я хочу отдать ей миллион долларов наличными».

- Почему ты так помешана на деньгах?

- Потому что за деньги можно купить практически все.

Иветта смеется и качает головой.

- Что ж, я хочу отдать тебе десятку. Десять центов.

Настойчиво протягиваю руку, и она, порывшись в кошельке, находит десять центов. Засовываю монетку в лифчик на удачу и ухожу.

Я прокручиваю в голове заготовленную речь, снова, снова и снова, предусматривая различные исходы, придумываю контраргументы, саркастические замечания и непревзойденные подколки, но вся моя подготовка летит к черту, когда я вижу Джека, который ждет меня на парковке. Он стоит, прислонившись к персиковому дереву, его волосы вроде причесаны, но все равно выглядят слегка растрепано. На нем темные джинсы и красная фланелевая рубашка. Ноги длинные, плечи широкие, а лицо гордое, благородное, как у льва. И тогда меня словно молнией поражает. Он становится старше. Я становлюсь старше. Время не ждет. Я и так четыре года убила на страдания из-за того, кто и близко того не достоин.

Но этот парень. Этот глупый прекрасный парень, может быть, достоин.

- Это не ярмарка лесорубов, - подшучиваю я, как только подхожу к нему.

- Мне просто нравится фланель, - отвечает он, глядя на свою рубашку.

- Тебе и целой популяции хипстеров Сиэтла.

Джек ухмыляется и следует за мной к машине. Мы едем в полной тишине - не тяжелой, умиротворенной, - пока на горизонте не появляются палатки и верхушка освещенных американских горок.

- Я достала билеты, - говорю, когда, припарковавшись, мы выходим из машины. - Поэтому тебе достается почетная привилегия покупать мне всю еду, которую я захочу.

- Серьезно? Женщина, ты за раз употребляешь приблизительный эквивалент месячного рациона страны третьего мира.

- Это делает меня жирной или греховной?

- И той и другой, - отвечает Джек, принимая билет, который я ему протягиваю. Он останавливается под аркой, ведущей на ярмарку. Сумеречное солнце погружает деревья во тьму и окрашивает облака алым. Огни на колесе обозрения, американских горках и лодке фараона так и манят, а запах маслянистого попкорна и хот-догов смешивается с сухим, свежим запахом осенних листьев.

- Последний раз я был на ярмарке с Софией, - наконец произносит он. Мое сердце наливается свинцом и ухает вниз, подобно грузу, падающему на голову мультяшных героев, вот только вместо головы анимационного персонажа мое солнечное сплетение.

- Черт. П-пойдем, - спешно шепчу я. - Нам не стоит туда идти. Я не хотела...

Теплые пальцы Джека обвивают мое запястье, останавливая меня. Его хватка не грубая, как у Кирана. Она свободная. Я смогу вырваться, если захочу, но я не хочу.

- Я хочу, - встречаясь со мной взглядом, говорит Джек, его голос нежен, но непреклонен. - Я хочу пойти, *с тобой*.

Я потихоньку млею, но вовремя вспоминаю, кто я такая, показываю язык и, нырнув под арку, прокладываю путь.

- Не говори, что я тебя не предупреждала.

Я заставляю его купить мне мороженое, корн-дог и слурпи, от которого мой язык становится синим и начинает болеть. Джек говорит, что я умру от диабета, а я отвечаю, что моя сила воли сильнее любой болезни. Он смеется надо мной, но я плачу ему той же монетой, когда мы идем на лодку фараона и по мере набора высоты лицо Джека все больше бледнеет. На самом пике аттракциона наши желудки воспаряют, я поднимаю руки и кричу, Джек блистательно ругается и перекидывает поверх моей груди руку, словно ремень безопасности, хотя он мне не нужен, ведь я и так надежно пристегнута.

- Ты боишься высоты! - с замиранием сердца восклицаю я, когда мы слезаем с аттракциона. Слегка пошатываясь, Джек добредает до ближайшей урны и хватается за ее края.

- Нет! - огрызается он, его щеки уже чуть ли не позеленели. - У меня совершенно обоснованная настороженность касательно подвешивания в пятидесяти футах над землей в дико раскачивающемся маятнике.

- Физика нас защищает. - Я сочувственно поглаживаю его по спине. - Мы могли бы умереть только в том случае, если бы центральная ось ослабла. Ну, или если бы мы все вместе весили больше четырехсот фунтов.

Я беру со стойки сладкую вату и смотрю на Джека, намекая, чтобы он заплатил. Он ворчит и достает пятерку из кошелька.

- Такими темпами ты вмиг наберешь четыреста фунтов.

- Но я все равно останусь такой же сексуальной, - фыркнув, заявляю я и откусываю кусочек ваты. Джек вновь ухмыляется и так близко наклоняется к моему лицу, что на секунду мне кажется, он меня поцелует - все вокруг замедляется, огни мерцают через раз, голоса людей становятся тихими и искаженными, - но он только откусывает кусочек ваты и отстраняется, тогда время нагоняет свое. Я решаю наказать его и направляюсь к американским горкам. Джек громко стонет, но покорно следует за мной.

После того, как Джека очередной раз перестает мутить, я щажу его и направляюсь к игровой аллее. Здесь есть все: «Золотая рыбалка», разные игры с капитошками, тиры.

- Эй, помедленней, - просит Джек, едва поспевая за мной.

- Ваш запрос был тщательно рассмотрен и отклонен.

- Тебе следовало пригласить сюда Кирана.

- Почему? Ты не любишь ярмарки?

- Нет, просто он... - Джек хмурится, - разве вы с ним?..

- Нет. Киран хороший друг. Но не более. Слишком простой. Милый, но скучный. Хуже и быть не может. Разве что серийный убийца. Но скучный на втором месте... или даже на первом с половиной...

Ощувив на своем лице взгляд Джека, мне становится неловко, поэтому я беру ружье из тира и направляю ствол ему в лоб.

- Неверный прицел, - невозмутимо говорит он.
- Нет-нет, верный, - настаиваю я.
- Мисс, пожалуйста, мишени за вами, - нервно произносит старшеклассник, который работает в тире. Я поворачиваюсь и смотрю на него, затем на вывеску и, наконец, на огромную плюшевую панду - приз за поражение всех пяти мишеней. Она идеальная. Это мисс Маффин, гигантская мисс Маффин. И я хочу ее.
- Ты, потливый, дай еще несколько патронов, - требую я у старшеклассника, и тот, поперхнувшись, проветривает подмышки.
- Простите, мисс?
- Шести выстрелов недостаточно, - уточняю. - Дай больше.
- Шесть выстрелов - даже много. - Подойдя, Джек протягивает парню несколько талонов и забирает у меня ружье. - Смотри и учись.
- Ох, это будет весело, нет, уморительно. - Прислоняюсь к кабинке и наблюдаю, как он, заняв позицию и закрыв один глаз, нажимает на курок, пуля попадает прямо в глаз первой мишени и взрывается розовой краской. Джек поворачивается ко мне и самоуверенно выгибает бровь.
- Ну ни фигя себе! Ты немного попрактиковался с водяными пистолетами. Дальше что?
- Джек переходит к следующей мишени и попадает, затем переходит к третьей, четвертой - каждый выстрел - точное попадание. Присвистнув, старшеклассник начинает часто моргать, будто глазам своим не верит. Перед пятой мишенью Джек смотрит на меня.
- Школа шпионов хорошо тебя поднатаскала, - признаю я. - Или на самом деле ты серийный убийца.
- У меня талант наносить повреждения. - Джек упирает ружье в бедро, и это выглядит так невыносимо высокомерно, что мне хочется пихнуть его в бассейн с шариками рядом с нами и как следует отделать... или страстно расцеловать. - Но мы всегда это знали, верно?
- Он смеется - смех отчаянья, не иначе. Его глаза наполняются холодом. Вот надо было мне ляпнуть про убийцу. И возможности извиниться Джек мне не предоставляет, он сразу же занимает позицию и пронзает пятую мишень. Работник предлагает ему призы, и, потратив долю секунды на размышления, Джек выбирает гигантскую панду. Затем поворачивается и отдает ее мне.
- Что ты... - Мои глаза расширяются.
- Я видел, как ты пускала по ней слюни. Она твоя.
- Ну уж нет. - Возвращаю ему панду. - Отдай ее Геморрою. Ведь *она* твоя девушка.
- Вообще-то, мы и не встречались. - Он сажает панду мне на голову, и ее лапы плюхаются мне на глаза. - Но вчера я сказал ей, что больше не хочу ее видеть.

Я подавляю нервную дрожь, которая струится по моим венам, и натягиваю на лицо маску надменности.

- Так-так. Похоже, ты используешь женщин как салфетки.

- Судя по моему прошлому, это женщины используют меня, - произносит он мрачно.

Я прижимаю панду к груди и стараюсь не заикливаться на боли в его голосе. Он всегда так хорошо ее прятал, но теперь я отчетливо ее слышу. Мы и правда вырастем.

- Ты когда-нибудь думал об этом? - спрашиваю я, пускаясь рысью по аллее игр в попытке сохранить непринужденность. - О том, что, возможно, эскорт повлиял на тебя больше, чем ты признаешь?

- Я уже говорил тебе, но повторяю: это ничего для меня не значило, я ничего не чувствовал...

- Ты чувствовал себя использованным, - перебиваю я. - Хоть убейся, доказывая, что это было по обоюдному согласию, я все равно не поверю. Ты был вынужден это делать.

Он молчит. Улыбнувшись ему, показываю на колесо обозрения.

- Пошли. Оно медленное, и если ты не будешь смотреть вниз, то даже не догадаешься, что находишься в миллионе миль от земли.

Кабинка на колесе обозрения покачивается, заставляя Джека немного нервничать, но невероятной красоты огни ярмарки под нами потихоньку его завораживают. Вспышки розового, зеленого, синего и белого загораются и гаснут. Музыка становится тише. Наши колени практически соприкасаются.

- Как твоя рука? - спрашивает Джек. Я опускаю взгляд на перевязку и пожимаю плечами.

- Я не превращаюсь в зомби. Это хорошо.

- Я волновался, - произносит он неуверенно. - Знаю, у меня больше нет права за тебя переживать, но я ничего не мог с собой поделать. Рад, что рана в порядке... что ты в порядке.

- Я в порядке? - Смеюсь. - Я бы так не сказала.

- Ты выглядишь лучше. Что-то в твоём лице больше не такое темное.

Я смотрю в окно. Мне очень хочется все ему рассказать, но сейчас не время. Если я это сделаю, Безымянный окажется на колесе вместе с нами, а я хочу, чтобы сегодня были только мы с Джеком, и никого больше.

- Если прищуриться, то отсюда ярмарка станет похожа галактику, - меняю тему. - Не хватает только криогейзеров.

- Даже не знаю, в кабинке становится довольно холодно, - шутит Джек.

Будь это фильм, колесо бы застряло или что-нибудь в этом роде, может, отключилось бы питание, но оно лишь замирает ненадолго на самом верху. Джек смотрит мне в глаза, и внутри меня все переворачивается. Я должна кое-что сказать. Вот он - момент, когда мне следует ему открыться, каждый фильм мне гласит об этом, но я опускаю его, и колесо начинает снижаться. Нет, я больше ничему не позволю вставать у меня на пути, особенно гигантскому колесу для хомяка...

- Айсис, ты говоришь...

- Я люблю тебя, - выдыхаю я. - Прости. Прости, что говорю это, но я люблю тебя. И ты не должен... не должен что-либо делать или отвечать мне. Я могу просто сразу отвезти тебя домой, и если после этого ты больше никогда со мной не заговоришь, я пойму, клянусь, ведь тебе чуть ли не каждый день девчонки признаются в любви, а ты это ненавидишь, но за последнее время я многое поняла. Самое главное - я поняла, что, возможно, люблю тебя. Я не уверена, но думаю, что люблю. Конечно, быть неуверенной - не романтично и не смело, но я даже едва знаю, что такое любовь. И все же моих знаний достаточно, чтобы определить мои чувства к тебе. Мне хочется узнать больше, и думаю, ты мне в этом поможешь. Забудь, я просто люблю тебя, а странное жуткое изучение здесь ни при чем. Я *просто* люблю тебя, глупый идиот, поэтому если ты... если ты ответишь мне взаимностью, это будет грандиозно, но если нет, в смысле, я понимаю, это сложно, и я тоже сложная, к тому же не в твоём вкусе... для сломленного человека это слишком, поэтому, может быть, ты сможешь притворяться, что любишь меня, это ведь не так сложно. Я могу быть хорошим отвлечением. Ты можешь использовать меня для... не знаю, для секса, для того, чтобы забыться или чтобы заполнить пустоту, я не против, лишь бы ты притворился...

Джек наклоняется и на сей раз целует меня. Поцелуй не распаляет душу, не вызывает головокружение, как пишут в книгах. Но я ощущаю его вкус и запах. Из всех девушек на свете он целует именно *меня*. Отстранившись, он открыто улыбается - так он улыбался только Софии, но сейчас эта редчайшая, милая и настоящая улыбка принадлежит мне, и эта улыбка лучше всех фейерверков. Джек прислоняется своим лбом к моему.

- Дурочка. Не будет никакого притворства, - шепчет он, - потому что я тоже тебя люблю.

Меня бросает в дрожь, и я замираю, не смея в это поверить.

- Т-ты... ты серьезно? - шепчу в ответ. - Правда? Потому что... потому что, если ты вселяешь в меня ложную надежду, я... я просто этого не вынесу, понимаешь? Это больно.

Я истерически смеюсь на грани слез, и Джек, обхватив ладонями мое лицо, заглядывает мне в глаза.

- Я люблю тебя. С той самой ночи в комнате в морском стиле я хотел любить тебя. Хотел забрать всю твою боль, сделать тебя своей и защищать. Заставлять тебя смеяться, улыбаться и показать тебе, что такое любовь. Мне так давно хотелось показать тебе, что ты достойна быть любимой, такая, какая есть. Но я пытался отрицать это, пытался убедить себя... что недостаточно хорош, что только причиню тебе боль. И причинил. Прости. Я боялся. Боялся любить кого-то столь нежного, красивого и уникального, как ты. Я знал, что у меня был всего один шанс, и боялся напортачить, а ты, приняв это на свой счет, стала еще печальнее и неувереннее в своей привлекательности. Я боялся собственных недостатков и в итоге причинил тебе боль.

Я шмыгаю носом, и Джек стирает сбегающую по моей щеке слезу.

- Мне так жаль, - шепчет он. - Я люблю тебя, и мне так жаль.

Я хватаю его за воротник рубашки и целую, снова и снова. Он скользит руками по моей спине, а затем вновь нежно обхватывает мое лицо ладонями. Я хочу, чтобы этот момент никогда не заканчивался... к черту момент, хочу большего, я голодна и опустошена, хочу наконец-то стать цельной. Когда наша кабинка достигает земли, работник колеса обозрения открывает нам дверцу, и я, смеясь, тяну Джека к машине. Ветер осушает слезы на моих глазах, пока мы наполовину бежим, наполовину ковыляем, останавливаясь для поцелуя возле дартса и стойкой

с пончиками. Запахи сахара и пота пропитали наши волосы. На темной парковке я пытаюсь открыть машину, в то время как Джек, сбивая меня, покрывает поцелуями мою шею. Пихаю его локтем, чтобы он остановился, и он, смеясь, забирается на пассажирское сиденье и всю дорогу до общежития пальцем вырисовывает какие-то незамысловатые узоры на моей ладони.

\* \* \*

- Это может все испортить! После этого мы больше никогда не сможем быть друзьями. Еще не поздно остановиться, - говорит Айсис, когда мы выбираемся из машины и она запирает ее. Я обхожу капот, беру ее за руку, и она, ярко краснея, сжимает мою ладонь. - Мы все еще можем быть просто друзьями. Или врагами. Можем вернуться к тому, как было раньше.

Эти слова едва не разрывают мне сердце. Не в силах остановиться я запускаю пальцы ей в волосы и, притянув ее к себе, сильно целую. Ее шок сгорает в желании, и я, в последний раз поймав ее сладкое поверхностное дыхание, отстраняюсь.

- Я хочу тебя, Айсис. Не как друга. Не как врага. А как самую красивую девушку на свете.

Молчание. Подвешенная ниточка крутится на ветру. А затем Айсис улыбается.

Она резко дергает меня за руку и тянет к себе в общежитие. По дороге в ее комнату я чуть не вписываюсь в стеклянную дверь, и мы оба смеемся. Она возится с ключами и открывает дверь. Заходя внутрь, Айсис говорит, что ее соседка сегодня ночует в другом месте. Мысль о том, что она целиком будет моей в закрытой комнате с мягкой кроватью, посылает волны предвкушения по моему позвоночнику. Пока мы скидываем обувь, она вновь целует меня и увлекает к захлавленной кровати с узорчатым покрывалом. Она, как и раньше, неопытна, но ее пламя и смелость разгораются все ярче, выжигая каждую мысль в моей голове. Ее пальчики порхают по моей груди, и я скидываю с себя куртку, чтобы предоставить ей больший доступ, чтобы острее ощутить ее. Покусываю ее губу, и она кусает в ответ - вспышка небольшой боли подталкивает меня к сладкой грани. Ее руки смело путешествуют по моему телу: плечам, спине, скользят вниз, минуя пупок...

- Айсис... - Перехватываю ее руки, останавливая, и смотрю ей в глаза. - Послушай меня, я не могу... не могу дать тебе всего, что хочу. Я только начинаю восстанавливаться. Так что. Это твой последний шанс. Ты должна найти кого-то не такого сломленного, как я.

Она хмурится и прижимается к моей груди.

- Звучит так скучно.

- Я серьезно, Айсис, ты заслуживаешь лучшего...

- Я тоже серьезно, Джек! - Она вскидывает голову, сверкая взглядом и упрямо выпятив нижнюю губу. - Мне плевать, что ты можешь или не можешь мне дать. Я просто хочу тебя. Даже если ты сломлен. Никого другого. Только Джека.

Внезапная волна возбуждения обрушивается на мое сердце, почти причиняя боль, и я рассыпаюсь, как песочный замок, от этой волны... Опрокидываю Айсис на кровать. Слишком быстро. Замираю и сажусь, опасаясь того, что она рассердится или испугается, но нет, она смеется и протягивает ко мне руки.

- Давай же, глупый.

Ее волосы рассыпались по подушке, а блузка задралась, обнажая полоску сливочной кожи. С легкой медлительностью я наклоняюсь и, целуя открывшееся искушение, поднимаю носом блузку. Она хихикает, но ее смешки быстро превращаются в страстные стоны, когда я добираюсь до края лифчика. Поднимаю голову и, глядя ей в глаза, дергаю его за лямки.

- Это долой.

Она выгибает бровь и, сев, хватается за нижнюю кромку моей рубашки.

- Это тоже. Будем на равных.

Я скидываю рубашку одним движением, и от моего вида у Айсис загораются глаза. Она прижимается губами к моей коже, целуя каждый контур мышц, а когда достигает джинсов, с моих губ срывается громкий вздох.

- Айсис...

Уткнувшись носом в мою кожу, она вдыхает.

- Хорошо пахнет. Ты хорошо пахнешь, как мед.

Я рычу и нежно вновь опрокидываю ее на подушки.

- И ты. - Вдыхаю запах ее кожи на запястье, запах ее волос... ложбинки между грудей, и она, взвизгнув, легонько бьет меня по голове. - Ты пахнешь летом и корицей. Я мог бы съесть тебя. И съем, - добавляю я, и Айсис краснеет.

- З-знай я, что ты увлекаешься каннибализмом, н-не пошла бы на это.

- Слишком поздно. - Я ухмыляюсь, проводя языком по ее шее. - Теперь ты моя. Bon appétit!

Айсис шумно выдыхает, напрягая плечи, когда становится слишком щекотно, и мы вместе смеемся. Стягиваю с нее блузку - медленно, неуверенно. Она не смотрит на меня, ее глаза мечутся из стороны в сторону, избегая моего взгляда, пока я замороженно люблюсь ею.

- Можно? - спрашиваю я. Она кивает, вновь упрямо выпятив губу. Провожу пальцами по ее животу - гладкому, мягкому, с бледными вертикальными полосками возле пупка.

- Они ужасны, - утверждает она. - Растяжки. Извини.

Я наклоняюсь и целую их, каждую растяжку, затем перехожу к ожогам на запястьях. Целую каждый шрам, вознаграждаясь легким стоном - предвестником страсти. Она резко притягивает меня к себе и целует, отчаянно, пылко, с очевидным желанием. Мгновение, и она уже сверху вихрем мягких губ и теплого дыхания покрывает поцелуями мою ключицу, шею, руки, грудь, живот...

- Айсис, ты...

- Тиихо, - останавливает она меня, с тревожным умением расстегивая мои джинсы и стягивая их до лодыжек. Мои черные боксеры с очевидной выпуклостью вызывают у нее ухмылку, и она смотрит мне в глаза.

- Это все ты, - заявляю я. Радостно мурча, она проводит рукой по выпуклости, и я растворяюсь. Я представлял себе это тысячи раз, но ничего не сравнится с реальностью, с реальной Айсис, которая полуобнаженная, улыбаясь и краснея, играет со мной через боксеры. Все мои грязные фантазии стали явью, вся болезненная необходимость в ее прикосновении за одно мгновение может достигнуть апогея.

Но нет. Не таким должен быть наш первый раз. Переворачиваю нас и целую ее сквозь бормотание:

- У тебя... - поцелуй, - будет... - поцелуй, - еще много времени... - поцелуй, - чтобы подразнить меня, - поцелуй, - но сегодня... - поцелуй, - все для тебя... - поцелуй, - все, что пожелаешь.

- Можешь просто лечь и позволить мне выяснить, почему все так суетятся из-за члена, - негодует она.

- Как я уже сказал: для этого у нас еще будет время. Но сейчас я хочу, чтобы тебе было комфортно. Чтобы ты кончила. В указанном порядке.

Она взвизгивает и закрывает лицо руками.

- Не говори так, идиот.

Я ухмыляюсь и, расстегнув ее бюстгальтер, медленно его снимаю.

- Э-эй! - протестует она, скрепя руки на груди. - Не смотри!

- Ты же мои видела, - сетую я.

- Потому что твои маленькие и жалкие.

- Согласен. - Следуя по венкам, скольжу губами по ее тонкой коже над грудью. - По сравнению с теми, что ты прячешь под руками, мои очень заурядны.

- И непривлекательны, - добавляет она, скорее от злости.

Я так легко не сдамся.

- И непривлекательны, - соглашаюсь я. Она потихоньку расслабляется, и в конце концов вся ее бойкость испаряется, сменяясь румянцем, когда она торопливо прикрывает глаза руками.

- Хорошо. Смотри.

Обычный человек не обратил бы внимания на ее очевидные прелести, потому что именно этого она и хотела. Ее одежда всегда была немного свободной - принципиально минимум на размер больше. Но только не я, мне хватило мимолетных взглядов, чтобы это понять, а сейчас лишь удостовериться. Мягкие, округлые, в форме капли, правая грудь едва заметно больше левой. И они... дрожат, Айсис дрожит.

- Эй... Айсис, что случилось?

Она качает головой.

- Они странные.

- Айсис, посмотри на меня.

Она выглядывает сквозь пальцы.

- В своей жизни я повидал много грудей, верно? - спрашиваю ее. Она хмурится и вздыхает.

- Да, я поняла. Они и правда странные по сравнению с сотнями других идеальных, которые ты видел...

- Они прекрасны.

- Ты говоришь это просто так.

- Нет. - Наклоняюсь и целую один холмик. - У тебя самая восхитительная грудь, которую я когда-либо видел. И она здорово меня заводит. Все твое тело меня заводит. Но уверен, ты и так это видишь. - Многозначительно улыбаюсь ей, и она, выгнувшись, тянется к своим шортам. Опережая ее, расстегиваю верхнюю пуговицу, но она меня останавливает.

- Гм. Упакуй свой член. Эм. Пока не облажался.

Ухмыльнувшись, разворачиваюсь и, покопавшись в своей сброшенной куртке, достаю из кармана презерватив.

- Всегда со мной, - говорю я. - Привычка.

Она хмурится, несомненно, сердясь при мысли о тех, кто помог мне сформировать эту привычку. Я наклоняюсь и, скользя к уху, покрываю поцелуями ее шею.

- Ох, милая. Не смотри на меня так. Уже много месяцев я думал о том, чтобы пользоваться этой штукой только с тобой.

Она краснеет и извивается - хороший знак, и тогда я продолжаю, облизываю ее ушную раковину.

- Ты единственная. Господи, Айсис, ты единственная, кого я так давно хотел...

Она прерывает меня поцелуем, ее язычок высовывается, и мой страстно устремляется к нему навстречу. Отстраняюсь и провожу пальцами по ее то напрягающемуся, то расслабляющемуся животу. Она помогает мне снять с нее шорты, а когда откидывает их, они приземляются на ее лэптоп, и мы оба смеемся. Я замираю над ее трусиками - белыми с зеленой тесьмой - и поднимаю голову. Она не дрожит - отлично. Не напугана, не напряжена.

- Если почувствуешь себя некомфортно, дай мне знать.

- Хорошо. - Она сглатывает.

- Я не шучу. Если передумаешь, скажи мне в любой момент. И я остановлюсь.

Она кивает, и я, вздохнув, наклоняюсь и прижимаюсь своим лбом к ее.

- Пожалуйста, Айсис. Обещай мне. Обещай, что будешь делиться со мной. Я улавливаю визуальные подсказки, но я не экстрасенс.

- Я знаю. - Она вздыхает. - Прости. Хорошо. *Хорошо*. - Она делает глубокий вдох, и в ее глазах

загорается непоколебимая решимость. – Обещаю. А теперь заткнись и поцелуй меня! И сними уже наконец эти дурацкие боксеры с Бэтменом.

\* \* \*

И он снимает, но не обращает внимания на ту штуку, которая появляется из них – розовую, необычную и длинную, предпочитая вместо этого скользнуть рукой в мои трусики. Это неловко, но вдруг он задевает какую-то невероятную точку, и с моих уст слетает небывалый стон.

- О-ох, черт, – выдыхаю я.

- Ты в порядке? – Он в панике поднимает голову.

- Сделай так еще раз, – требую я.

И он делает, снова и снова, с постепенно нарастающим натиском, пока мои руки не обвиваются вокруг него, а бедра не вжимаются в его руку. Его пальцы отличаются от моих, они длиннее и тоньше, и могут добраться до тех мест, до которых мне никогда не удавалось, я все чаще дышу, все больше извиваюсь и наконец... *наконец* бесшумно взрываюсь. Мое тело обмякает, но Джек не дает мне времени прийти в себя, он скользит языком вниз по моему животу, бедрам... в опасной близости к...

- Э-эй! – Я прикрываюсь. – Н-не делай этого. Это отвратительно.

Он поднимает голову, его лицо излучает боль. Но быстро маскирует ее и кивает.

- Хорошо.

- В смысле... – Я закусываю губу. – Это противно. Верно? Должно быть.

- Для некоторых – да. Но не для меня. К тому же ты очень хорошо пахнешь.

Я хмурюсь в неверии.

- Ты лжешь? Потому что, как показывает опыт, ты вроде как *очень хорошо* умеешь врать.

- Нет. – Он целует внутреннюю часть моего бедра. – С ложью покончено. Она забирает слишком много сил. А ты заслуживаешь лучшего. Но давай сосредоточимся на другом...

Он поднимается, но я толкаю его за плечи вниз.

- Попробуй еще раз.

- Айсис, если ты этого не хочешь...

- Я передумала. Попробуй еще раз.

- Вы ужасно требовательны, ваше высочество, – с ухмылкой говорит он.

- Императрица должна править с убеж...

Закончить предложение у меня уже не получается, но теперь я понимаю, за что клуб «Роза»

ему платил. Зернышко ревности разрастается во мне при мысли, что он делал это многим другим. Однако ревность быстро затмевается осознанием, что сейчас он делает это со мной, мне, отвечая на каждое мое движение, стон нарастающими умением и мягкостью. Прямо перед вспышкой у меня хватает сил остановить его. Слегка тяну Джека за волосы.

- Э-эй, любовничек.

Он садится, вытирая рот тыльной стороной ладони.

- Что такое?

- Как насчет тебя? - бормочу я, потянувшись к его эрекции. Теплой и твердой как камень. Джек со свистом выдыхает.

- Ты играешь в очень опасную игру.

- Говорит парень, чья голова последние двадцать минут находилась у меня между ног, - подкалываю я.

- Разве можно меня за это винить? Тебе приятно доставлять удовольствие... - Он резко втягивает воздух, когда я усиливаю хватку и неуверенно скольжу рукой вверх-вниз. Набираю обороты, и лед в его глазах сменяется ключевой водой - ласковой, с дымкой наслаждения. Он запрокидывает голову назад, и я осыпаю поцелуями его шею... и вот я вновь оказываюсь на подушках, его руки на моих плечах, а челка заслоняет глаза. Джек лижет мою шею, направляясь к груди, и когда его рот накрывает мой сосок, я выгибаюсь. Слышу едва различимый шелест фольги и ощущаю внезапное давление. Я должна бояться боли, мой мозг и мое прошлое твердят мне, что должно быть больно и страшно, но я чувствую себя в безопасности. Там так влажно, что он легко входит, погружаясь медленными и осторожными толчками.

Я наполнена, немного некомфортно, но это постепенно проходит, и мне не хочется его останавливать. Не тогда, когда вижу его невероятно удовлетворенное выражение лица. Когда вижу, насколько ему хорошо. Это придает мне сил и вызывает трепет. Он хрипло стонет, войдя до конца, и оставляет на моей шее влажные поцелуи.

- П-прости. Ты в порядке? Мне стоило спросить, стоило предупредить...

- Все в порядке, - уверенно отвечаю я. - Правда. Совсем не больно.

Он сомневается, и я, улыбнувшись, игриво кусаю его за руку возле своей головы.

- Я не лгу.

- Клянешься? - спрашивает он.

- Клянусь, - шепчу я в его кожу. - Просто... может, не двигаться. Какое-то время. Это своего рода новая территория.

- Думаю, ты хотела сказать «девственная территория», - острит он, и я пихаю его мизинцем. Мы не двигаемся, пока я, выравнивая дыхание, привыкаю к новым ощущениям. Наконец напряжение уменьшается, и я ловлю возможность сделать то, что советовала Кайла. Его рот открывается, но он умудряется подавить ошарашенный вздох и пристально смотрит на меня.

- Это... э-это нечестно. Где ты этому научилась?

- У меня есть друзья, - самоуверенно отвечаю я. - Подружки.

Джек смеется, и я делаю это снова, на сей раз он шумно выдыхает и прикусывает кожу на моей шее.

- Прекрати. Это.

- Почемууу?

- Потому что я... я...

Делаю это в третий раз, и Джек сильно целует меня, а отстранившись, тяжело дышит.

- Я уже на грани, дерзкая штучка. И если мы хотим, чтобы это продлилось хоть несколько минут, то прекращай.

Я запускаю пальцы в его волосы.

- Я думала, ты кто-то типа эксперта по стойкости. Разве это не было твоей работой?

- Было. Но я уже давно не практиковался. К тому же сейчас со мной ты.

- И что это значит?

- Это значит, - он двигается медленно, осторожно, - это значит, что ты...

Его слова теряются, когда я чувствую его, впервые по-настоящему, и не сдерживаю стон.

- Джек, ах...

- Повтори.

- Джек. - Я обвиваю его, мои ноги неконтролируемо скользят выше и сцепляются на его спине.

- О черт, - стонет он мне в плечо. - Я скучал по тебе. Я скучал по тебе, Айсис. Так чертовски приятно слышать, как ты произносишь мое имя.

И я произношу его снова. Снова, снова и снова. Громко и невольно.

- 12 -

*0 лет*

*0 недель*

*1 день*

Джеку не особо нравится, когда я забираю все одеяла в мыслимой Вселенной.

Или пялюсь на него, пока он спит.

Я знаю это по нескольким причинам: А. Я знаю Джека, и он не любит, когда его пожирают глазами, если, конечно, ему за это не платят. Б. Каждый раз, когда я тяну спутанные вокруг его ног одеяла на себя, он чуть сильнее гримасничает во сне. Поэтому я делаю то, что сделал бы любой порядочный человек, который уважает другого, – продолжаю тянуть.

Джек стонет и прикрывает глаза, восходящее солнце окрашивает его всклооченные волосы в золото. Яркий луч спускается по его груди, отбрасывая тени на обнаженный торс, шею, подбородок. Мне хочется уткнуться носом в изгиб между его шеей и плечом и жить там вечно. Такое сюрреалистичное чувство – словно в любую секунду мне под ухо раздастся трель раздражающего будильника, как в подростковых фильмах, и я проснусь в реальном мире, в своей реальной кровати, в одиночестве, холоде, печали и убеждении, что никто никогда меня не полюбит.

Но Джек целовал меня.

Целовал мои растяжки и шрамы.

Он относился ко мне с уважением, с благоговением даже, обращался со мной бережно, как с хрусталем.

Он поцеловал самую напуганную часть меня, открыв путь к освобождению от страха.

Он здесь, рядом. Даже не верится.

Не верится, что настолько красивый, величественный, умный, добрый и интересный парень захотел – сгорал от желания – со мной переспать.

***Никто больше тебя не захочет.***

Но Джек захотел *меня*, такой, какая я есть.

Кроме того, он остался после нашей близости, он все еще здесь, со мной, я не была настолько ужасной, чтобы он передумал и ушел. Он не плод моего воображения. Он здесь, он реален и пахнет в точности как его комната, и я растворяюсь в нем, пытаюсь растянуть каждую секунду роскошной золотой дымки, другими словами, блаженства этой теплой смятой постели с этим теплым растрепанным парнем, от которого я без ума.

Наконец Джек приоткрывает один сонный голубой глаз и, встретив мой распаленный взгляд, хрипло смеется.

- Доброе утро, моя жутко прекрасная.

- Я разрабатывала план, – говорю я, – как лучше всего убить тебя во сне.

Джек наклоняется и нежно целует мою ладонь.

- Делай это долго и мучительно. Обожаю страдания.

- Именно поэтому я убью тебя быстро и безболезненно. Сверну шею для верности.

Он тычет в мое предплечье.

- Ты не смогла бы свернуть мне шею, даже если бы попыталась.

Я вскарабкиваюсь к нему на бедра и пытаюсь обхватить руками его шею. Он слабо сражается со мной, а затем, смеясь, притягивает меня к себе.

- Моя порочная девочка.

- Помнится, раньше ты называл меня проказницей, - шепчу ему в ухо.

Он лениво поглаживает меня по спине.

- Как ты? Тебе больно?

- Я переломана надвое и никогда больше не смогу ходить, - невозмутимо отвечаю я.

- Да, - шипит он, сильнее прижимая меня к себе. - Теперь ты никогда не сможешь сбежать.

Я закатываю глаза и выпутываюсь из его объятий.

- Пойдем, мой ужасно великий. Нас ждет новый день, восхитительный и полный грядущего разочарования. И еды.

Он не встает, предпочитая наблюдать, как я натягиваю на себя шорты и футболку. Затем стонет и прячет лицо в подушке.

- Не хочу никуда идти. Хочу остаться здесь навсегда.

- Для «навсегда» у меня здесь недостаточный запас чипсов, - противоречу я и морщусь, поскольку острая боль пронзает низ живота. Джек вскакивает с постели и поддерживает меня рукой.

- Ты в порядке?

- Нет, все болит, я умираю.

- Я тебя предупреждал.

- Нет, не предупреждал! Не было никаких предупреждений! Только много грубой грязной болтовни!

- И смеха. Много хорошего смеха.

Я краснею, а он, заключив меня в объятия, тянет обратно в кровать и вздыхает в мои волосы.

- Прошли годы с тех пор, как я так смеялся. Спасибо.

- Ай-яй-яй, какой же ты тогда эскорт? Это *мне* полагается благодарить *тебя* за секс. Или заплатить. - Я перегибаюсь через край кровати и шарю в поисках чего-нибудь, кроме пыли. Нахожу бюстгальтер, а там и монетку, которую мне дала Иветта, и кладу десять центов ему в ладонь.

- Вот. За твои услуги.

Джек рычит и нежно покусывает мою шею.

- Думаю, я стою немного дороже.

- Даже не знаю, - отвечаю я нараспев. - Сперва ты должен это доказать.

Он переворачивает меня на спину, и я вскрикиваю.

- Доказать это? - спрашивает он, прислонившись своим лбом к моему. - А что же тогда было прошлой ночью?

- Разминка, - решаю я. - Аперитив. Кроме... фу-у, пожалуйста, давай не будем привносить в это странные пищевые аналогии, не хочу быть сравненной с рестораном.

- Ты самый лучший ресторан в мире. Четыре звезды «Мишлен», - утверждает Джек, и я отталкиваю его. Он встает и, смеясь, натягивает джинсы. И именно в этот момент в комнату заходит Иветта и, конечно же, созерцает во всей красе член Джека. Она смотрит на него, затем на меня, наконец, на лицо Джека и кивает словно ценитель искусства.

- Девять из десяти.

\* \* \*

Я, Айсис Блейк, решила, что секс - это хорошо.

У меня в голове есть крохотная толстенная книга о том, что такое «хорошо», а что такое «плохо», и секс за две недели уверенно перекачивал из раздела «плохо» в раздел «хорошо». Мы с Джеком постоянно курсируем из моего общежития в его, чередуясь, когда наших соседей по комнате нет, воруя минуты спокойствия и превращая их в бурный шквал. Я изучаю каждую его родинку, каждый малюсенький шрам из его детства, каждое слабое место. Надвигается так много огромных глупых проблем, пленка с Софией и видеозапись со мной в главной роли с камер слежения по-прежнему находятся в лапах у Безымянного, но я отбрасываю все это прочь и греюсь в своей новоиспеченной одержимости Джеком. Бывший Ледяной Принц боится щекотки за ушами, под коленками и на бедрах (его отточенных, аппетитных бедрах), тем не менее, он остался верен самому себе - все такой же спокойный, уравновешенный и рациональный. Близость со мной этого не изменила. На самом деле, стиль общения между нами совсем не изменился. Я думала, что секс разобщит нас или превратит в бесформенное сладкое месиво. Но нет. Я острою, он отвечает мне там же. Я запикиваю мармеладных мишек в его ворчливый рот, он удерживает меня от разборок с идиотом, который проехался мне по ботинку своим скейтбордом. Мы с Джеком ругаемся. Пререкаемся. Дискутируем о самом сложном и деликатном вопросе в истории.

- Санта реален, - говорю я, забирая свой буррито с прилавка с едой.

- Он нереален, - опровергает Джек, обходя работника кафетерия с полным подносом разных блюд.

- Два слова еще никогда никого ни в чем не убеждали.

- Нет, убеждали. «Это дерьмо», - произносит Джек.

- Что «дерьмо»?

- Приквел «Звездных войн».

- Ну вот, теперь ты *прав*, и я забираю свои слова обратно, потому что была *неправа*, ты полностью убедил меня всего двумя словами. Черт. Ненавижу ошибаться.

- А я обожаю быть правым, - отвечает он с придыханием, и я пинаю его под столом. Нет, не его, он слишком быстро убирает ногу, и я попадаю по деревянной ножке. Своей голенью.

- Ай.

Джек целует меня в макушку.

- Сама на себя беду накликала.

Я падаю лицом на стол в напускных рыданиях.

- У меня повсюду синяки. Я ферма синяков. Магнит. Сигнит. Однажды люди будущего, которые не будут знать, что такое синяк, поскольку технологии будут настолько развиты, что ни у кого никогда их не будет, придут ко мне, и я покажу им свою задницу. Это будет мой величайший вклад в развитие человеческой цивилизации.

Это настолько впечатляет Джека, что он делает глоток содовой.

Иногда я ловлю его улыбку, когда несу какой-нибудь глупый вздор. Но это единственное, что действительно изменилось.

Раньше секс был странной, пугающей смесью из кружевных трусиков и дам, которые все время кричат в порно, словно им больно, к тому же меня всегда беспокоили неловкие вопросы типа «а что, если я забавно пахну?» или «а что, если во время близости мой подбородок под любым углом выглядит жирным?». Раньше я думала, что мне придется сбривать все начисто, быть гладкой, как дельфин, каждый день своей жизнью ради парня, чтобы не вызывать у него отвращения. Раньше я злилась на секс, ненавидела его, презирала, потому что единственный человек, которого я думала, что люблю, использовал его для того, чтобы причинить мне боль. Секс был мечом, которым я не хотела порезаться снова, тигром, который уже однажды меня покалечил, и я бы скорее с радостью отправилась в яму из едких смол, чем вошла бы вновь в то тигриное логово.

Так что, полагаю, Джек Хантер - это яма из едких смол. Но мы и так это знали.

- Протестую, ваша честь, - вмешивается Джек, - я не омут из основных кислот.

Я целую его в щеку и встаю.

- Пойду в библиотеку, подразню животных глупее меня. Парней...

- Не поощряй их. - Он закатывает глаза. - Они могут вспылать к тебе страстью, и тогда мне придется с ними покончить.

Я посылаю ему многозначительный взгляд, и он вздыхает.

- Деликатно. И в соответствии с гуманной процедурой ООН.

Джек подается вперед для поцелуя, и я склоняюсь к его устам. Он игриво покусывает мою нижнюю губу, а затем отстраняется.

- Увидимся позже.

- Твоя комната или моя?

Он понимающе ухмыляется.

- Вообще-то, на сегодняшний вечер я запланировал кое-что другое.

- О, правда?

- Я должен представить отчет своему начальству. Но мы стараемся не выделяться, все должно выглядеть естественно. Так что она зарезервировала нам столик на ужин. Если ты пойдешь со мной, это будет выглядеть еще более натурально.

- Дай подумать... нет, черт возьми! Ты приведешь меня к ЦРУ, и они похитят меня для экспериментов. Нет уж, спасибо. Кинематограф меня на эту тему просветил.

- Никто тебя не похитит. Зато угостит крем-брюле.

Я обдумываю это предложение ошеломительно длинные две с половиной секунды.

- Хорошо, я согласна.

- Встретимся в моей комнате в восемь, и надень платье.

- Вот как, ты просто хочешь увидеть меня в платье, извращенец.

- Я хочу увидеть тебя во всем. И без ничего, - с ухмылкой отвечает он.

В библиотеке гораздо тише, а атмосфера не столь пропитана сексуальностью, чем там, где бы ни был сейчас Джек, но я потерплю. Ради одного благого дела.

Вот она, занимается. Подхожу к ней и с шумом хлопаю руками по ее столу. Хизер подпрыгивает, роняя книгу.

- Господи Иисусе! Айсис, ты меня напугала!

- А ты напугала меня, - спокойно произношу я, - когда заперла в комнате с парнем, который меня изнасиловал.

Она замирает, широко распахнув глаза.

- Он... он что?

- Изнасиловал меня, - повторяю я. Теперь эти громко оглашенные слова придают мне прилив энергии, реальности, уверенности в себе, - когда мне было четырнадцать.

- О-он... - Она прикусывает губу. - Я этого не знала, правда, Айсис, ты должна мне поверить. Он сказал, что это будет забавная шутка, я не знала...

- Даже если бы он этого не совершал, вот так вот запирает девушку с парнем - верх идиотизма, и ты это знаешь. Если я еще раз увижу, как ты это делаешь с любой другой девушкой, или услышу об этом... - Размышляя, отвожу взгляд, а затем вновь смотрю на нее и, улыбаясь, приподнимаю руку. - Смотри, я сделала это с собой. Выглядит как «Неделя Акул» в 3D. А теперь представь, на что я способна, когда разозлюсь на кого-то другого, это будет гораздо хуже! Наверное, будет больше крови, больше мяса! Ну что, страшно?

- Страшно. - Хизер сглатывает.

- Класс! Давай договоримся не воплощать это в жизнь, идет?

Она судорожно кивает, и я, напевая, покидаю библиотеку. Это только разминка. Следующая остановка - Безымянный. Он так долго был в моем списке, но только теперь у меня появились силы начать строить план его окончательной гибели. Только теперь у меня появилось мужество, чтобы направить все свое мрачное мастерство и ярость ему в горло. Теперь, когда я знаю наверняка, что Безымянный был неправ - что я всегда была прекрасной и достойной любви, - я могу с ним бороться, вместо того, чтобы прятаться. Похоже, Джек повлиял на меня больше, чем я думала. Я не ринулась выбивать дверь Безымянного и размазывать его по стенке, а это явный признак того, что я научилась контролировать свой гнев, как истинный Ледяной Принц. О боже. Докатилась.

Люди говорят, что в первую очередь ты должен полюбить себя сам. И я попыталась. Видит Бог, я попыталась это сделать целых четыре года.

Но теперь, когда я знаю, что кто-то меня любит, стало гораздо легче набраться храбрости и полюбить себя самой.

Это не произойдет в миг.

Но начало уже положено.

\* \* \*

В Огайо я взяла с собой лишь зеленое плиссированное платье, которое купила для выпускного вечера, но так и не надела. Выпускной я провела у могилы Софии, уминая холодную китайскую еду и плетя венки из цветов - моя маленькая дань памяти, ведь она уже никогда не сможет этого сделать.

Джек встречает меня в белой рубашке и брюках. Что за черт?

- Ты прекрасно выглядишь, - с улыбкой произносит он, и я делаю реверанс.

- Мы что, ужинаем в каком-то супермодном месте? - спрашиваю я, когда мы подходим к его седану. Подбираю подол платья и с изяществом пьяной курицы с огромным задом усаживаюсь на пассажирское сиденье.

- Не совсем. - Он выезжает со стоянки.

- А меня выпрут оттуда, если я пролью на себя суп? Потому что это одно из моих любимых занятий, повышает жизненный опыт неряхи.

- Пока ты не кричишь об инопланетянах, с тобой ничего не случится.

- Что? Это же моя традиционная молитва Богам десертов!

Он одаряет меня тяжелым взглядом, который, в общем-то, переводится как «пожалуйста, не надо кричать о пришельцах».

- Ладно, хорошо. Претворюсь нормальной. Только потом не удивляйся, когда я опрокинусь и

умру от легочной эмболии, вызванной полнейшей скукой.

Свободной рукой он берет мою ладонь и, ухмыляясь, нежно ее целует.

Ресторан оказывается небольшим зданием из черного стекла в конце Главной улицы. Джек открывает мне дверь, и я проскальзываю внутрь. Хостес ослепительно улыбается нам и, после уточнения Джека насчет столика Ванессы, ведет нас через ряды столиков из темного дерева с зажженными свечами к кабинке. Там, помешивая чай со льдом, сидит женщина с идеально уложенными короткими каштановыми волосами и в модном синем шелковом платье. Она встает и выдавливает странную улыбку, когда наклоняется, чтобы меня обнять.

- Рада наконец познакомиться! - Она смеется, затем обнимает Джека, и мы все садимся. Что происходит?

- Гм, здравствуйте, - говорю я. - Я Айсис, и я в замешательстве.

- Джек много о тебе рассказывал, - с улыбкой разъясняет Ванесса. К нам подходит официант, и она поднимает взгляд. - Выпьете что-нибудь?

- Воды будет достаточно, спасибо, - отвечает Джек и смотрит на меня.

- Эм, просто колу.

Кивнув, официант уходит, и Ванесса с Джеком пристально смотрят ему вслед. Удивительно, что у бедолаги еще не начала кровоточить спина от такого внимания.

- Он информатор? - просматривая меню, тихо спрашивает Джек.

- Нет, - Ванесса качает головой, - но он следил за мной от отеля, так что надо быть начеку.

- Подождите, *тот* парень? - шепчу я. - Он выглядит совершенно нормальным.

Ванесса улыбается мне.

- Так и должно быть. Давайте слегка собьем его с толку бурным разговором, хорошо? - Она немного повышает голос: - Как учеба, Айсис?

- Я едва не завалила химию, - подыгрывая ей, отвечаю я. - Ненавижу ее, в тысячу раз больше, чем высшую математику. Кроме того, я пукнула на экзамене, и, похоже, профессор Браун это понял, потому что, как следует приняхавшись, сморщил нос и поставил мне тройку за якобы «неправильное определение» - надувательство чистой воды.

Ванесса смеется.

- Что ж, по крайней мере, ты знаешь, в чем не будешь специализироваться. - Она продолжает смотреть на меня, но понижает голос и на одном дыхании спрашивает у Джека: - У тебя есть запись?

- А мне нравится химия, - громко говорит Джек, - но я не рассматриваю ее как будущую специальность. На третьем году она становится гораздо сложнее, так что я подумываю о более простых науках. - Вновь понижает голос. - Она на флешке в салфетке.

Ванесса сочувственно кивает.

- В вашем возрасте я променяла биологию на физику. Меньше противных клеток, больше четких цифр. Намного проще.

Она наклоняется, роняя салфетку на пол, и морщит нос.

- Черт.

- Вот, - Джек пододвигает ей свою салфетку, - возьми мою.

Ванесса улыбается и убирает ее к себе на колени.

- Спасибо. Готова к следующему семестру, Айсис? - плавно продолжает она.

- Если честно, я больше готова к креветкам в чесночном соусе.

- Конечно! Вы двое, должно быть, умираете от голода. Я не имела в виду, что в университете плохая еда! Наоборот, я слышала, у них прекрасный выбор.

- В основном буррито, но я не жалею. Хотя иногда жалуется мой кишечник. Кстати говоря, мне нужно в дамскую комнату. Где...

Ванесса, улыбаясь, указывает в глубь зала.

- Слева от тебя.

Когда я проскальзываю мимо Джека, он ловит мою руку и сжимает ее.

- Ты в порядке?

- Э-э, я сейчас буду *есть*. Естественно, я в порядке.

Улыбнувшись, он отпускает мою руку. Направляясь к уборной, я ловлю на себе взгляд официанта, но едва он это замечает, как тут же отворачивается. Дилетант.

Здесь даже уборные вычурные. Мраморные столешницы, дорогое мыло, которое не пахнет так, как в кинотеатре. Разглядываю свое отражение в зеркале, мой макияж уже не похож на боевой раскрас енота, теперь он соответствует элегантной кошке, и понимаю, что повзрослела. Не намного. Но повзрослела.

Не намного, но это только начало.

\* \* \*

Когда Айсис уходит, я поворачиваюсь к Ванессе.

- Она очень хорошенькая, - улыбаясь, произносит Ванесса. - Гораздо симпатичнее, чем я предполагала.

- Что?

- О, ничего. Из твоего описания ее по телефону у меня сложился совершенно другой образ. Обычно таким чувством юмора обладают девушки с самой заурядной внешностью.

Пропускаю ее двусмысленное оскорбление мимо ушей.

- Там признание Терранса, - прочистив горло, перевожу тему. - Он очень четко произносит оба имени.

Ванесса улыбается, тщательно просматривая свое меню - блеф, разнообразие блюд интересует нас в последнюю очередь.

- Признания наркодилера недостаточно. Но это хорошее начало. Нам бы еще установить кейлоггер<sup>8</sup>, и тогда они точно будут у нас в кармане.

- И как это сделать? - Хмурюсь. - Уилл меня опасается, я несколько раз пытался к нему подобраться, но он всегда ускользает. Кайл менее умный, но Уилл предупредил его обо мне. И теперь они оба меня избегают.

Ванесса пристально смотрит мне прямо в глаза - приказ сменить тему, я уже довольно хорошо изучил язык ее тела.

- Мы с ней встречаемся, - быстро говорю я. - Уже несколько недель. Она моя первая настоящая девушка за очень долгое время.

- Ах да, ты ведь всегда был плейбоем.

- Могу я принять ваш заказ? - Сзади подходит официант, и я улыбаюсь.

- Да, спасибо. Можно креветки в чесночном соусе для отсутствующей леди и филе лосося для меня.

Официант кивает, глазами сканируя каждый миллиметр нашего столика. Однозначно высматривает, как мы передаем друг другу доказательства. Я замечаю странную выпуклость на его поясе - умело скрытую, но для меня все равно очевидную, - и у меня внутри все холодеет. Пистолет.

Не следовало приводить сюда Айсис.

Ванесса постукивает пальцем по меню.

- А мне роллы с омарами. И салат. Спасибо.

Официант кивает, забирая наши меню, и живо уходит.

- У него оружие, - беспечно сообщает Ванесса, помешивая чай. Я киваю, подавляя страх.

- На поясе. Видел.

- И что теперь делать? - Она в задумчивости сжимает губы. - Не хотелось бы, чтобы тебя и твою прекрасную девушку ранили. Вы дети, а она и вовсе невинное гражданское лицо.

- Кто он?

- Без понятия, но могу предположить. Судя по осанке, поведению и походке, военный. Произношение четкое, но есть едва уловимый акцент - явно англоговорящий русский. Я родилась в России. И знаю это наверняка.

- Значит, русский.

- Наемник, – уточняет она. – Может, привратники и хакерская группировка, но у них есть друзья с большими деньгами, и они, очевидно, узнали, что мы за ними охотимся, и решили нанять телохранителей для своих ребят, включая Уилла и Кайла.

Я едва сдерживаю смех.

- Это так нереально – телохранители для хакеров? Для членов королевской семьи, быть может, или для политиков. Но не для хакеров.

- Ты не понял, – быстро говорит Ванесса. – В тот момент, когда на сцену вышел серьезный товар – метамфетамин, героин, торговля людьми, – все изменилось. Наркотики и люди – это колоссальные деньги, а следовательно, огромные ставки. Эти телохранители нужны, чтобы защитить хакерские возможности Уилла и Кайла, а следовательно, и деньги. Незаконный оборот наркотиков и денежных средств финансируют семьдесят процентов всех закупок оружия на легальных и нелегальных рынках. Это не просто «хакеры» или «наркотики». Это власть. Финансируются восстания. Формируются группировки. Это обширная и запутанная паутина. Остановив этих двух ребят, мы спасем много невинных жизней.

- Нет, не спасем. Они просто обратятся к кому-то еще. Существует больше сотни таких, как они.

- Тогда мы уберем сотни. По одному за раз, – безапелляционно произносит Ванесса. Понятно, пора эту тему закрывать. Она отражает позицию правительства: неминуемое поражение, обернутое в иллюзию творения высшего блага.

- Как полагаешь, я установлю кейлоггеры на их компьютеры? – бормочу я. – Они за версту меня к ним не подпустят.

- Тогда найти того, кого подпустят. Кайл не так важен. Здесь главный Уилл. Поставь кейлоггер на его компьютер, и у нас будут все необходимые доказательства, чтобы предъявить обвинение им обоим. Ты вроде говорил, что Айсис его знает.

- Нет, – резко отвечаю я. – Даже не думай об этом.

- Она кажется сметливой девушкой. Уверена, она бы сделала это, если бы ты попросил. Похоже, она очень сильно тебя любит.

- Именно поэтому я и не позволю ей это сделать. – Я стискиваю зубы.

- И что же ты не позволишь мне сделать? – Вернувшись, Айсис проскальзывает мимо меня на свое место. – Сплетничали обо мне, пока меня не было? Десять миллионов лет заключения в темнице вам обоим.

Мы с Ванессой молчим. Айсис ерзает, привычно не перенося тишину.

- Я серьезно! Что вы про меня говорили?

- Ниче...

- Нам нужен кто-то, кто сможет прикрепить устройство на компьютер Уилла Кавано, чтобы мы собрали достаточно данных и арестовали его, – наклонившись, шепчет Ванесса. – И Джек

говорил, что ты знаешь Уилла.

Я ожидаю, что лицо Айсис исказится от боли, но она лишь гордо задирает подбородок.

- Знаю. Я его ненавижу.

Ванесса улыбается.

- Изумительно. Тогда, вероятно, ты хочешь увидеть его за решеткой даже больше, чем мы.

- Или мертвым, - небрежно произносит она. Слишком небрежно. Настолько небрежно, что это пугает. - Я не привередлива.

Улыбка Ванессы растягивается чуть ли не до ушей.

Айсис задумчиво склоняет голову набок.

- Ты из правительства, верно?

- Да.

- Айсис, ты этим не занимаешься, - твердо говорю я.

- Конечно, милый, я просто пришла, чтобы полакомиться креветками в чесночном соусе и, может, десертом, - с улыбкой лепечет она. - Черт, к нам идет официант, быстро все притворяемся невозмутимыми. Кроме меня, поскольку я уже невозмутима. - Айсис достает свой телефон из сумочки и протягивает его Ванессе. - Вот мои фотографии с церемонии вручения дипломов. Я вон та, высокая, сексуальная сзади.

Ванесса смеется, листая снимки, пока официант подает нашу еду и уходит. Мы едим, продолжая фальшивую беседу, из-за которой по некой причине меня охватывает тревога. Ванесса слишком добра к Айсис. Я не позволю ей втянуть Айсис в то, что может причинить моей девушке вред. Уничтожение Уилла Кавано - это мое дело, только мое, не ее. Я совершил ошибку, приведя ее сюда, на линию огня.

Теперь, когда я обрел ее, я не собираюсь терять ее снова.

Мы заканчиваем с основными блюдами, и Айсис заказывает яблочный пирог. Ванесса оплачивает наш счет и одаряет меня улыбкой.

- Мне действительно нужно идти. Но вы оставайтесь, наслаждайтесь ужином.

- Куда ты идешь? - подняв глаза, интересуется Айсис с полным ртом пирога.

- Мне нужно кое о чем позаботиться. - Бросив взгляд на официанта, Ванесса кивает нам. - Доброй ночи.

- Пока! - Айсис яростно машет ей вслед, а затем смотрит на меня. - Она мне нравится.

Я вытираю начинку от пирога с ее щеки.

- Она оперативник. Ты ей не нравишься. Она просто притворяется.

Айсис сердито хмурится.

- Я бы смогла это сделать, ты же знаешь.

- Что сделать?

- Установить то устройство. Уиллу нравится мне докучать. Уверена, он бы впустил меня в свою комнату, если бы я постучалась.

- Айсис, нет. Ты не будешь с ним разбираться. Ты и так уже через многое прошла благодаря ему.

- Вот поэтому мне и нужно встретиться с ним лицом к лицу. - Она задумчиво слизывает со своего пальца взбитые сливки.

- Ты не станешь устанавливать устройство, - решительно заявляю я - Оставь это мне. Это моя работа, не твоя.

Она внимательно смотрит на меня своими невинными, широко распахнутыми темными глазами и пожимает плечами.

- Хорошо.

- Я серьезно, Айсис.

- Как сердечный приступ, - соглашается она. - Обещаю, я не стану в это лезть. Сделаешь все сам, детка. Фу-у. Я только что назвала тебя деткой? Ты ребенок. Плаксивый младенец. С красивой попкой.

Разве можно на нее злиться? Хоть напряженно, но я улыбаюсь.

- Если Уилл когда-нибудь к тебе сунется, будет угрожать, ты всегда можешь прийти ко мне, - прочистив горло, говорю я, когда мы садимся в машину. - Ты ведь это знаешь, верно? Я об этом позабочусь.

- Знаю, - безучастно отвечает она, глядя в окно.

- Я защищу тебя. Клянусь.

- Замолчи, - она наклоняется ко мне, - и поцелуй меня.

На вкус ее губы как яблоко и корица, они огнем выжигают все заботы из моей головы. До дома мы так и не доезжаем, под угасающее солнце я съезжаю на обочину в близлежащем парке. Айсис перелезает ко мне на колени, и мы пылко целуемся, пока последний луч не исчезает за деревьями. Моя рука скользит вверх по ее бедру, задирая платье, и ее запах и учащенное дыхание заполняют салон безумно соблазнительной дымкой. Когда Айсис находится на грани потери самообладания, она прячет лицо в изгибе моей шеи и покусывает кожу.

- Я люблю тебя, - шепчет она. - Я люблю тебя, глупый идиот.

Прекращаю свое оказание услуг в ее нижнем белье, и она возмущенно хнычет. Ее лоб и подбородок покрыты испариной. Заглядываю ей в глаза и наблюдаю, как ее затуманенный удовольствием взгляд искажается от неутоленного желания. Впиваюсь в ее губы.

- Прости, - выдыхает она. - Прости, что назвала тебя идиотом. Пожалуйста...

Я, смеясь, возобновляю свою работу, и она стонет.

- Мы оба идиоты, - шепчу ей в ухо.

Позже, гораздо позже, спустя несколько дней, когда мы опились телами друг друга и получили высшее наслаждение несметное количество раз, я возвращаюсь в тот ресторан и интересуюсь тем официантом. Хостес сообщает мне, что он не появлялся на работе с тех пор, как мы там ужинали. Я притворяюсь обеспокоенным другом, и она дает мне его адрес. Приезжаю в совершенно заброшенную квартиру с одним лишь матрасом на полу и запиской.

*Джей,*

*Он больше тебя не побеспокоит. Я об этом позаботилась.*

*Ви.*

Я нервно убираю записку в карман.

Этот мир тайн и крови был хорош, когда в нем был только я. Когда я один был погружен в него, он меня не пугал.

Но теперь, когда у меня есть Айсис, когда мне есть что терять, он совершенно ужасает.

- 13 -

*0 лет*

*1 неделя*

*5 дней*

- Ты больше мне не подруга! - кричит Кайла. Даже в два часа ночи ее лицо по скайпу безупречно, как у Бейонсе. Я хочу быть ею, но не могу, ведь для меня встречаться с Реном - практически инцест, ибо он мне как младший брат. А из-за таких огромных сисек я просто перевернусь в самый неподходящий момент, скажем, через перила в вольер со львом в зоопарке и умру.

- Прекрати говорить о моей груди! Ты больше не имеешь права!

- Кайла, - хнычу я. - Кайла, послушай, я по-прежнему твоя подруга, ты просто взвинчена.

- Черт, да, я взвинчена! - Она со стуком опускает стакан, и брызги воды летят во все стороны. - Почему ты не рассказала мне раньше?

- Потому что! - Я краснею. - Потому что. Потому что была занята.

Кайла понимающе ухмыляется.

- Заткнись! - вскрикиваю я.

- Я ничего не говорила!
  - Все равно заткнись!
  - Наконец-то! - восклицает она, игнорируя мою просьбу. - Господи, у вас заняло это целую вечность.
  - Десять месяцев - это не вечность.
  - За это время вы могли бы завести ребенка!
  - Боже, нет, пожалуйста, никаких детишек. Пообещай, что у тебя не будет ребенка.
  - Да я только назло тебе заведу девятьсот детей. Кстати говоря о детях, вы же предохраняетесь, верно?
  - ДА.
- Она хихикает.
- Странные они, да? Похожи на маленькие латексные носочки.
  - И я натяну один на твою голову и задущу тебя.
  - Прости! - Она вскидывает руки. - Я просто рада, что ты наконец получила от жизни все, что хотела!
  - Но Джек - это еще не все. - Я закатываю глаза. - Я хочу стабильную, приносящую удовлетворение работу и гигантский дом из пончиков.
  - И Джека.
  - И Джек иногда может ночевать в моем пончиковом доме. Да.
- Кайла внимательно смотрит на меня, и ее губы расплываются в глупой улыбке.
- Что? - рявкаю я.
  - Ты и правда влюблена.
  - Боже.
  - Я серьезно! Какому еще парню ты бы позволила ночевать в своем пончиковом доме?
  - Джонни Деппу.
  - Да, но он женат.
  - Эх, женатые точно могут ночевать в моем пончиковом доме.
  - Подожди. - Кайла выглядит так, будто ее поразило молнией и/или она вывела самую гениальную гипотезу в девчачьей науке. - Пончиковый дом - это эвфемизм?

Застонав, я закутываюсь в одеяло и скатываюсь на пол, точно цветочная колбаска. По скайпу

раздается еще один звонок, и я вскакиваю.

- Ой, подожди. У меня второй звонок.

Переключаюсь, и меня встречает лицо Ванессы.

- О, привет! Это ты!

- Как видишь, - подтверждает она, сидя на идеально заправленной кровати в номере какого-то шикарного отеля. Без макияжа она выглядит по-другому. - Полагаю, ты нашла сообщение, которое я написала в твоём телефоне?

- Ага! И, кстати, я удивлена, что ты умудрилась написать его, пока притворялась, будто смотришь мои фотографии.

«Если ты еще заинтересована, то я свяжусь с тобой по скайпу с двенадцати до трех ночи. Мой ник [email protected]».

- Не хочу, чтобы Джек об этом знал, - говорит она. - Он разозлится, а ему нужно мыслить трезво.

- Итак, - я смотрю на свой телефон, - ты хочешь, чтобы я установила кейлоггер?

- Верно.

- Хорошо, я с удовольствием это сделаю, но мне понадобится стимул.

Ванесса кивает.

- Конечно. Я буду рада тебе заплатить...

- Э-э, нет. Мне не нужны деньги.

- Тогда что ты хочешь?

Плотно сжимаю губы и обдумываю, стоит ли рассказывать секретному правительственному агенту очень грязный секрет. Но едва взглянув на ее застывшее и решительное выражение лица, я понимаю, что чужие дела ее не волнуют. Эта информация станет лишь средством достижения цели. Ей нужен Уилл.

- Джек кое-что сделал. Давно уже.

- Это связано с исчезновением Эрнандеса?

Я ерзаю.

- Эм, да. Откуда ты...

- Не глупи. Я знаю все, что мне нужно знать.

- Так, значит, ты знаешь, что федералы отдали пленку с этим, гм, происшествием друзьям Уилла. Они ведь могут ее стереть.

- К сожалению, да.

- Но разве вы не охотитесь за Уиллом и его друзьями? Тогда почему...

- Мы мало взаимодействуем с федеральным правительством, - быстро отвечает она. - Называй это конкуренцией, человеческой гордостью, но такая путаница происходит довольно часто. Мы не сообщаем федералам, чем занимаемся, поэтому иногда арестовываем людей, которых они... *завербовали* себе в помощь.

- Ясно. Что ж, я установлю кейлоггер, но при одном условии. Ты уничтожишь эту пленку. Я не хочу, чтобы она попала к федералам. Или кому-либо еще.

Ванесса сжимает губы.

- Это ужасно большое одолжение. Ты просишь меня избавиться от улик нераскрытого дела федералов.

- Я знаю. Но... если ты это сделаешь, я установлю кейлоггер. Сегодня. Прямо сейчас. Только избавься от нее.

Тоненький голосочек в моей голове умоляет попросить ее уничтожить еще и пленку с причинением вреда кабинету Саммерса, которая есть у Уилла. Но проблема Джека гораздо серьезнее. Его могут посадить в тюрьму, меня же только отчислить из университета. Поэтому я не прошу.

Ванесса с минуту раздумывает, а затем вздыхает.

- Хорошо. Ты сегодня установишь кейлоггер, а я сделаю пару звонков.

- Спасибо, - выдыхаю я. - Большое спасибо.

- Мой помощник оставит коричневый бумажный пакет с устройством в мусорной урне справа у «Чао Белла». Это кафе в вашем кампусе.

- Знаю. Я тысячу раз там была.

Она пригвождает меня строгим взглядом, и я замолкаю.

- Вставь кейлоггер в один из USB-портов на его компьютере. Сойдет любой, только убедись, что он полностью вошел. Он должен находиться в его компьютере четыре часа, и тогда я в любое время смогу получить доступ к его жесткому диску.

- Вставить в USB-порт, убедиться, что полностью вошел. Поняла.

- Я узнаю, когда все будет готово. А ты в ближайшие несколько недель ожидай визита моего помощника. Он расскажет, когда ты получишь свою награду.

- Хорошо.

- Айсис, - серьезно произносит Ванесса. - Будь осторожна. Уилл очень плохой человек.

- Я знаю, - с ухмылкой на устах отвечаю я.

Ванесса отключается, и я возвращаюсь к Кайле.

- Все в порядке? - спрашивает она. - Ты кажешься больной.

- Сумасшедшей, - исправляю я.

- Нет, тебя словно вот-вот стошнит.

Я молчу, уставившись в темноту ее спальни за три тысячи миль, пока Кайла разглядывает меня.

- Кайла?

- Да?

- Ты останешься моей подругой, если... если меня отчислят?

Кайла хмурит брови.

- Конечно, тупица. Тебе там не нравится?

- Я думала, что мне понравится! Думала, что хочу здесь учиться. Что здесь будет здорово, так и было, но... здесь просто скучно. Университет - скука. Я хочу ездить в разные места, узнавать новое, а не корпеть над учебниками. Я хочу путешествовать! Хочу выбраться из этого штата, из этой страны. Я просто хочу... *уехать*.

- Тогда так и сделай. Делай то, что хочешь.

- Ты не думаешь, что это глупо? Что я окончательно разрушу свое будущее или что-то в этом роде?

- Э-э, нет? Ты Айсис Блейк! Ты не я, не Рен и даже не Джек. Ты не похожа на других людей. Ты веселая, энергичная и добрая. Ты - это ты. У тебя все получится, независимо от того, что ты делаешь со своей жизнью. Ничего ты окончательно не разрушишь. И я всегда буду твоей подругой.

Мы обе ударяемся в слезы, и Кайла, смеясь, вытирает щеки.

- Пока ты делаешь то, что делает тебя счастливой, все будет хорошо. Обещаю.

\* \* \*

Следующим утром я делаю все для того, чтобы не выглядеть шпионкой. Надеваю ярко-желтую юбку и майку с цветочками (мир может смотреть на мои шрамы, я их больше не прячу), улыбаюсь и со всеми здороваюсь, даже с Хизер, даже с семьей (десятью) парнями, с которыми целовалась (а может, и нет). Шпионы не дружелюбны. Никто никогда не догадается, что я шпионю.

- Ты шпионишь?

- Господи Христосе! - вскрикиваю я и, повернувшись, натываюсь на пристальный взгляд Чарли. - Откуда... откуда ты... - Я наклоняюсь к нему и шепчу: - *Ты умеешь читать мысли?*

- Ты говорила вслух, - невозмутимо отвечает он. - Ты вырядилась в желтый, серьезно? Небольшой совет: если хочешь быть шпионом, носи черное.

- Я не шпион! - Люди оборачиваются на мой крик, и я тотчас понижаю голос: - Я не *шпион*. Я просто... выкинула важный листочек. Случайно. Да.

Чарли смотрит на мои руки, которые по локоть находятся в мусорной урне, а затем посылает мне многозначительный взгляд.

- Много листочков, - исправляюсь я. - Целую тетрадь. Полную листочков.

- Вот, - бухтит он, вытаскивая из урны бумажный пакет и скидывая с него банановую кожуру. - Чудачка. Если тебе нужны наркотики, то их можно достать как все нормальные люди - забрать у дилера. Тогда не придется рыться в мусоре. Все в выигрыше.

- Точно. Эм. Спасибопока.

Дав деру, я с разгона вписываюсь в стеклянную дверь общежития и, громко проклиная дьявола, потираю ушибленный лоб.

- Черт, у тебя действительно отстойно выходит быть незаметной, - произносит позади меня Чарли.

- Уходи, - шепчу я, прячась за колонной. - Кыш!

- У тебя биполярное расстройство, раздвоение личности или что? Потому что обычно ты гораздо болтливее.

- Нет, но у меня начинает болеть голова, когда люди несут бред.

- Знаешь, благодаря тебе мы так и не получили столь необходимую информацию от Бриттани. Ты соблазнила Джека, вывела из игры, и весь наш план полетел насмарку. Она должна была установить жучок на компьютер Уилла. А теперь нам придется действовать сложным путем.

- Сложным путем?

- Придется прокрасться к нему. Ужас, ненавижу это делать.

- Да, в лесу у тебя это вышло хреново, - соглашаюсь я.

- Я гнался за тобой.

- Ну, на погоню это не было похоже, вот как хреново это у тебя вышло.

- Ты кричала.

- Все мы иногда совершаем ошибки.

Он закатывает глаза, и я топаю ногой.

- Слушай, хорошо, что ты остался жив и здоров, но мне правда пора.

Я оставляю Чарли размышлять над ошибкой всей его жизни - над тем, что вообще заговорил со мной, и, перепрыгивая через ступеньку, бегу наверх. В комнате открываю бумажный пакет и вижу плоский черный кусок пластика - не больше ногтя на моем большом пальце.

- Что за дрянь? - Иветта!

Резко разворачиваюсь и прячу кейлоггер между пальцами. Сидя на кровати, подруга преспокойненько красит ногти в столь привычный для нее черный цвет.

- Это козырь моей души, - говорю я. - Я играю против Сатаны в игру с высокой ставкой! Вообще-то, это даже бодрит. Хочешь помочь?

Иветта в недоумении смотрит на меня.

- Мы говорим о Сатане с рогами, красной кожей и большим трезубцем?

- Типа того. Столь же злым, но с волосами и без рогов.

- Значит, это парень.

- Ага. Мне нужно пробраться в его комнату и кое-что установить, но я не хочу угодить в ловушку. Потому что, если ему подвернется шанс, он поймает меня - он обожает наблюдать, как я страдаю.

- Чертов садист, - выплевывает Иветта. - Ладно, значит, ты проникаешь в его комнату, а я вытаскиваю тебя оттуда. Так?

- Да, только есть один нюанс.

- Что за нюанс? - Она морщит нос.

- Нельзя вламываться в его комнату, это только выдаст мой план, его нужно незаметно оттуда выманить.

- Кто кого выманивает? - входя в комнату, спрашивает Диана. - И могу ли я вам помочь?

- Ты принята, - отвечаю я, указывая на нее.

Пока Иветта вводит ее в курс дела, я копаюсь в шкафу в поисках подходящей для битвы одежды. Нужно что-то милое, но строгое. Мне хочется напомнить ему о том, что он разрушил, отвлечь его же «триумфом», чтобы потом слегка ослепить. Выбираю темные узкие джинсы и рубашку в обтяжку, хотя мне тошно даже от одной мысли, что изгибы моего тела будут обнажены перед ним. Но я сделаю это ради Джека. Чтобы он не попал в тюрьму.

- Мы можем включить пожарную тревогу, - говорит Диана. - Мужское общежитие быстро опустеет, даже такой, как он, не останется в комнате, когда услышит вой сирены.

- Идеально. Боже, ты гений. Моя девушка гений! - Иветта целует ее в щеку, и Диана краснеет.

- Ох, прекратите.

Иветта подходит к окну и, открыв его, орет:

- МОЯ ДЕВУШКА ГЕНИЙ!

Разинув рот, я перевожу взгляд на Диану - ее удивленное лицо уже побагровело. Это большой шаг, и он полон отваги и любви, Иветта больше не та пугливая девчонка, которая шепотом рассказала мне свой секрет несколько месяцев назад. Диана подходит к ней, и они начинают

целоваться.

- Кхм! - Я прочищаю горло, когда вижу кончики их языков. - Внимание, пожарная тревога!

Захихикав, они отстраняются друг от друга и, одновременно повернувшись ко мне, ударяются носами. И тогда мы все безудержно смеемся. Со мной все будет хорошо, я это знаю без тени сомнения.

Неважно, что будет после сегодняшнего вечера, я буду в порядке.

Иветта и Диана соглашаются включить пожарную тревогу ровно через семь минут после того, как я войду в общежитие. Две минуты на то, чтобы подняться, и пять минут на разговор с Уиллом, чтобы отвлечь его и установить кейлоггер. Но если я облажаюсь...

Качаю головой. Ничего я не облажаюсь! Ни за что. Ни сейчас, ни потом. Никогда. Я никогда не лажала. Лажала. Лаж - это рыбные палочки в ресторане «Варианты жизни», их никто не заказывает, никому они не нравятся. А если вдруг кто-то *случайно* закажет, то жалеет об этом всю жизнь.

Я бегом поднимаюсь по лестнице и у комнаты Уилла перевожу дух. Приглаживаю волосы, поправляю одежду - не хочу выглядеть так, будто бежала сюда три лестничных пролета. Руки дико дрожат, а к горлу подступает тошнота.

И внезапно оживает мой телефон.

Я тороплюсь ответить, пока Уилл ничего не услышал.

- Алло? - шепчу я, отходя от двери.

- Какого черта ты делаешь? - сбивчиво кричит Джек, похоже, он очень быстро идет. - Сейчас же убирайся оттуда.

- Не приходи сюда, - прошу я. - Я серьезно, Джек. Не приходи. Как ты вообще...

- Чарли рассказал мне, что ты вела себя странно. Айсис, ты не можешь пойти к нему. Не лезь в это. Это моя работа! Не твоя! Ты можешь пострадать!

- Оно того стоит, - отвечаю я. - Если я это сделаю, то тебе больше ничего не будет угрожать. Так что просто позволь мне это сделать. Пожалуйста.

- Нет! Нет, я иду к тебе...

- Джек, - резко осаждаю его я, - ты сбежал после похорон Софии, потому что тебе так было нужно. А мне нужно войти туда сейчас. Одной. Ты должен понять.

Джек молчит, а затем дико рычит от досады:

- Нет.

- Да.

- Нет, Айсис, *пожалуйста*, нет.

- В этот раз он не причинит мне боль.

- Ты этого не знаешь!

- Ты прав, не знаю. Я ничего не знаю. Не знаю, взойдет ли завтра солнце, подхватю ли я ужасную болезнь, попаду ли под машину или Уилл причинит мне боль. Не знаю, где я буду через три года, а уж тем более через десять лет. Не знаю, закончится ли когда-нибудь «Игра престолов»! Не знаю, умрет ли в ближайшем будущем кто-то из моих любимых, и я не знаю, упадет ли метеорит и обратит нас всех в пепел. Не знаю, сойдет ли Земля со своей орбиты и улетит в космос, а мы все медленно замерзнем. Не знаю, позавтракаю ли я завтра яйцами или нет. - Я смеюсь. - Но я знаю, что люблю тебя. Это... это единственное, что я знаю наверняка.

- Айсис...

- Пожалуйста, Джек. Позволь мне это сделать. Я вернусь целой и невредимой. Обещаю.

- *Обещаешь*, - отчаянно говорит он, его голос тихий, но твердый.

- Обещаю, идиот.

- Я люблю тебя. Боже, я так сильно тебя люблю.

Джек кладет трубку, и я поворачиваюсь к двери. Только двери нет. Прямо перед моим лицом грудь Уилла Кавано. Я быстро отступаю, и он усмехается.

- Айсис! Как хорошо, что ты пришла. Я услышал твой голос и выглянул проверить. Ну надо же! Какой приятный сюрприз.

Я надеваю непроницаемую маску.

- Я хочу поговорить с тобой. Наедине.

- Конечно, хочешь, - с ухмылкой отвечает он. - Заходи. Мой сосед пошел ужинать.

Он заводит меня в комнату и закрывает дверь.

- Не запирай ее, - в притворном испуге бормочу я. Но он все равно ее запирает и, улыбаясь, дважды проверяет замок.

- Не могу же я позволить тебе сбежать, верно? Нам столько всего нужно обсудить!

Хлопнув в ладоши, Уилл садится на кровать и жестом приглашает меня занять стул возле его стола. И возле его компьютера! Бинго.

- Итак! - бодро говорит он. - Ты начнешь или я? Или ты просто будешь сидеть в ступоре, как всегда, и позволишь мне говорить за тебя?

- Тебе бы это понравилось, не так ли? - огрызаюсь я, и он охает.

- Вот это да. Какой запал! А я-то думал, что полностью тебя сломал. Позорище.

- Ты не достоин и воздуха, который я трачу на разговор с тобой. Тем не менее, я здесь, мне уже очень давно следовало тебе кое-что сказать.

- Ой, дай угадаю! Свое коронное «пошел ты»? Обожаю. Знаешь, я по этому скучаю. Было забавно слышать это от такого жирного, отвратительного пузыря, как ты. Правда.

- Тебя только это волнует? Забава?

Он задумчиво постукивает пальцем по подбородку, а затем кивает.

- Да! Только ради веселья и стоит жить. Если тебе что-то не доставляет удовольствия, то это бесполезно, следует сразу же от этого избавиться. Вот так.

Уилл встает и, подойдя ко мне, хватается за руку. Я отталкиваю его, паника придает мне сил, но он сильнее. Он раскрывает мою ладонь и забирает кейлоггер.

- И что это у нас? - Он смеется, и надежда рывком покидает меня.

- Н-ничего, - запинаясь я, - просто грязь...

- Это кейлоггер. Неужели ты думала, я не знаю? Я видел, как ты и этот мерзкий гад прогуливались вместе, целовались и глупо смотрели друг на друга. Я знал, что он втянет тебя в это. Он следит за мной, и его гребаный дружок, а теперь еще и ты. Но у вас ничего не выйдет, потому что... - Широко улыбаясь, он ломает кейлоггер на две части. - Я просто умнее вас.

Я смотрю на остатки своей надежды, а Уилл снова садится на кровать и вздыхает.

- Хотя у меня никогда не получалось быть столь забавным, как ты, свинка.

- Это все... это все, чем я была для тебя? - Я с трудом сглатываю. - Забавой? Я никогда... я никогда тебе не нравилась?

- Ой, что ты. Ты мне очень нравилась. - Он улыбается. - Я думал, ты это знала.

- Но ты... ты не можешь испытывать к кому-то чувства и давать ему кличку. Ты не можешь испытывать к кому-то чувства и...

- Да-а-а? - побуждает он. - Продолжай. Скажи это.

Я делаю вдох, очень глубокий вдох. Наполняю легкие силой, запахом Джека и воспоминаниями о его смехе и руках, заполняю смехом Дианы и Иветты и улыбкой Кайлы с затуманенным слезами взором. И уверенно смотрю в темные глаза Уилла.

- Ты не можешь испытывать к кому-то чувства и насиловать его.

- Ошибаешься, - не соглашается он. - Очень плохо, что ты решила, будто это изнасилование! Я пытался заняться с тобой сексом! Вот как сильно ты мне нравилась!

Мне хочется закрыть глаза, заблокировать воспоминания, но я заставляю себя не моргая смотреть на него, сквозь него.

- Я просила тебя остановиться. Много раз.

- Да, просила. Но девчонки не знают, насколько это хорошо, потому и просят остановиться. На самом деле они этого не хотят. Вот почему я разозлился. Вот почему мне пришлось это сделать - ты непрерывно просить остановиться. Ты была глупой маленькой девчонкой, которая вечно меняла свое мнение и не знала, чего хотела.

Его слова превращаются в шипение, гнев поглощает его целиком. Вот он - настоящий Уилл

Кавано, тот, кто прячется за маской хорошего мальчика, неистовым смехом и фальшивыми улыбками.

- Я не была глупой, - медленно говорю я. - Просто я тебя не хотела.

Срываясь с кровати, он резко встает.

- Хотела.

- Нет, - я улыбаюсь, - не хотела.

Уилл не имеет над собой никакого контроля. Он просто надевает маску на свое уродливое лицо и надеется, что люди не будут его разглядывать, любопытничать. Но я его раскусила и нанесла удар по самому больному месту - по его эго, и его красивое лицо превращается в уродливое посмешище - как у горгульи, как у старого вампира.

- Ах ты мерзкая сучка! - Он хлопает руками по столу, и компьютер дребезжит. - Ты была толстой, уродливой сукой! Тебе повезло, что я позволял тебе со мной гулять! Тебе чертовски повезло, что я *хотел* прикасаться к твоей жирной, вонючей тушке! Никто не хотел. И никто не хочет. Даже этот долбаный красавчик. Он просто трахает тебя из жалости. Он видит, какая ты убогая и уродливая, и ему жаль твою свиную задницу!

Я сижу тихо, твердо глядя ему в лицо. Раньше я всегда отводила взгляд, боялась, что его лицо, глаза или даже палец возродит воспоминания. Уилл приближает свое покрасневшее от ярости лицо к моему, и только это удерживает меня от того, чтобы сорваться и выпрыгнуть в открытое окно.

- Я был у тебя первым! - взрывается он. - Он подобрал мой мусор, мои выброшенные объедки, мои гребаные *отбросы!* Ты ничто. Ничто без меня. Я обеспечил тебя друзьями и популярностью. Я, блядь, научил тебя курить, пить, воровать и не быть чертовой жалкой неудачницей. Ты моя! Ты моя, а для всех остальных ты пустая, бесполезная сука. *Чертовы. Бесполезные. Отбросы.*

С каждым его словом что-то внутри меня тает, что-то затвердевшее и темное, будто старая смола на коре дерева, и сейчас она понемногу освобождается. Уилл заливается безумным смехом.

- Тебе понравилось. Я знаю, что тебе, блядь, это понравилось, шлюха.

И с этим словами нечто темное во мне освобождается, покидает мое тело и выходит наружу, из меня, из моей головы, и я сразу чувствую себя легкой и усталой.

Кем бы ни был Уилл в моих воспоминаниях, что бы ни сделал со мной в прошлом, это больше не имеет значения, его власть надо мной растворяется в воздухе.

- Ты никогда меня не любил, - хрипло говорю я, - и я это ненавидела.

- Ты ненавидишь меня, - зубоскалит он. - Ты всегда будешь меня ненавидеть.

- Нет. - Я встаю и вздыхаю. - Мне тебя жаль.

Уилл устремляется ко мне и делает подсечку, это происходит так быстро, что я теряю равновесие и падаю, и тогда он прижимает меня коленями к полу. Страх струится вниз по

моему лицу, спине, ногам, как ледяные когти-бритвы ужасного монстра.

- Отвали! - кричу я. - СЛЕЗЬ С МЕНЯ!

- Думаешь, ты лучше меня? - Уилл фыркает, и слюни летят мне в глаза. Я пытаюсь отбиться, но он перехватывает мои руки и пригвозждает их к полу. - Думаешь, у тебя есть хреново право меня жалеть? Я покажу тебе жалость. О, ты так будешь жалеть...

Я плюю ему в лицо и попадаю в бровь. Слюна медленно стекает вниз, и на долю секунды его охватывает шок, а затем он с силой ударяет меня коленями по ребрам. Я вскрикиваю и пробую увернуться, стараюсь пнуть его, ударит кулаком, но ничего не выходит - все тело придавлено его тяжелым, разъяренным весом.

Это снова случится.

Это снова случится.

Это снова случится, и я не могу это остановить.

Нет.

*НЕТ.*

Могу! Я могу это остановить. Мне нужно прекратить это раз и навсегда!

Я выкручиваюсь и рьяно пинаюсь. Моя нога встречается с его отвратительной плотью между ног, и Уилл, громко вопя, ослабевает хватку. Я скидываю его, как пиявку, и подбегаю к выключателю.

- Нет! - кричит он, и комната погружается во тьму. Единственный свет исходит от тусклого фонаря за окном. Уилл забирается на освещенный участок кровати.

- Сука! - рывкает он, дрожа. - Гребаная потаскуха! Я убью тебя, когда найду. Слышишь, я, блядь, убью тебя!

Я нагибаюсь, как пантера. Мы поменялись ролями. Я хищник, дикое животное, снящееся ему в ночных кошмарах. Теперь у меня есть власть, и я ею упиваюсь. Широкая улыбка расплзается по моему лицу, и я едва сдерживаю смех.

- Ты жалок, - говорю я.

Уилл тотчас бросается на мой голос, но я уклоняюсь, и, когда его пальцы хватают темноту, он возвращается в свет.

- Ты отвратительное существо.

Я снова уклоняюсь, отступая назад, и он бесконтрольно лупит пустоту.

- Катись к черту! - кричит он.

- Мне тебя жаль, потому что ты никогда не познаешь любви. - Я смеюсь, злостно и хрипло. - Твой папочка тебя этому не научил. Ты не знаешь, что такое любовь. А с таким мерзким характером никогда и не узнаешь, никто тебе не покажет.

- Заткнись! Закрой свой поганный рот!

- Ты будешь вечно гнить внутри себя, - шепчу я. - Будешь бояться темноты, настоящей тьмы внутри себя. Она всегда будет там. И никто никогда не озаботится тем, чтобы попытаться избавить тебя от нее. И ты никогда не озаботишься тем, чтобы попытаться избавить себя от нее.

Уилл морщится в полумраке, и я улыбаюсь.

- Мне жаль тебя, Уилл Кавано.

Позади меня распахивается дверь, пуская свет из коридора, и в комнату врывается запыхавшийся, разгневанный Джек. Быстро оглядевшись вокруг, он подходит ко мне и заключает в объятия.

- Он тебя трогал? - Джек обхватывает мое лицо ладонями и, словно врач, тщательно его осматривает.

- Нет, - я улыбаюсь ему, - во всяком случае, недолго.

Джек напрягается, его взгляд твердеет до абсолютного нуля, и, когда он устремляет свои айсберги на Уилла, кажется, в самой комнате становится холоднее. Глаза Уилла мечутся по комнате и останавливаются на открытой двери позади нас. Он бросается к ней, но Джек делает ему подножку, и уже через две секунды Уилл оказывается на полу, его руки скручены за спиной, а крики приглушены ковром.

- Блядь! Пошел на хуй, хренов ублюдок! Отпусти меня!

Взглянув вверх, Джек встает на Уилла, чтобы достать до лампочки на потолке, выкручивает ее и швыряет в стену. Та разбивается на мелкие осколки.

- Айсис, - спокойно произносит Джек, - лампа.

Верно, я переступаю через Уилла, «случайно» задев ногой его лицо. Он ругается, но мне все равно. Я выдергиваю провод из розетки и уже собираюсь бросить лампу в стену, как меня останавливает Джек:

- Нет. Кровать. Я подержу его. А ты привяжи его к ней проводом.

- Нет! Черт, черт, блядь, нет! Вы не можете этого сделать! Вы, мать вашу, не можете этого сделать! Айсис, не позволяй ему это сделать!

Но я игнорирую его слезливые мольбы. Джек прижимает его руки к металлическим прутьям кровати, и я обматываю их проводом и дважды завязываю узел. Джек завязывает третий и для проверки тянет провод.

- До рассвета около семи часов, - говорит Джек. - И я уверен, что нам удастся убедить твоего соседа провести ночь где-нибудь в другом месте. Где-нибудь, где... потише.

- Окно, - небрежно бросаю я. - Его стоит накрыть.

- НЕТ!

- Ты же знаешь, что стоит, - с улыбкой соглашается Джек, стягивает с кровати одеяло и, заслоня свет снаружи, вешает его на оконный карниз.

- Айсис! А-Айсис, пожалуйста! - хнычет Уилл, заливаясь слезами и соплями. - Ты не можешь этого сделать! Ты мне нравилась! Я заботился о тебе...

Джек режет ему так сильно, что я слышу хруст костей. Затем он наклоняется и, схватив Уилла за воротник, с насмешкой говорит ему прямо в лицо:

- Ты больше *никогда* не заговоришь с Айсис!

- Айсис! Пожа...

Я отворачиваюсь как раз вовремя - следует второй удар. Но потом все-таки поворачиваюсь обратно, он это заслужил. Кровь из его носа стекает по губам, по подбородку, и, когда мы с Джеком отступаем, он начинает ныть, а его лоб от страха покрывается испариной.

- Я тебя разыграла, Уилл, - смеясь, говорю я. - Кейлоггер, который ты сломал, был фальшивкой, я сделала его из банки содовой. Даже не верится, что ты купился, ты думал, я настолько глупая, что взяла с собой только один. Ох, Уилл. Настоящий я установила, как только мы вошли. Когда ты запираешь дверь. Так что ты облажался. Действительно, по-настоящему облажался.

- НЕТ! НЕТ!

- Ох уж этот шум, - досадует Джек. Открывает ближайший комод и, достав рубашку, протягивает ее мне. - Не окажешь мне любезность?

- С удовольствием, - отвечаю я и, разорвав тонкий хлопок пополам, подхожу к жалкому парню, которого любила. Уилл хнычет, но угроза еще одного удара сдерживает его речь.

- Скажи мне почему, - произношу я, присаживаясь, чтобы наши лица оказались на одном уровне. - Почему ты меня изнасиловал?

Уилл вопросительно смотрит на Джека, и тот коротко кивает.

- П-потому что, Айсис! - Он вымученно улыбается. - Ты мне нравилась!

Вот и все. Он вяло сопротивляется, когда я запикиваю тряпку ему в рот. Не в горло, я ведь не хочу его убить. Думала, что хочу, но на самом деле нет. Я хочу, чтобы он жил. Чтобы страдал, как я.

Я возвращаюсь к Джеку, и мы уходим.

И последнее, что я слышу, прежде чем закрыть дверь, - приглушенный крик Уилла.

\* \* \*

Диана с Иветтой находят соседа Уилла, робкого парня в больших очках, и рассказывают ему, что произошло. Вздохнув с облегчением, он говорит, что ненавидит Уилла, и за все нас благодарит. Переночевать мы ему предлагаем в комнате Дианы, и девушки из любопытства остаются с ним. Но у меня уже ни на что нет сил, я слишком устала.

Джек помогает мне дойти до комнаты и вместе со мной ложится на кровать.

И я плачу.

Он гладит меня по лицу, рукам, спине и плачет вместе со мной.

- 14 -

2 года

29 недель

3 дня

Думаю, солнце желает меня уничтожить.

Существует столько всего, что способно меня уничтожить: рак, телепузики, да просто смерть. Но нет ничего страшнее и опаснее солнца. Оно помогает взойти нашим посевам и согревает нас в бескрайней колыбели пространственно-временного континуума, и это ввергает нас в иллюзию о том, что мы должны быть ему благодарны, когда на самом деле очень сложно быть благодарным чему-то ослепляющему глаза яркой пилой ультрафиолетовых лучей.

- Фу-у. - Я переворачиваюсь на пляжном полотенце. - Ты можешь хотя бы на пять секунд умерить свой жар?

Но солнце опалаяюще отказывается. Я делаю глоток фруктового напитка цвета Барби<sup>9</sup> из причудливого стаканчика и пытаюсь не замечать обжигающих лучей.

- Где, блин... - Нашариваю рукой очки и напяливаю их на глаза. - Ах, временное облегчение. Такое сладкое, такое быстротечное, такое... «Гуччи».

- Мадемуазель! - Раздается знакомый голос.

Издав стон, я сажусь и созерцаю, как по песку ко мне неспешно шагает Грегори. Даже южно-французские сельчане, привыкшие к яркой и красочной средиземноморской одежде, косо поглядывают на его ужасную зелено-оранжевую гавайскую рубашку.

- Грегори, ты как бельмо на глазу, - жалуясь я.

Рассмеявшись, Грегори протягивает мне руку, и его взгляд скользит по моему белому купальнику с глубоким вырезом на спине.

- Вы же, мадам, наоборот, для глаз услада.

- Нет! - протестую я, вставая. - Нет, нет, и еще раз нет, взгляни на эти бедра! Я слишком молода для мадам. Может, через семь тысяч лет.

- Ладно, пойдем, он отправил меня за тобой, - с ухмылкой говорит Грегори. - И он почему-то дерганый как черт.

- Дерганый? Джек? - Я выгибаю бровь, поднимая свое полотенце и напиток. - Мы говорим об

одном и том же человеке? Человеке, с которым я нахожусь в постоянном личном контакте? – Я обуваю сандалии, и мы с Грегори плетемся по песку обратно к дому.

– Единственном и неповторимом.

– Ты забираешь его с собой? Пожалуйста, скажи «да»! *Пожалуйста!* Мне безумно хочется тех удивительных маленьких шоколадок из Парижа. Я желаю их всем своим дрянным идиотским сердцем.

– Бог свидетель, ты их заслуживаешь, – фыркнув, отвечает Грегори. – Чтобы жить с этим парнем, нужно иметь просто ангельское терпение. В последнее время он был таким нервным. Я думал, небольшой отпуск ему поможет, но стало только хуже.

– Ему необходимо выбраться, – уверяю я. – Подсунь ему хорошенькое дельце, что-нибудь связанное со спасением мира или, по крайней мере, мстью без кровопролитий. В этом он специалист. Ему это понравится, а я буду любить тебя за это. Ты ведь знаешь, что моя любовь здесь главный приз, ну, помимо прекрасного воздуха.

– И француженок. – Грегори разглядывает проходящую мимо женщину в коротенькой юбочке.

– У нас здесь *crème de la crème*<sup>10</sup>, – соглашаюсь я и машу сельчанам. – *Bonjour, Франсуа! La bouche un petite chienne*<sup>11</sup>! О боже, похоже, я сказала что-то не то.

– Ага, полную бессмыслицу, – «объясняет» Грегори и извиняется перед обиженными сельчанами.

Я спешно прохожу мимо него и поднимаюсь вверх по мощеной дороге.

Эта крохотная деревенька вся белоснежная. По краям улицы теснятся многочисленные фасады магазинов: пекарни, мясной лавки и магазина сладостей, а над ними, на вторых этажах, самые обычные квартирki с пышными живыми цветами в ящиках для цветов на окнах, между которыми над дорогой натянуты веревки для белья. Простыни и рубашки развеваются на летнем ветерке. И повсюду запах океана. Дети с буги-бордами и плавательными поясами снуют между велосипедами и лениво прогуливающимися парами. Двое старцев в старомодных панамках, потягивая вино, играют в шахматы под навесом цветочного магазина.

Ближе к окраине деревушки мощеная дорога сменяется грунтовой, а магазины высокой летней травой. Я припеваючи собираю желтые, фиолетовые и белые цветы, но за особенно красивый оранжевый цветок приходится повоевать с пчелой.

– Кыш! – Отгоняю я ее. – Здесь куча цветов, уж один-то ты можешь пожертвовать бедным людишкам!

Грегори хохочет, переводя взор на океан и небольшие фермерские домики, мимо которых мы проходим.

– Я буду скучать по этому городку. Думаю, вы выбрали лучшее место в мире, чтобы осесть.

– Эй! Никто не осел! Весной мы ездили в Грецию, а в следующем году собираемся в Камбоджу! Это основная база, не обитель.

– А разница?

- Обитель означает минивэны и детскую блевотину. Основная база - что мы исследователи высшего калибра.

Грегори качает головой.

- И все-таки это фантастическое место.

- О да, так и есть. Свежий мед, хлеб и по осени много фруктов. Только я ни слова не могу сказать по-французски. Хорошо хоть, мой парень может. - Я чмокаю губами. - Парень. Фу-у, это слово *do сих пор* не уместается в голове. Должно быть другое слово. Быть может, Принц? Нет, слишком царственно. Вторая половинка? Тоже нет, слишком провинциально. Попоженок? - Я ненадолго замолкаю, а затем поворачиваюсь к Грегори. - Да, то, что надо.

- Попоженок звучит как медвежонок, - со вздохом отвечает он.

- Именно!

Дольше мы идем в молчании, он держится в тени дубов, а я весело припрыгиваю рядом с ним. Проходим мимо еще одного фермерского домика - из белого камня и бревен, - возле которого собаки гоняют коз.

- Сегодня у Уилла слушание по условно-досрочному освобождению, - тихо произносит Грегори. Мое сердце пропускает удар, но теплый воздух сразу же сладко меня успокаивает.

- Да, слышала.

- Ему, естественно, откажут, - добавляет он. - Особо тяжкие преступления не так уж и легко обжаловать. Кроме того, я слышал, что судья твердо настроен оставить его за решеткой.

Я ухмыляюсь, и Грегори ухмыляется мне в ответ.

- А еще я слышал, что одна забавная, красивая девушка ведет кулинарное шоу, которое стало очень популярным на YouTube. У нее свой канал? Много подписчиков?

Я отмахиваюсь.

- Тоже мне, большое дело. Просто людям нравится смотреть, как я расплескиваю соус и болтаю всякие странности. Хотя я делала это почти всю свою жизнь. Так что на самом деле им просто нравится наблюдать за моей жизнью. Неплохо для девушки, которую отчислили из университета за порчу профессорского кабинета, правда?

- И ты зарабатываешь достаточно, чтобы жить здесь, - подмечает он.

- Ага. Конечно, Джек тоже помогает. Немного.

Мы обмениваемся улыбками. «Немного» - преуменьшение века. Здесь, в Европе, бизнес Грегори, связанный с информационными операциями, пользуется большим спросом, а так как теперь эту ячейку возглавляют Джек и Чарли, зарабатывают они очень даже прилично. Политики, магнаты и любопытные, ревнивые мужья всегда хотят знать, что происходит с их конкурентами. Иногда с Джеком связывается ЦРУ, но он в основном отклоняет их предложения, цитирую: «По личным причинам. Я не уезжаю от своей прекрасной девушки работать в другие страны», - конец цитаты. Как бы то ни было, он болван.

- Он твой болван, - поправляет меня Грегори.

Я закатываю глаза и подбегаю к воротам в наш дом.

На самом деле домом его назвать сложно, это скорее захудалая лачуга, которую построили рядом с персиковым деревом. Стены из белого камня и дерева. Окна слегка скошены и зимой плохо удерживают тепло, но печка нас выручает, к тому же крыша не протекает, а именно эти мелочи и важны, ну, и еще парочка крупностей: у нас гигантская ванна на ножках и огромный, жирный серый кот по имени Улун, который прямо сейчас сидит на подоконнике и греется на солнышке. Я бросаюсь к двери, и Улун, подняв голову, одаряет меня глубоким и весьма устрашающим взглядом, а затем вновь мурлыча засыпает.

- Отряд прибыл! - возвещаю я о своем возвращении и, повесив полотенце на спинку стула, обвожу взглядом кухню: морские стеклышки и ракушки украшают подоконник возле ржавой раковины, а на столешнице после завтрака остались кружки с недопитым кофе и испачканная вязким тестом вафельница. Я подхожу к холодильнику и, открыв его, смотрю на Грегори, который громко усаживает свой усталый зад на стул.

- Хочешь молоко? Свежее, от соседской коровы. Или... о-о! У нас с прошлого вечера еще осталось немного вина.

- Воды будет достаточно, - уверенно отвечает Грегори. Я наливаю ему стакан воды и заглядываю в гостиную. Мой ноутбук, камера и оборудование, которые я использую для записи кулинарных видео, свалены в кучу на уродливом, но все же чертовски милом диванчике с орнаментом пейсли. Посреди гостиной стоит импровизированная постель Грегори - надувной матрас, который пахнет кошачьей мочой, рядом с ним лежит его рюкзак. Возле стены стылая печка, которую летом мы топим лишь в очень холодные ночи, около нее возвышается гряда дров - должно быть, Джек недавно натаскал.

На цыпочках прохожу через гостиную в открытую спальню. Королевская кровать из латуни до сих пор не прибрана. Джек сидит за столом напротив окна с видом на море и разговаривает с кем-то по скайпу на своем ноутбуке. Его растрепанные золотисто-каштановые волосы блестят на солнце, а благодаря свободному свитеру его спина кажется шире. М-м-м, соблазнительно. Но мне не удастся как следует насладиться его великолепием, поскольку именно в этот момент я замечаю, с кем он разговаривает.

- ...но, что, если я спрошу ее, а...

- Рен! - кричу я, бегом бросаясь через всю комнату и нависая над плечом Джека. - Ты только взгляни на себя! Не могу поверить, что ты окончил экстерном, тупица! Вот черт, я больше не могу тебя так называть, да?

Ну и солидно же он выглядит с темной щетиной и огромными очками на носу.

- Нет, не можешь, - смеясь, отвечает он.

- Думаю, мы все равно должны его так называть! - восклицает Кайла, смахивая пушинку с его выпускной шапочки. - И привет. Дорогая, я просто без ума от твоего загара.

- Привет, сладкая, - воркую я в ответ. - Как же мы давно не общались.

- Айсис, мы разговаривали вчера вечером.

- Слишком давно! Ты должна вернуться. Я скучаю по тебе, и дом скучает, и сраный котенок, - жалуюсь я. Джек протягивает руку и поглаживает ладонью меня по спине.

- Ладно, ребята, мне пора, - говорит он, вставая.

- Точно! Поговорим позже, - с ухмылкой отвечает Рен.

- Удачи! - Кайла лучезарно улыбается, и Джек, рыча, быстро закрывает ноутбук.

- Эй, ворчунишка, чего хмуришься? Подожди, не говори. Улун нагадил в кровать.

Вздохнув, Джек обнимает меня за талию и притягивает к себе.

- Нет.

- Неужееели он опять съел твой гель для волос?

- Нет, - бормочет Джек и, опустив голову мне на плечо, вдыхает запах моих волос. - Ты пахнешь океаном.

- Я пахну *вопросами!* - заглядывая ему в глаза, поправляю я. - Ты чего такой возбужденный, а? Ты уже несколько дней какой-то потерянный. И каждый раз, когда я застаю тебя за общением с Реном, ты быстро выходишь из скайпа! Вы обмениваетесь порно? Дело в порно? Я теперь вдова?

- У него период полового созревания! - кричит Грегори из кухни.

- Заткнись! - кричит Джек в ответ, а затем быстро добавляет: - Сэр!

Грегори громко смеется, и я смеюсь вместе с ним, но, когда Джек, хмурясь, крепче прижимает меня к себе, понимаю, что что-то на самом деле не так.

- Эй, эй. - Я отстраняюсь и ладонями обхватываю его лицо. - Если ты немедленно не расскажешь, что случилось, я умру. А потом улечу. Так, нет, забудь, не думаю, что мертвые могут летать, если, конечно, они не зомби/ангелы, а я уж точно не анге...

- Выходи за меня, - шепчет Джек мне на ухо.

Я замираю, и орда ледяных мурашек пробегает по моей коже.

- Ч-что?

Он стонет и прижимается лицом к моей шее. Я буквально ощущаю, как пылают его щеки.

- Не заставляй меня произносить это дважды.

- Джек, какого хрена...

- Выходи за меня, - повторяет он. - Выходи за меня. Я хочу, чтобы ты стала моей женой, Айсис. Я хочу, чтобы ты... хочу, чтобы ты была моей.

- Я и так твоя, идиот. - Целую его в шею.

- Знаю. Но я хочу, чтобы все это знали. Хочу, чтобы приехали твои родители, моя мама, Рен,

Кайла, Диана, Иветта, Мира, Джеймс, Чарли...

- Фу-у, нам обязательно приглашать Чарли?

Джек смеется.

- Он привезет свою бабушку. Ты ее полюбишь, она гораздо лучше него. Я просто хочу, чтобы они все были здесь, с нами, хочу, чтобы они увидели, как мы счастливы, хочу, чтобы они отпраздновали вместе с нами, хочу увидеть, как ты в белом платье, сверкая улыбкой, разрезаешь торт... хочу сделать тебя счастливой.

- Я уже счастлива! И ты это знаешь!

- Ты несколько лет не виделась с родителями. А я со своей мамой. Только представь этот дом заполненным людьми...

- И где они будут спать... на столе?

- Представь деревенский отель заполненным людьми, - исправляет он, - которых ты любишь. Ты смогла бы показать им окрестности, мы могли бы собраться на пляже и запустить фейерверк, и ты бы испекла самый лучший торт в истории человечества...

- Таков каждый мой торт, - надменно заявляю я. Джек тычет меня в живот, я хихикаю и выворачиваюсь из его объятий, но он, наклонившись, вновь хватает меня.

- И ты стала бы... стала бы Айсис Хантер. Если, *черт*, если ты не против. Ты не обязана соглашаться, меня и так все устраивает, но я просто подумал, не знаю, просто подумал...

Я прерываю Джека поцелуем и, игриво толкнув его на кровать, усаживаюсь ему на бедра.

- Ладно. Если я за тебя выйду, что я буду с этого иметь?

- Я посвящу себя тебе, - серьезно отвечает он.

- Ты и так уже мне предан, - дразню я, прокладывая дорожку из поцелуев от его подбородка к ключице.

- Я буду защищать тебя. А такой хулиганке, как ты, нужна моя защита.

Я смеюсь ему в грудь и скольжу губами вниз по животу.

- Я стану твоим, - добавляет он. - Во всех отношениях.

Я целую край джинсов.

- Ты уже мой.

Он притягивает меня к своим губам и целует, пылко и страстно. Переворачивает нас и, прижимая меня к подушкам, нежно покусывает мочку уха.

- Тогда это легко, верно? Добавим лишь одно дурацкое белое платье, торт и наши семьи.

- Ты просто хочешь увидеть меня в свадебном платье, - хихикая, бормочу я. Он окидывает меня

взглядом и с дерзкой улыбкой на губах нежно щелкает купальником по моему бедру.

- Разве можно меня за это винить?

- Я виню тебя за все. За мировой голод, Рональда Рейгана, Леди Гагу... - я шумно втягиваю воздух, когда Джек раздвигает коленом мне ноги, - за свое нынешнее распаленное состояние.

Он смеется, и его смех так звонко и искренне раздается по дому, что мне вновь хочется его поцеловать. И целовать его снова и снова. Вечно. Но он плотно сжимает губы.

- Итак, это значит «нет»?

Я обвиваю руками его шею и притягиваю к себе.

- Кто я, по-твоему? Я Айсис Блейк. Я пробую все по разу. Или по четыре раза. Если достаточно дешево и довольно вкусно...

Ледяные глаза Джека серьезны как никогда, и я утрачиваю всю шутливость.

- ...и для меня будет честью попробовать брак с тобой...

Джек улыбается.

- ...большой, глупый идиот.

**КОНЕЦ**

**Заметки**

[

←1

]

*Пыль зомби - жаргонное название фенциклидина (наркотика).*

[

←2

]

*Четыре-двадцать - термин, используемый в североамериканской наркотической субкультуре для обозначения популярного времени курения марихуаны. Ежегодно, 20 апреля, ровно в 4:20(16:20) представители данной культуры проводят массовые акции, участники которых открыто курят марихуану и выступают за легализацию легких наркотиков.*

[

←3

]

*Синдром Туретта - генетически обусловленное расстройство центральной нервной системы, которое проявляется в детском возрасте и характеризуется множественными моторными, вокальными или механическими тиками.*

[

←4

]

*Сплеш Маунтин. - аттракцион, где деревянная лодка спускается по тоннелю, заполненному водой, мимо двигающихся сказочных персонажей, совершающих различные действия, а затем неожиданно срывается с вершины шестнадцатиметрового водопада и быстро мчится вниз.*

[

←5

]

*Здесь имеется в виду «сядешь на переднее сиденье». Слово «shotgun» дословно переводится как «ружье», сленговое выражение «get shotgun» или просто «shotgun» означает «сидеть на переднем сиденье». Выражение возникло в 1800-х годах, когда человек, сидящий рядом с водителем, чаще всего был вооружен, чтобы следить за безопасностью.*

[

←6

]

*Лейф, Лейф Эйрикссон, Лейф «Счастливый» (Leifr inn heppni Eiríksson) - исландский викинг.*

[

←7

]

*МДМА - наркотик, широко известный под сленговым названием «экстази».*

[

←8

]

*Кейлоггер - программа, которая может использоваться для разностороннего слежения за действиями пользователя на компьютере, включая нажатие клавиш на клавиатуре и кликанье мышки.*

[

←9

]

*Цвет Барби - розовый цвет.*

[

←10

]

*Crème de la crème (фр.) - высший сорт.*

[

←11

]

*La bouche un petite chienne (фр.) - пасть маленькой собаки.*

mir-knigi.org